

Лариса Кириллина

Письма
Звёздному
императору

Лариса Валентиновна Кириллина

Письма Звёздному императору

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69445258

SelfPub; 2023

Аннотация

На планете Лиенна с помощью Межгалактического альянса воссоздана цивилизация погибшей Уйлоанской империи. Лаон, молодой историк из богатой семьи, заключает неравный брак, порывает с родными, а после ранней смерти жены воспитывает единственную дочь, желая сделать из "девочки с маяка" ученую даму с безупречными манерами. Общество постепенно принимает обоих, но отец и дочь ощущают себя чужими в мире жестких сословных границ. Судьба влечет их всё дальше, в другие миры, где их ждут совершенно необычайные встречи. Роман может читаться как самостоятельное произведение, но в то же время является дополнением к космоопере "Хранительница" и сюжетно связан с третьей книгой ("Двойное кольцо"). Обложка: авторский коллаж нескольких изображений, сгенерированных различными нейросетями.

Содержание

Маяк	5
Айлисса и Лаон	11
Инопланетянин	31
Семья	43
Свидания и разлуки	53
Космолингва	66
В светском обществе	75
Будни ученого	84
Уроки хороших манер	90
Предание о Звездном императоре	103
Переселение	118
Во дворце	127
Экзамен	139
В гостях	146
Советы искушенных	151
Нежданный визит	163
В гостях у консула	177
Беседа с психологом	190
Письма к Звездному императору	197
Благотворительница	209
Возмутитель спокойствия	223
Предложение	232
Соблазны	242

Сплетни	252
Ночь на маяке	265
Планета гроз	278
Университет	283
Открытие	292
Оппонент	305
Чудо	314
Званный ужин	320
Решение	338
Постскриптум	343

Лариса Кириллина

Письма Звёздному императору

Маяк

Океан – жизнь и смерть.

Так всегда внушал своей маленькой Ласси дедушка Кайс, смотритель маяка близ Меннао.

Маяк стоит на полуострове Морну, напоминающем голову ящера на длинной шее. Тело тянется на материк, возвышаясь небольшим лесистым хребтом над плотно застроенной местностью.

С океаном шутить нельзя. К нему нужно относиться с величайшим почтением. Играть у каменной морды ящера можно лишь там, где разрешают взрослые: на безопасном расстоянии от зубастых скал и рокочущих волн. Сбоку есть небольшая бухточка с длинным причалом для катеров. Здесь потише, нет сильного ветра, и прибой почти неощутим. Волны плавные и пологие. Но прилив и отлив начинается быстро, и, если зазеваешься и не успеешь добраться до берега, будет беда. Так что и в бухте резвиться позволено только под наблю-

дением дедушки Кайса, бабушки Файи или папы. Зато, когда они рядом, можно вволю носиться по мелководью, поднимая фонтаны сверкающих брызг, можно нырять и прыгать в волнах, – или, когда отлив, бродить по мокрому песку, собирая ракушки и съедобные водоросли.

Дедушка занят своей работой в основном вечером и ночью – днем маяк зажигается лишь в туман или в дождь. Действует, собственно, автоматика, но за нею нужен присмотр, оборудование тут старое. Иногда случаются сбои, их нужно быстро устранять и сообщать береговому начальству, что всё в порядке, – или, наоборот, просить прислать ремонтников. Если поставить современную технику, управляемую издалека, должность смотрителя не понадобится. Но власти пока не сочли это необходимым.

Маяк – приманка для отдыхающих в Меннаваре. Сюда снаряжают экскурсии на катерах, и во время сезона на этом зарабатывают многие семьи. При полностью автоматическом маяке пришлось бы либо запретить его посещение посторонними, либо ввести должность сторожа, допускающего экскурсантов на Морну и следящего за порядком. И какой в этом смысл?.. Жалованье Кайса Вайнира не так велико, чтобы власти могли на нем хорошо сэкономить. По сути, за одну цену они имеют сразу двух служащих, ибо Файя помогает мужу задаром – лишь в случае его смерти она получит скромную пенсию.

Казалось бы, девочке должно всё наскучить: виды одни и

те же, развлечений почти никаких – разве что приезд очередной компании экскурсантов, которые часто дарят ребенку лакомства и безделушки: веера, кулончики с «рыбьим глазом», браслеты из красного дерева, талисманы, воздушные шарфики... Благородные дамы обычно скупают все эти бесполезные вещи на лотках, заманчиво расставленных вдоль променада на набережных Меннао и Меннавара, и вскоре сами недоумевают – зачем они им, куда их девать? Просто выбросить жаль, а порадовать бедную девочку – дело похвальное.

Но Ласси старается поменьше общаться с приезжими. Надоело. Всегда одни и те же восклицания и вопросы. «Ах, какая хорошенькая! Девочка, тебя как зовут?» – «Илассиа, госпожа». – «О! Ты – птица? Умеешь летать?» – «Нет, госпожа, но морские птицы ныряют и плавают. И я тоже». – «Какая ты умница! Хочешь, я подарю тебе это чудесное украшение?» – «Как вам будет угодно, благородная госпожа». – «До чего прелестный ребенок! Из простой семьи, а как тонко воспитана! Ты ведь дочка зрителя, да?» – «Нет, госпожа, я живу здесь у дедушки». – «А твои родители где?» – «Папа работает в Уллинофароа, а мама... она умерла». – «Ах, бедняжка... Ну, держи, вот тебе кренделец»...

Крендельцы с карамелью – сладкое искушение, но дедушка говорит, после них нужно обязательно прополоскать рот соленой водой, а иначе зубы скоро испортятся. Ради этих случайных подарков не стоит бежать на причал всякий раз,

когда прибывает очередная экскурсия. А кулончиков, вее-
ров, браслетов из мелкого жемчуга и платочков с вышивкой
«Меннао ваймори» – «На память о Меннао» – у Ласси уже
накопилась целая куча. Бабушка шутит: вот тебе и приданое,
из жемчуга сделаем длинное ожерелье в три нитки, из пла-
точков сошьем накидку на свадьбу...

Торговать у пристани на маяке таким товаром бессмыс-
ленно. Но, поскольку деньги семье нужны, бабушка Файя вы-
ставляет на продажу большие красивые раковины коамсов
(двух одинаковых не встречается!), светильнички из ажур-
ных скелетов круглых рыбок сайси и другие диковины, кото-
рые дедушка Кайс добывает в море или которые волны вы-
носят на берега полуострова Морну. Вместе с бабушкой они
придают своим находкам вид изящных и редких изделий,
и ценители их покупают, платя несравненно дороже, чем за
расхожие сувениры с набережной. Ласси, пока была совсем
маленькая, находилась при бабушке, но теперь, когда ей уже
пять, ее оставляют в доме, давая несложные поручения по
хозяйству, или разрешая одной погулять вблизи маяка – ко-
нечно же, с соблюдением всех положенных предосторожно-
стей...

«Океан – это смерть»...

У дедушки с бабушкой было двое детей. Сын и дочь. Сын,
Карео, не пожелал оставаться простым рыбаком, выучился
на морехода, поступил служить на трансокеанское судно, хо-
дившее на другой материк, Лиоллан – и погиб вместе с ко-

раблем и всею командой... Зато Кайсу по распоряжению администрации Меннавара досталась должность смотрителя маяка – работа считается легкой, жизнью тут рисковать не надо, дом казенный, в сезон – постоянный приработок...

Файя лучше бы бросила всё и уехала вглубь страны, подальше от океана, шумно дышащего чудовища, безжалостно проглотившего ее сына. Но Кайс решил, что на нем теперь долг – обеспечивать бесперебойность сигналов старого маяка, свет которого может спасти чьи-то жизни.

Собственно, возле Меннао – не совсем еще океан, а огромный залив, называемый морем Валлойн. Течения здесь прихотливые, поскольку чуть дальше в море впадает река Виссана, и сочетание разных вод – океанских, морских и речных – порождает опасности для маломерных судов, в том числе для рыбацких лодок и катеров. Крупные корабли и баржи преодолевают эти коварные волны и водовороты без вреда для себя, устремляясь в порт Меннао мимо горящего на мысу маяка.

У дедушки Кайса есть катер, он давно изучил все капризы ветров и течений, и порой выходит в залив или даже в открытые воды Валлойна, привозя домой всевозможных морских обитателей – рыб, моллюсков, головоногих, съедобных медуз... Внучку он с собой не берет, хотя Ласси ничего не боится и отлично плавает, а ведет себя, когда это требуется, не по-детски послушно. Зато по возвращении дедушка Кайс первой показывает ей свой улов, объясняя, кого океан пода-

рил ему на сей раз.

Ласси уже выучила имена всех обитателей океана и прилегающей к нему суши. На Морну, помимо безвредных змеек, ящериц и сухопутных крабов, живут или часто бывают изумительно красивые птицы – в том числе те самые альбатросы, илассиа, в честь которых она получила свое необычное имя. Небольшие изящные чайки – ниссоа – похожие на летучую тень, ибо в сумерках или в тумане они практически не заметны, забавные жирненькие гуллы, которых близ Меннавера почти истребили, а здесь они в безопасности – Морну считается Императорским заповедником, и охота на полуострове запрещена.

Айлисса и Лаон

Однажды, когда Ласси была еще совсем маленькой, два годика с небольшим, дедушка привез очередную добычу, выгрузил ее в подсобку у кухни и пошел вымыться и поспать перед ночным дежурством. Бабушка и мама спешно взялись разбираться с уловом – долго хранить его негде, нужно поскорее всё очистить, выпотрошить, разрезать на куски, сварить, засолить, закоптить, а кости и раковины оставить для красивых поделок...

Мама сперва не заметила, что гиммор, у которого острый шип на хвосте, оказался не снулым, живым. При разделке он дернулся и поранил ей руку. Она быстро прикончила тварь, наскоро обработала ранку, но решила не устраивать суеты из-за такой малости. С гимморами она раньше не сталкивалась, обитают они на большой глубине, ближе к дну, и попадаются очень редко. К вечеру ранка воспалилась, рука покраснела, у Айлиissy поднялся жар. Она всё ещё не придавала случившемуся особенного значения: некоторые шипастые жители моря ядовиты, и что? Никогда их яд не причинял ей большого вреда. Хуже было, когда Айлиissy острекала медуза-флирр: тогда волдырями покрылось всё тело. Неприятно, но не смертельно. Полежала три дня в постели, попила лекарство, помазалась мерзко пахнущей, но целебной мазью

из жира гулламов – и всё понемногу прошло. Пройдет и на сей раз.

К утру она всё-таки разбудила родителей. Рассказала про шип. Говорить уже было трудно, сознание путалось, огонь сжигал изнутри. Кайс немедленно вызвал медиков. Айлиссу увезли в Меннавар, а оттуда Меннао, в клинику экстренной помощи.

На маяк она не вернулась. И тело не отдали: часть тканей взяли для дальнейшего изучения, остальное кремировали на месте. Яд гиммора очень опасен, а для некоторых индивидуумов смертелен. Если бы Айлисса сразу же обратилась к врачам, ей вкололи бы сильную сыворотку, и тогда заражение крови могло бы и не начаться. А по прошествии столь долгого времени даже полное переливание не помогло.

Муж Айлиссы – папа Илассиа – постарался примчаться из Уллинофароа как можно скорее. Но спешить уже не было смысла. Последние часы своей краткой жизни Айлисса провела без сознания – хотя уже и без боли. Проститься с любимой женой он не смог.

С захоронением праха тоже вышла заминка. У семьи Вайнир никогда не имелось собственного фамильного склепа. Откуда он у простых рыбаков? Первым, кто выбился из своей низкой страты, был погибший в море Карео. Но его останки сожрал океан, не осталось даже следов. И пришлось основательно похлопотать и даже поскандалить с родными, чтобы прах Айлиссы поместили в место общего упокоения Са-

онсов – семьи, хотя и не знатной, но весьма процветающей и уважаемой.

Саонсы владели двумя ресторанами, несколькими магазинчиками сувениров, собственным домом в Меннао и пансионатом для отдыхающих в пригороде, Меннаваре. Эта часть «большого Меннао» всеми воспринималась как отдельный городок со своим собственным именем и отдельной администрацией. Жизнь здесь шла размеренно и определялась сменой сезонов: во время долгих зимних дождей Меннавар пустел, все местные сидели у своих очагов, а приезжие сюда не заглядывали, зато летом, когда дожди случались лишь вечером или ночью, в Меннавар стекались любители морских купаний, прогулок на катерах и приятного безделья. По распоряжению местных властей даже громкие увеселения ограничены всего парой вечерних часов. В отдельно стоящих помещениях с крышей и толстыми стенами можно устраивать вечеринки и ночью, однако таких заведений в Меннаваре немного.

Кайс иногда привозил жену и дочь прогуляться по набережной. Задерживаться допоздна они не могли: работа на маяке допускала паузы, но не позволяла простоев. Ему думалось, дочка заслуживает хоть каплю веселья, а то вырастет, видя вокруг лишь море, дикие скалы, птиц, ящериц и бесконечные хлопоты по хозяйству.

Айлиссу не слишком тянуло туда, где легко потеряться в толпе, и где все чужие и какие-то странные. Что они все там

делают? Отдыхают? От чего? Они вовсе не выглядят сильно уставшими. Когда устают, не идут гулять по длинной набережной, а ложатся спать. Айлиссе не нравилось находиться среди шума, гама, мелькания лиц, хаотических разговоров, обрывков музыки, криков торговцев... Она никогда не просилась на материк, и отец перестал устраивать эти изнурительные семейные выезды, во время которых мама Файя тоже чувствовала себя неловко: она одевалась не как городские дамы, на нее посматривали снисходительно или презрительно, а заводить себе новые платья ради редкой возможности покрасоваться перед незнакомыми «отдыхающими» – и дорого, и неразумно.

Даже когда Айлисса достигла школьного возраста, отец предпочел обучать ее сам. Иначе пришлось бы отдать девочку в интернат, ведь возить Айлиссу в Меннавар каждый день и потом забирать ее нет никакой возможности. И зачем дочке смотрителя маяка быть ученой? Достаточно, чтобы она умела читать, писать, считать, вести хозяйство, шить, лечить простые хвори, перевязывать раны, управляться с несложной техникой, – то есть, знать всё, нужное для будущей взрослой жизни. Такую невесту даже без приданого примут в любой приличной семье. Пробуждать в ней мечты о несбыточном ни к чему. Хорошо, что Айлисса вполне довольна своим положением и не рвется из дома туда, где ей вовсе не место. Со временем Кайс сам присмотрит ей жениха. Молодого, работающего, крепкого, но не грубого, способ-

ного содержать семью в достатке, однако не кичащегося богатством, нажитым предками.

Всё сложилось не так, как задумывалось.

Лаон Саонс, студент Императорского университета в Улинофароа, проводивший каникулы у родственников в Меннаваре, приехал на Морну с компанией экскурсантов. Он бывал там еще ребенком и решил освежить впечатления.

В тот день за лотком у пристани стояла не Файя, завершавшая дома стирку, а Айлисса. Покупатели сгрудились у прилавка, разглядывая морские диковинки, Лаон же смотрел лишь на юную стройную девушку.

У нее была светло-серая кожа с чуть серебристым отливом, лицо, затененное широкополой соломенной шляпой. Верхний глаз вообще оставался невидимым. А два нижних внимательно наблюдали за мельтешением вокруг выставленных товаров. Лаон едва сумел разглядеть цвет ее глаз: серо-голубоватый, как море в вечернем тумане, сквозь который изредка сверкают огоньки проплывающих кораблей.

Окончательно покорила его голос девушки. Мелодичный, успокоительно низкий, не слишком громкий, но звучный. Ни единой крикливой ноты, ни тени раздражения на докучливых покупателей, одолевавших ее беспорядочными вопросами. Речь – простая, но вежливая, без заискивания и без вульгаризмов.

Он дождался, когда толпа рассосется и сказал экскурсоводу, что задержится тут: Лаон – местный, он уже бывал на

маяке, ему интереснее рассмотреть панцирь ойса и резьбу по рогу хофарна...

Так они познакомились, Айлисса и Лаон. Когда вернулась Файя, они уже дружески болтали о том и о сем. Айлисса предложила показать ему те уголки полуострова, в которые туристов не водят – там либо слишком опасные тропы, либо заповедные гнезда илассиа. Эти птицы гнездятся на обрывистых склонах, откладывая раз в год по яйцу, и тревожить их запрещено.

Айлисса рассказала ему о повадках своих любимцев. Илассиа заключают союзы на всю свою птичью жизнь, заботятся друг о друге и вместе выкармливают птенца, защищая от хищников. У взрослых птиц нет серьезных врагов – мощный клюв, широкие крылья и внушительные размеры отпугивают скальных асуров. Однако яйцо или маленького птенца эти шустрые мелкие хищники легко уташат и быстро съедят. А уж если на илассиа вздумают поохотиться обладатели настоящего оружия, то спасения нет: в местах гнездования скапливается множество пар, мишень заметная, подстрелить очень просто... Но – зачем?.. Ради мяса?.. Существует же много куда более годящихся в пищу птиц, взять хоть тех же гулламов. Ради перьев?.. Перья можно собрать, вовсе не прибегая к убийству. А илассиа так красивы в полете! Любоваться – не налюбишься...

Вплотную приблизиться к птицам Айлисса ему не позволила. Но даже издали наблюдать за ними оказалось чрезвы-

чайно увлекательным делом. Правда, пробираясь среди скал и колючих кустов, Лаон порвал и испачкал брюки.

Айлисса повела его в дом – отчищаться и зашивать дыру на колене. Файя предложила гостю выпить охлажденного травяного настоя и разделить нехитрую семейную трапезу. Экскурсанты давно уехали, а Лаона ближе к вечеру Айлисса сама отвезла в Меннавара на катере. Он мысленно восхищался этой девушкой – такой милой и скромной, но столько знающей о мире, в котором живет, и умеющей всё – и вести разговор, и готовить, и править семейным суденышком. Ни одна из его городских знакомых не могла бы выдержать уединенной жизни на маяке, выполняя всю ту работу, которую словно бы незаметно делали дочь и мать, Айлисса и Файя.

Он без конца повторял ее имя – «Айлисса», такое чудесное и необычное. Кайс и Файя называли дочь, как птицу, но айлисссы на Морну не прилетают, их можно увидеть лишь зимой вблизи Меннавара, они бродят по мелководью и питаются там рачками и водорослями, а весной улетают в горы – гнездиться и выкармливать малышей. Лаон видел айлисс только в Императорском парке в Уллинофароа, и теперь признавал про себя: да, эта девушка – словно редкая птица, с отточенными движениями, с темной шапочкой на головке...

Через пару дней он вновь отправился на маяк, наняв себе лодочника, которого отпустил назад, едва они прибыли. Главным было добраться туда, ведь единственная дорога, ведущая на мыс с материка, перегороджена длинным забором

с замком и надписью: «Маяк Меннао. Охранная зона. Заповедник. Посторонним въезд запрещен». У Кайса Вайнира, конечно, есть ключ от замка, только Лаон не посмел бы его беспокоить ради собственного визита, к тому же неожиданно.

Айлиссу он увидел издали. Она шла вдоль каменистого берега по узкой кромке песка, иногда наклоняясь, чтобы подобрать очередной подарок моря и положить его в корзину, висевшую у нее за спиной на ремне.

Он решительно устремился навстречу девушке, о которой непрестанно думал все это время. Она даже не удивилась его приезду и после вежливого приветствия сообщила как близкому другу: «А я вот насобирала раковин – и на ужин, и на поделки». – «Дайте, я понесу, корзина ведь весит изрядно!» – предложил он. – «Опять запачкаетесь», – возразила она. – «А вы, Айлисса?» – «У меня спина прикрыта плащом, он старый, но непромокаемый».

Кончилось тем, что корзину она сняла, и они потащили ее наверх вдвоем, взяв каждый за свою ручку. Нести было совсем неудобно, однако они веселились, как дети, не ощущая ни малейшей неловкости.

«Устали, Лаон?» – спросила она, когда они уже стояли у двери.

«Я хотел бы всю жизнь идти рядом с вами, делая все тяготы или даже беря их на себя», – ответил он.

Она посмотрела на него испытующе, как будто ждала про-

должения. И он решил не откладывать самое важное:

«Айлисса, прошу вас: будьте моей женой».

«Да хранит вас Маир! Что подумает ваша семья?» – изумилась она.

«Я... не нравлюсь вам?»...

«Лаон, вы... вы очень мне нравитесь».

«Я люблю вас, Айлисса».

«Я тоже...».

«Ну, тогда не имеет значения, что подумают остальные. Я хочу попросить вас в жены у ваших родителей. А моим придется принять этот выбор».

«Вас начнут отговаривать».

«Бесполезно, Айлисса. В прошлый раз вы рассказали мне про илассиа. И... я чувствую, что мы с вами – такая же пара. Никакую другую девушку я полюбить не смогу».

– «Милый Лаон... Я всё время мечтала о вас, но не смела надеяться», – чуть слышно сказала она.

Кайс и Файя приняли их обручение как неизбежность, хотя и без пылкой радости. Им, конечно, сразу же было ясно, что Айлисса не пара ученому юноше из богатой семьи. Однако, раз жених сам явился к ним в дом и настаивает на полнейшей серьезности своих чувств и намерений – стоит ли спорить с судьбой и препятствовать счастью влюбленных? Айлисса – хорошая девушка, за ее воспитание стыдно не будет, а если она бедна, так ведь то не порок... Пороками были бы распущенность, лень, невежливость, нечистоплотность,

неуважение к старшим, неумение держать свое слово... Ну, подумаешь, Саонсы принадлежат к третьей страте, а Вайниры к четвертой. Ни те, ни другие не могут считаться знатными, а другие различия не настолько существенны, чтобы брак не мог состояться.

За ужином Лаон кое-что рассказал о себе и своей семье. Родители живы, их зовут госпожа Ассона и господин Синнан. У них дом в Меннао и совладельческая доля в консервном заводе. В Меннаваре обосновались старший брат, Синнао, хозяин пансиона, в котором сейчас проводит каникулы Лаон. Он помогает брату вести счета и сам убирает свой номер. Есть еще две сестры. Старшая, Ассоа, тоже здесь, в Меннаваре, она замужем и совместно с супругом содержит магазинчик и ресторан. Младшая сестра, Саинна, еще при родителях, но, кажется, у нее появился поклонник, преуспевающий врач, и, вероятно, вскоре она с ним обручится.

Есть ли у Лаона средства содержать жену? Он надеется, что родители выделяют ему ту часть имущества, на которую он имеет право, как младший из сыновей. А если нет... Что ж, он найдет работу, не бросая университет. Будет давать уроки, писать статьи, водить экскурсии по какому-нибудь музею. Через несколько лет он получит ученую степень, и тогда ему, несомненно, предложат хорошую должность в каком-нибудь из Императорских учреждений...

Кайсу все эти рассуждения не внушали большого доверия.

Он предпочел бы зятя, имеющего в руках просто надежное ремесло. Но, коли уж Айлиссе этот Лаон пришелся по сердцу, зачем препятствовать? И зачем заставлять молодых дожидаться, пока он закончит свой... как его там... университет. Семья состоятельная, Айлисса их не объест. Жаль только, на маяке без нее станет грустно и пусто.

Саонсы, однако, приняли новость о будущей свадьбе Лаона с дочкой смотрителя маяка крайне недоброжелательно. Брат мгновенно пожаловался и родителям, и старшей сестре о безумных замыслах «разгулявшегося мальчишки», и велел ему освободить занимаемый номер в пансионате, нужный для «приличных гостей». Сестра Асcoa дала ему приют лишь на одну ночь, прочитав попутно целую лекцию о том, как хитрые и корыстные простолюдинки заманивают простых и не знающих жизни юношей, женят их на себе, проникают в хорошие семьи и доводят их до полнейшего краха, разоряя, позоря и сея ссоры и рознь.

Лаон отправился в Меннао – лично поговорить с отцом и матерью, объяснив им, что Айлисса – девушка редких достоинств и образцового поведения, а то, что она не училась в школе, возможно, и к лучшему, ибо в ней нет ни малейшей испорченности: ни кокетства, ни тяги к сплетням, ни желания с кем-то соперничать.

Бесполезно. Родители встали насмерть. Хорошо, что Айлисса не видела разразившейся в доме бури. Каких только гневных упреков на него не обрушили! Дескать, нужно быть

совсем безответственным и не ведать ни долга, ни чести, чтобы навязать почтенной семье с добрым именем такое отвратительное родство. Младшая сестра собирается обручиться с представителем благородного рода Майвэй – и как теперь Саинна будет представлять своему жениху невестку низкого происхождения, необразованную, невоспитанную, никогда не вращавшуюся в светском обществе? Это немыслимо! «Ты расстроишь свадьбу сестры!» – причитала Ассона. – «Майвэй больше не захотят с нами знаться!»... – «Брак Саинны помог бы тебе самому поскорее сделать карьеру!» – вторил Синнан. – «Ты не ценишь наши усилия, не щадишь Саинну, не думаешь о будущем всей семьи!»...

Лаон настаивал. Говорить об огромной взаимной любви означало подбрасывать сухой хворост в огонь и вызывать очередной поток оскорблений. Он пытался создать самый выгодный образ Айлисы, рассказывая, какая она послушная верная дочь, как скромна и трудолюбива, как заботлива ко всему живому вокруг, как приятно ведет разговор, не пытаясь казаться ученей, чем есть, но всегда имея собственное суждение – разумное, здоровое, уравновешенное...

Нет и нет.

Ну, раз так, значит, Лаон скорее уйдет из семьи, нежели бросит свою невесту Айлису. Как-нибудь они проживут. Даже без той доли имущества, на которую он по закону имеет право. Судиться с отцом он не станет, однако отныне и считать себя в долгу перед ним прекратит.

Опечаленный, но нисколько не сожалевший о своем решении, Лаон вернулся на маяк, где ждала Айлисса. «Теперь я тоже ваш сын», – сказал он Кайсу Вайниру. – «Но я докажу, что достоин руки вашей дочери».

Брак был скромно зарегистрирован в администрации Меннавара. Дома, на маяке, Кайс самолично освятил союз дочери и ее избранника, произнеся наобум сердечную, но довольно сумбурную речь. Об обязанностях иерофанта у Кайса понятия были самые смутные и причудливые. Лаон знал, что так поступать не положено, однако не возражал: главное, они с Айлиссой теперь в законном супружестве, у них есть брачное свидетельство, и она приняла фамилию Саонс, которую будут носить их дети, если им суждено появиться на свет.

Дабы не докучать новобрачным, Кайс и Файя три ночи спали в сарае, где постелили себе постель по-походному. А потом зажили все вместе в маленьком домике с тремя спальнями, в которых не помещалось ничего, кроме кроватей и сундуков под ними. Иногда Айлисса и Лаон предавались любви под открытым небом, в заповедных кущах поблизости от гнездовий илассиа, или в бухтах во время отлива, в сумерках, когда никого рядом не было, кроме крабов, морских черепах – паосао, и звезд.

Каникулы вскоре закончились, и Лаон отбыл в Уллино-фароа, учиться, а Айлисса осталась с родителями. Кайса и Файю это даже порадовало, хотя, по обычаю, жене полагалось уехать с мужем.

Он писал каждый день, а когда получалось, выходил на связь по вифону, но навещать Айлиссу мог лишь изредка: по выходным Лаон работал, стараясь поскорее скопить сумму, достаточную для найма жилья, в которое он перевез бы жену. Ведь в студенческом общежитии их бы вместе не поселили. За учебу и общежитие плата была внесена загодя, на год вперед, и об этом тревожиться не приходилось. Питался он, правда, едва ли не впроголодь. Хорошо, состоятельные однокурсники иногда делились с ним чем-то вкусным или звали к себе на обед. Он никому не рассказывал о разрыве с семьей и не жаловался на трудности. Лаон Саонс слыл чудачком, поглощенным наукой и не придающим значения ничему другому. Его принимали в так называемых «хороших домах», он давал уроки детям аристократов, печатал в журналах популярные очерки по истории Уйлоанской империи – и мечтал о том дне, когда воссоединится с Айлиссой.

Когда он приехал на маяк, выбрав краткое время в начале очередных каникул, Айлисса призналась ему, что беременна. Лаон был и безмерно счастлив, и озабочен: время родов могло совпасть со временем его выпуска из университета. И все же он твердо решил, что рожать Айлисса будет в Уллинофароа, где есть и опытные врачи, и хороший уход – рисковать здоровьем жены и младенца он никак не хотел. Заработанных денег хватило на крохотную квартирку и приличную клинику.

Первенцем оказалась девочка. Они оба решили, что да-

дуг ей имя Илассиа. Кратко – Ласси. И символично, и благозвучно, и женственно.

А к защите дипломной работы Лаон Саонс готовился под громкие крики малышки, не понимавшей, зачем ей понадобилось выходить из теплого мягкого материнского чрева в мир, где бывает голодно, холодно, неудобно и страшно.

Тем не менее, защитился он с блеском. И после торжественного выпускного приема глава факультета, профессор Каллео Вайянс, пригласил его поговорить с глазу на глаз.

«Уважаемый господин Саонс», – сказал именитый историк. – «Я следил за вашим профессиональным развитием с первого курса, когда вы выступили на моем семинаре с докладом, который показался мне слишком зрелым для начинающего. Появилось нехорошее подозрение, будто вы скомпилировали свой текст, не сославшись на труды солидных ученых. Однако, к моему удивлению, я не смог поймать вас на прямом или скрытом заимствовании. Мысли, выводы, формулировки были оригинальными, хотя материал, естественно, брался из опубликованных ранее книг. С тех пор вы продвинулись так далеко, что ваше дипломное исследование могло бы сойти за полновесную магистерскую диссертацию. Однако процедура не позволяет сразу присвоить вам ученую степень. К тому же, мне думается, вы способны на большее. И я вижу вас в будущем профессором Императорского университета – возможно, моим преемником. Не удивляйтесь, господин Саонс: вероятно, это случится не скоро,

однако готовиться нужно заранее. Любой ученый желал бы иметь достойных учеников и гордиться ими не меньше, чем собственными детьми. Поэтому, дорогой господин Саонс, я настоятельно рекомендую вам не останавливаться на получении нынешнего диплома, а завтра же подать документы на зачисление в магистратуру. Вас примут без экзаменов, как закончившего обучение с наивысшей оценкой».

Лаон ждал чего-то подобного, однако не мог немедленно высказать свой восторг от засиявших перед ним перспектив.

«Многочтимый профессор Вайянс», – отвечал он скромно и искренне. – «Будь я полностью свободен в решениях, я мгновенно сказал бы: о да, разумеется, ни о чем другом я мечтать бы не мог! Однако, должен признаться, на мне лежит долг перед самыми близкими. У меня на руках молодая жена и новорожденная дочь. Мой тесть совсем не богат, и я вынужден зарабатывать на жизнь для себя и моих любимых, а написание диссертации не позволит мне поступить на службу с достойной оплатой».

«А ваша семья, я имею в виду ваших почтенных родителей, не могла бы вас поддержать?» – осведомился профессор Вайянс.

«Моя семья, – признался Лаон, – не пожелала принять мой выбор и наотрез отказала мне в помощи. Обращаться к ним еще раз я совсем не хотел бы. Это значило бы признать мою неправоту, а на это я не пойду».

«Существует другая возможность», – сказал профессор. –

«Магистранту не возбраняется быть сотрудником факультета. Как бы вы посмотрели, уважаемый господин Саонс, если я предложил бы вам должность своего ассистента – при условии, что вы за два года напишете и защитите магистерскую диссертацию?»...

Лаон просто опешил. Такого он не воображал себе даже в самых смелых мечтаниях. Ассистент главы факультета – сразу же после выпуска? Неужели это возможно?

Колесаться было немислимо. Он ответил – да, конечно, с великой радостью! Обязанности ассистента не предполагают ежедневной работы с утра до вечера. Иногда провести семинар, иногда прочитать за профессора лекцию по его указаниям, иногда принять зачет, но чаще – проверить и отрецензировать студенческие рефераты, составить библиографический список к будущему семестру, покорпеть над отчетами... С этим можно управиться, проводя остальное время в архивах и в кабинете Вайянса, при отличной технике, которая теперь будет в распоряжении Лаона.

Айлисса приняла эту новость как должное. Мужу виднее, как строить свою карьеру и налаживать общую жизнь. Естественно, быстро ничего не получится. Нужно еще пару лет потерпеть, мирясь и с тесной квартиркой, в которой Айлисса почти задыхалась, и с длительными разлуками. Она сама настаивала на том, чтобы, когда Ласси чуть-чуть окрепнет, вернуться с ней на маяк. Там и свежий воздух, и помощь Кайса и Файи, и простор, и великая красота океана, неба, дальних

гор, скал и волн... В городе Айлисса чувствовала себе словно пленница – рыба в садке, птица в клетке, молодое растущее деревце в тесном горшке.

И Лаон отвез ее на мыс Морну, к родителям, которые пришли в восторг от крохотной внучки и сняли с Айлиссы часть ежедневных забот по ее воспитанию. Теперь жена могла хотя бы изредка выспаться ночью или погулять по берегу днем. Изможденная непривычной замкнутой жизнью в Уллинофароа, она вновь посвежела и похорошела. Но Лаон мог наслаждаться общением с нею лишь время от времени, даже реже, чем когда был студентом. Тогда все выходные и праздники всецело принадлежали ему, а теперь он часто был занят обработкой материалов для диссертации или чтением семинарских работ. На каникулах Лаон тоже старался часть времени провести в архивах, иначе из-за нехватки сведений и документов он не мог продолжать писать диссертацию.

Наконец, он вынес свой труд на защиту и стал магистром. Защита вызвала большой интерес, ибо тема была совершенно оригинальной: *«Механизм передачи исторической памяти в семьях из разных страт»*. Лаон не только изучил огромное количество писем, дневников и изобразительных материалов, хранившихся в нескольких городских архивах и в Императорском музее Уллинофароа, но и взял множество интервью в тех семействах, где с ним соглашались поговорить на подобные темы.

Беседовал он, конечно, и семьей Вайнир – Кайсом, Фай-

ей и Айлиссой. Представления об истории Уйлоанской империи и об истории освоения этой планеты, Лиенны, были у них, естественно, самые приблизительные. Кайс хотя бы учился когда-то в школе, а Файя, как и Айлисса – нет. Зато о многом они судили честно и здраво, без иллюзий и преувеличений. Да, мы все явились со звезд, но живем-то мы здесь, на этой земле, возле этого моря, и важнее помнить имена своих родственников и предков, чем давным-давно умерших властителей, и любить нужно тех, кто близко, а не тех, кого никогда не увидишь...

Лаон очень любил Айлиссу и всё время ощущал вину перед ней за несбывшиеся обещания: проходили годы и месяцы, а он по-прежнему жил в Уллинофароа, она же – с родителями, на маяке. Да, он слал им деньги, они давно не знали нужды, у маленькой Ласси были красивые платица, игрушки, лакомства. Но жена оставалась подолгу без мужа, а дочь без отца.

Он никогда не смог простить себе смерть Айлиссы. Хотя несчастный случай мог произойти и при Лаоне, он бы сразу же обратил внимание на покрасневшую и распухшую руку и вызвал бы медиков раньше, чем яд окончательно отравил ее кровь. Рыбаки, моряки и их жены не привыкли щадить себя и бежать ко врачам при малейшем недомогании, они терпят всегда до последнего, а с порезами, ранами, ссадинами во все не церемонятся – протрут настойкой, смажут жиром, перевяжут наскоро и опять вернуться к своим ежедневным тру-

дам. Айлисса была воспитана так же.

Лаон поклялся себе, что он останется верен памяти незабвенной, самой лучшей на свете жены, а единственной дочке даст воспитание и образование, какого не получают даже знатные барышни.

Но о будущем Ласси говорить еще рановато. И у Лаона не хватило бы духу отнимать последнюю радость у дедушки с бабушкой. Они уже потеряли старшего сына, а теперь так нелепо и рано скончалась Айлисса... Пусть Ласси останется на маяке, пока не пришла пора отдавать ее в школу. Тогда Лаон приедет за ней и возьмет в Уллинофароа. К тому времени он уже станет уважаемым преподавателем Императорского университета. Снимет квартиру и будет жить вместе с дочкой. А стариков навещать на каникулах.

Он твёрдо это решил и от своего решения никогда не отступится.

Инопланетянин

На защите магистерской Лаона, помимо университетских историков, экспертов из Императорского музея и Архива Менноа, присутствовал инопланетянин. С Виссеваны, ближайшего из разумных миров.

Его звали довольно причудливо: Аррманнуихх Варданассир. Лаон, заранее извещенный о появлении гостя, с большим трудом наловчился произносить столь трудное для уйлоанца имя. Как пояснил профессор Вайянс, достаточно обращаться к нему «господин Варданассир», если возникнет такая необходимость.

Виссеванец заметно отличался от уйлоанцев, хотя одевался, как обычный состоятельный житель Уллинофароа. У него было только два глаза, не три. И он тихонько светился и периодически изменял цвет лица. Уйлоанцы тоже могут бледнеть и мрачнеть, однако палитра красок, доступная господину Варданассиру, простиралась от густо-лилового до нежно-зеленого. Смотреть на всё это было и неловко, и странно, и в то же время необычайно увлекательно.

Лаон знал, что такие особенности присущи всем виссеванцам, и знал, что выходцы с этой планеты живут на Лиенне, в поселке Вивао близ космопорта. Многие работают в самом космопорте и лишь изредка бывают в Уллинофароа или

в других городах Фарсана. Каждый рейс в космопорте – событие, о прибытиях и отлетах всегда сообщается по ИССО – имперской сети сообщений. Но звездолеты нужно обслуживать, и всё, что связано с их приемом и подготовкой к полету, заранее обеспечивать и контролировать. На Лиенне пока еще не строят собственных кораблей для перемещения в космосе. Зато Межгалактический альянс предоставляет такие возможности всем своим членам – правда, отнюдь не даром, а за очень большие деньги. Альянс субсидирует исключительно деловые поездки, поэтому на Лиенну из внешних миров прилетают немногие.

Виссеванцам атмосфера и климат Лиенны подходят, и потому они преобладают в инопланетной колонии, хотя есть и посланцы с других планет – Лаон их никогда не видел, лишь слышал о них.

Господин Аррманнуихх Варданассир – явно не из технического персонала. Защита магистерских диссертаций – процедура открытая, прийти на нее может в принципе всякий желающий, но обычно присутствуют те, кто знаком с претендентом на ученую степень, или те, кому интересна тема его занятий. Будь гость с Виссеваны специалистом по космолетам, он пришел бы послушать, как защищают свои диссертации физики и астрономы.

Он – историк?..

Но зачем бы Межгалактическому альянсу командировать на Лиенну историка?..

В перерыве после защиты, которая прошла чрезвычайно успешно – степень Лаону присудили единогласно – профессор Вайянс познакомил его с виссеванцем. Тот изъяснялся на уйлоанском не очень уверенно, и вскоре попросил разрешения включить лингвоцип: незаметный электронный приборчик, синхронно переводящий с одного языка на другой.

Чтобы разговор протекал без помех, они перешли в кабинет главы факультета, и Лаон сообразил: видно, господин Варданассир – лицо очень важное, коль скоро ради него профессор Вайянс пожертвовал своим правом отдохнуть в своем кресле и спокойно выпить воды, приготовленной секретарем. Впрочем, обменявшись с гостем парой вежливых фраз, профессор извинился – ему пора уходить, заседание должно скоро продолжиться, без него оно не начнется, но коллеги могут оставаться здесь, сколько им нужно. Два кресла, диванчик, столик с фруктами и напитками...

Поблагодарив профессора, они расположились в креслах.

– Я чрезвычайно польщен тем, что мой заурядный труд вызвал такое внимание посланца другого мира, – учтиво произнес Лаон.

– Ваш труд, магистр Саонс, вовсе не зауряден, – возразил виссеванец, осветившись зеленоватым сиянием. – В нем нова и тема, и проблематика, и методика, да и весь материал добыт лично вами. На месте университета я бы, возможно, сразу же сделал вас доктором и профессором.

– У нас такое не принято, господин Варданассир. На Ли-

енне чтут иерархию. В этом есть свой смысл. Лучше, когда заслуги бесспорны, и все ступени пройдены по порядку.

– Вероятно, вы правы, уважаемый господин магистр. Исторiku опыт и зрелость полезны, открытия здесь не зависят от возраста. Но вы же не удовлетворитесь вашим нынешним статусом?

– Простите, почтенный господин Варданассир, могу я узнать, по какой причине вам интересны мои планы на будущее?

– Я в каком-то роде ваш коллега, господин магистр Саонс. Моя специальность – история цивилизаций. Это шире, чем просто история, но, в общем, примерно одно и то же. Здесь, на Лиенне, я служу дипломатом. Консул Виссеваны, к вашим услугам.

Аррманнуихх Варданассир приобрел серебристый с искрами цвет.

– Необычайно польщен, господин консул.

– В нашей столице, – имя которой жителям прочих миров запомнить и выговорить очень трудно, поэтому мы предлагает кратко называть ее Наиндрагаррой, – работает Межгалактический университет. До назначения на Лиенну я был там профессором и продолжаю поддерживать связи с коллегами. Мы заинтересованы в пополнении нашего инфоцентра новейшими трудами всех направлений. Ваша магистерская диссертация, с которой я с удовольствием ознакомился, безусловно, заслуживает быть включенной в наш фонд.

– Я нисколько не против, господин консул. Что для этого нужно сделать?

– Во-первых, получить разрешение вашего университета на публикацию на межгалактическом уровне. Во-вторых, представить сам текст в указанном нами формате – программы, которыми пользуются на Лиенне, уже устарели, но повсеместно заменить их сейчас не получится, а иначе возникнет полная рассогласованность. Ваши файлы просто не будут читаться. В-третьих, необходимо подробное резюме на космолингве. А лучше бы авторизованный перевод всего текста на этот язык. Вы ведь владеете космолингвой?

– Я читаю на космолингве, – признался Лаон. – Но говорить ни с кем еще не доводилось.

– Язык, как вы знаете, грамматически прост. Фонетика доступна большинству разумных космических рас, обладающих сходным с нашим речевым аппаратом. Только лексика может составить трудность – она обширна и включает тезаурус многих цивилизаций и многих наук. Впрочем, с помощью лингвочипа это тоже преодолимо.

– К сожалению, господин консул, у меня такого приспособления нет.

– И на вашем факультете тоже нет?

Господин Варданассир окинул беглым взглядом довольно старомодно оформленный кабинет профессора Вайянса, где вдоль стен красовались толстые книги, изданные на бумаге.

– Где-то есть, но, кажется, самой простой модели. Счита-

ется, что историкам лингвочипы не сильно нужны. Мы ведь не общаемся с представителями других миров, а изучаем историю нашей Империи. Вероятно, у физиков имеются приборы посовременнее.

– Вот один из недостатков всех локальных систем научного образования, – произнес виссеванец, сменив цвет лица со спокойно-синего на красноватый.

– Наш университет вам кажется очень отсталым, господин консул? – несколько уязвленно осведомился Лаон.

– Он безусловно хорош для целей, ради которых создан и существует, – уклончиво ответил Варданассир. – Квалификация ваших преподавателей и студентов, насколько я могу судить, основательна.

– Однако лишь в пределах Лиенны?

– Истинно так, магистр Саонс.

– До межгалактического уровня нам далеко?

– Над его достижением надо работать.

– Почему, господин консул, вы говорите об этом со мной?

Я всего-навсего ассистент главы факультета, даже не полноправный преподаватель, только что защитил магистерскую...

– Вы мне кажетесь перспективным ученым, господин Саонс. У вас непредвзятое восприятие сути вещей. Вы умеете находить неожиданные и оригинальные темы. Профессионалам вашего склада свойственно гибко менять направление поисков и предлагать идеи на стыке разных наук.

– В нашей среде, господин консул, такие зигзаги не всегда поощряются.

– Мне это известно, господин магистр. Зато Межгалактический совет по научным связям разумных миров очень заинтересован в специалистах подобного типа. Поэтому я предлагаю вам сделать самый простой и маленький шаг: представить вашу диссертацию в переводе на космолингву. Лингвочип, к сожалению, здесь не вполне надежный помощник. Для обычной беседы, вроде нашей с вами, он подходит, однако перевод научного текста со сложной лексикой и строгой терминологией требует кропотливой работы профессионального переводчика – или автора, если он свободно знает язык.

– Я попробую этим заняться, господин консул. Оплатить услуги переводчика я пока не могу, у факультета вряд ли тоже найдутся свободные средства. К тому же я не уверен, что наши лингвисты справятся с текстом не по своей специальности – у них мало опыта в этой сфере. Придется усовершенствовать мое владение космолингвой и самому сделать эту работу. Боюсь, однако, что на это уйдет много времени. Я довольно сильно загружен, и мне нужно заботиться о семье.

– Понимаю вас, господин магистр. И всё же не забывайте про мое предложение. Для начала вы можете сделать реферат по своей диссертации и прислать его в наш журнал «Виссеванский исторический вестник». Он распространяется по межгалактическим инфоцентрам. И вы получите гоно-

рар, как положено.

– Благодарю вас!

– Было очень приятно найти в вас столь понимающего собеседника. Вероятно, вам давно пора возвращаться к ожидающим вас друзьям и коллегам. Всего доброго, господин магистр, еще раз поздравляю вас с блестящей защитой и надеюсь, что мы еще встретимся.

Виссеванец первым покинул кабинет, Лаон Саонс почти-тельно вышел вслед за ним, секретарь, ожидавший в приемной, закрыл за ними дверь и опять погрузился в свои дела.

Никакая толпа почитателей Лаона вовсе не подстерегала. Однокурсники несколько сторонились его, наслушавшись сплетен о семейных раздорах у Саонсов. Поведение Лаона было им непонятно: порвать с семьей из-за дочки смотрителя маяка, а потом фактически бросить ее с ребенком, и теперь горевать о ее нелепой кончине... Объяснять кому-либо все обстоятельства он не желал. Из родных на защите не был никто. Кайс и Файя приехать никак не могли, а Саонсы или Майвэи не соизволили.

На приеме в честь молодых магистров Императорского университета Лаон чувствовал себя донельзя одиноким и даже несчастным, несмотря на лестный отзыв инопланетянина с языколомным именем... как его... Аррманнуихх Варданассир. Всех прочих выпускников действительно окружали близкие и друзья, а он бродил по залу как неприкаянный, периодически приближаясь к знакомым, обмениваясьсь

поздравлениями и понимая, что не стоит вклиниваться в чужие беседы – либо придется слушать их молча, либо натужно придумывать любезные реплики.

Он решил попрощаться с профессором Вайянсом, поблагодарив его за помощь и доброту, и тихо покинуть сборище, становившееся всё более оживленным. На подносах официантов появилось вино – некрепкое, но позволявшее избавиться от традиционной академической чопорности.

Профессор Вайянс сам двинулся навстречу Лаону: «Мой дорогой! Все коллеги только о вас и говорят! Вы хоть сами-то поняли, какие перед вами открываются перспективы?»

– Да, конечно, профессор. Но я не знаю, позволит ли факультет разместить диссертацию на посторонних ресурсах.

– Разрешение я вам добуду. Ученый совет должен радоваться, что впервые магистерская диссертация по нашей специальности удостоилась такого внимания. До сих пор в межгалактические инфоцентры отправляли только труды математиков, астрономов, планетологов и биологов.

– Простите, профессор. Я всё же не понял, какое касательство имеет консул чужой планеты к научным контактам университетов? Господин Варданассир сообщил мне, что он историк цивилизаций, наш коллега, но мне показалось, будто он наделен особыми полномочиями. Это правда?

– Дорогой мой Лаон, вы живете как моллюск, плотно замкнутый в собственной раковине. Должность господина Варданассира – не просто консул, хотя эти обязанности он

старательно исполняет. Он – Хранитель нашей планеты!

– В каком смысле... Хранитель?

– В прямом. Лиенна, как вам известно, – член Межгалактического альянса. Альянс посылает в миры своих представителей, которые обычно имеют другие официальные должности. В данном случае – должность консула. Но она не слишком обременительна: с Виссеваны к нам летают нечасто. От нас туда – еще реже. Расстояние слишком огромно, а стоимость перелета непосильна никому из обычных лиеннцев, даже самых богатых. Защита интересов находящихся здесь виссеванцев тоже довольно рутинное дело и сводится к оформлению неких разрешительных документов и улаживанию возникающих споров. Хранитель же находится в постоянном контакте с правительством Императорского кабинета, получает сведения о развитии всех процессов на нашей планете и отправляет отчеты руководству Межгалактического альянса, на основании которых сюда поступают очередные субсидии на развитие экономики и науки.

– То есть, он решает, как и что финансировать в этой сфере?

– Не совсем. Хранитель не вмешивается ни в какие внутренние дела опекаемой им планеты. Он вправе лишь давать консультации, если его о них просят. Фактически, он – посредник между Альянсом и властями Лиенны.

– И он перемещается просто так, один, без охраны?

– Таковы обычные требования Межгалактического альян-

са. Его эмиссары имеют разные степени полномочий: Наблюдатель, Хранитель, Куратор, Координатор. Никто из них не должен выделяться ничем, кроме собственной внешности – а она бывает не похожей на нашу или чью-то еще. Охрана им не полагается. Она привлекает внимание и не позволяет вести объективные наблюдения. Об истинной миссии представителя Альянса знают избранные посвященные. Поскольку вы уже вступили в контакт с господином Варданассиром, он разрешил мне раскрыть вам его настоящий статус. Однако прошу вас, дорогой Лаон, держать это в тайне от ваших знакомых и родственников.

– Я всё понимаю, господин профессор, и очень горжусь доверием господина Хранителя, а еще больше – вашим.

– Вам, вне всяких сомнений, еще придется общаться с господином Варданассиром, поэтому я счел нужным подробнее просветить вас о том, насколько он значительная особа.

– Мне кажется, я уже понял это из разговора с ним. Он держался как тот, кто уверен в том, что его пожелания будут выполнены, причем не только мною, вашим скромным помощником, но и руководством университета.

– Лаон, ради праздника сообщу вам еще одну важную новость. Завтра появится распоряжение о назначении вас штатным лектором факультета. Если, конечно, это соответствует вашим желаниям.

– О, еще бы, дорогой господин профессор! Я так благодарен вам за всё, что вы сделали для меня! Но кто же будет

выполнять обязанности ассистента?

– До начала каникул я попрошу вас совмещать обе должности. Без вас мне просто не обойтись на экзаменах, вы ведь знаете курс наизусть и привыкли ко всем моим требованиям. На каникулах, вероятно, я подыщу другого кандидата, хотя сотрудничать с вами мне было необычайно удобно. Впрочем, если вы захотите, сможете и далее оставаться и тем, и другим. Но боюсь, тогда у вас совсем не останется времени для научных занятий. Днем вы просто не попадете в архивы, а к вечеру уже не сумеете сосредоточиться должным образом. Заставлять вас трудиться на двух должностях было бы с моей стороны непростительным эгоизмом.

– Вы безмерно великодушны, дорогой господин профессор. Я навеки вам благодарен, и до каникул полностью в вашем распоряжении!

Это значило, что сразу после триумфальной защиты уехать на маяк, повидать свою Ласси, тестя и тещу, никак не получится. Придется остаться в Уллинофароа.

Семья

Каким-то образом об успехах Лаона тотчас узнали отец, мать и прочие родственники. Защиты магистерских не транслировались по Императорской Сети Сообщений (ИС-СО), но прямой эфир шел на университетском канале, и желающие могли к нему подключиться, не присутствуя в аудитории. Скорее всего, кто-нибудь из общих знакомых сообщил им, и они, оставаясь незримыми, видели всю процедуру – доклад, вопросы, ответы, рецензии оппонентов, реплики членов комиссии, аргументы Лаона в пользу своих изысканий. Всё это может интересовать либо профессионалов, занимающихся той же темой, либо самых близких, которым важно видеть своего любимого сына, мужа, брата, племянника выступающим в столь высоком ученом обществе.

Родители Лаона в науках мало что смыслили, однако их новый зять, Аллуэн, муж младшей сестры, Саинны, имел университетский диплом врача и владел своей собственной клиникой. Лаон был с ним знаком весьма поверхностно: роман Саинны с молодым медиком увенчался законным браком уже после того, как в доме Саонсов случился семейный разлад. Похоже, что Аллуэн и Саинна в самом деле любили друг друга, хотя Саонсы всячески поощряли сближение младшей дочери с представителем высшей страты – знат-

ным, богатым, образованным, симпатичным.

После обручения Саинны родители решили полностью сменить круг общения и переехать из Меннао в столицу. Старый дом продавать не стали – сдали в аренду, рассудив, что так будет выгоднее. Однако денег в итоге хватило лишь на маленький узкий особнячок, втиснутый между двумя солидными зданиями. Лаон неоднократно видел его, проходя той улицей, и дивился этакой архитектурной причуде. Но внутри, естественно, никогда не бывал. На дверях давно красовалось выцветшее объявление: «Продается». Богатые покупатели не соблазнялись столь тесным жилищем, а бедным оно не по средствам. Потом Лаон вдруг обнаружил новую сияющую металлическую табличку с надписью: «Дом семьи Саонс». У него даже возникла мысль позвонить и войти. Однако он подавил в себе непроизвольный порыв. Это выглядело бы как явка с повинной или просьба о помощи. Он не чувствовал себя виноватым и ни о чем просить не собирался.

Теперь же Лаона пригласили на обед в дом родителей. Приглашение было письменным, выполненным от руки на дорогой тисненой бумаге, и не подразумевало отказа. Повод, по которому устраивалось столь церемонно обставленное собрание, тоже не назывался.

«Значит, я всё-таки не отлучен от семейного очага?» – подумал Лаон. Отказаться признать его брак и лишиться всякой помощи было со стороны отца, матери, брата и старшей сестры шагом очень суровым, однако никто не произнес тогда

формулы окончательного разрыва. Иначе он не имел бы права войти в отчий дом. Фамилию Саонс отнять у него по закону нельзя, только он считался бы «не из этих Саонсов». Сам по себе. Собственно говоря, фамилия вовсе не редкая, ее носители встречаются в разных местах, и они зачастую ничего друг о друге не знают. Саонсы из Меннао никогда не пытались связаться с однофамильцами из Валлои, Сайлена, Каллисона и прочих городов – а вдруг бы те чужаки оказались из низшей страты и начали бы одолеваять состоятельных «родственников» просьбами о каких-нибудь одолжениях?..

Лаон решил сходить повидаться с родителями, ибо в глубине души страдал от своей отверженности, хотя по-прежнему был уверен, что иначе он поступить не мог.

Отец и мать приняли Лаона так, будто ничего неприятного между ними никогда не случилось, просто он долго отсутствовал и возникло некоторое взаимное отчуждение. В доме, кроме родителей, оказались молодожены – Саинна и Аллуэн Майвэй, а также незнакомая девушка, которую Лаону представили как Баллайну, младшую сестру Аллуэна.

Она выглядела совсем юной. Светлокожая, с серо-зеленоватыми глазами (третий она застенчиво прикрывала, и он лишь слегка светился, как жемчужина в плоти коамса), в платье цвета утреннего тумана. Худенькая, немного нескладная, но старавшаяся двигаться плавно и грациозно.

После ожидаемых поздравлений с удачной защитой все сели за стол, и Лаона, явно преднамеренно, посадили рядом

с Баллайной.

Отец, открывая торжественное застолье и первым поднимая ритуальный светильник, провозгласил:

– Мы все очень рады, что после юношеских заблуждений наш дорогой Лаон вернулся на должный путь, и ему суждено прославить весь род, в котором пока еще не было знаменитых ученых!

Принимая светильник из рук супруга, мать продолжила его речь:

– Я надеюсь, что пережитые беды многому научили тебя, милый сын, и ты скоро найдешь свое счастье среди тех, кто способен ценить твои дарования по достоинству!

Намек был вполне откровенным, однако формулировка выглядела достаточно осторожной, и Лаон не стал возражать.

Сестра, Саинна, взяв светильник, сказала:

– Милый брат, мне радостно видеть тебя рядом с нами, и надеюсь, что наши семейные связи станут еще прочнее, чем прежде.

При этом она окинула взглядом обоих, Лаона и Баллайну, словно бы обволакивая их мягким коконом обоюдной симпатии.

Аллуэн, муж Саинны, был лаконичен:

– Уважаемый Лаон, мне очень приятно познакомиться с вами поближе. Хотя ваша сфера занятий далека от моей, мы, конечно, найдем нечто общее в наших стремлениях.

Наконец, светильник перешел к Баллайне. Она смущенно выдавила из себя пару фраз:

– Желаю всех благ вашей славной семье, процветания вашему роду и блестящего будущего уважаемому господину магистру Лаону Саонсу.

Ему оставалось лишь почтительно поблагодарить всех за столь приятные пожелания.

За торжественной частью с чередой славословий настало время обеда – теперь можно было спокойно поесть, иногда отвечая на светские реплики собеседников.

Лаон впервые за несколько месяцев ел так много и вкусно. На маяке у Вайниров пища часто оказывалась сытной, но однообразной. Только рыба, только моллюски, только яйца с салатом из водорослей. А живя в одиночестве, он питался крайне умеренно – выбирал дешевые продукты, создававшие чувство наполненности желудка, и старался есть только утром и вечером, днем же довольствовался стаканом овощного сока с галетой.

Сделав перерыв между основной трапезой и десертом, чтобы нанятый официант мог убрать грязную посуду и сервировать стол заново, вся семья переместилась в гостиную с открытым балконом, где уже были расставлены складные стулья, а для родителей имелся диванчик с подушками. Дневное тепло, влажное и душноватое, сменилось легкой прохладной, обещавшей чуть позже пролиться несильным дождем. В мягком тумане, пронизанном еле заметной широ-

кой радугой, смутно сияло угасавшее солнце Маир. Вдалеке виднелись очертания Императорского дворца, Императорской библиотеки и Императорского университета. Все здания, разделенные просторными площадями и искусно разбитыми парками, составляли единый архитектурный комплекс, воздвигнутый в соответствии с погибшими оригиналами на Уйлоа.

Ради столь чудесного вида стоило бы купить этот дом, хотя для старших Саонсов куда больше значили его относительная дешевизна и удобное расположение.

– Насколько нам стало известно, Лаон, ты теперь – штатный лектор своего факультета? – спросил отец.

– Да, но откуда такие сведения? Указ еще вроде бы не появился на сайте.

– Твой профессор не стал таить от нас эту важную новость. Он лично сообщил ее нам в разговоре по вифону. Мы немного жалеем, что не присутствовали на твоей защите, однако, возможно, наш приход смутил бы тебя, и ты выступил бы не столь уверенно. Аллуэн добыл для нас запись трансляции.

– Я рад, что вы наконец-то смирились с моей профессией, которая, как вам думалось, неспособна ни обогатить меня, ни прославить.

– Ты обязан понять нас, Лаон. Наша семья добилась того, что сейчас имеет, неустанным трудом твоих предков. Незнатное происхождение заставляло их не гнушаться лю-

бой nepocтыднoй paбoтoй, кoтopая пpинocилa xopoший дoхoд. Тeпeрь нaш poд пpинaдлeжит к уважaeмым. Твoя ceстpa Сaиннa вышлa зaмуж зa пoчтeннoгo дoктopa Аллyэнa Мaй-вэя. А тeбe нa дoлю выпaлo стaть пepвым учeным в ceмeйствe Сaонc, пpичeм, кaк считaeт твoй мнoгoчтимый пpofфeccop, твoя кapьepa лишь нaчинaeтcя.

– Для тoгo, чтoбы oнa paзвивaлacь ycпeшнo, oтeц, мнe нyжнo eщe oчeнь мнoгo тpyдитьcя, – зaмeтил Лaон. – А eщe oчeнь нe пoмeшaлa бы и пoддepжкa близкиx. Еcли бы я нe был cильнo cтeceнeн в дeнeжныx cpeдcтвax, я мoг бы yдeлять учeным зaнятиям бoльшe вpeмeни.

– У тeбя мнoгo дeнeг и вpeмeни oтнимaют твoи пoeздки нa мaйaк в Мeннaвap, – зaмeтилa мaть.

– Там тoжe мoя ceмья, – вoзpaзил oн.

– Мы coжaлeeм, чтo твoй cкopoпaлитeльный бpaк зaвepшилcя cтoль пeчaльнo, – cкaзaлa oнa. – Oднaкo, вoзмoжнo, тaкoвa былa вoля cyдьбы. Сoллac aккэй.

– Я нe бpoшy poдитeлeй мoeй бeднoй Айлиccы. Бyдy им пoмoгaть, дaжe ecли мнe пpидeтcя жить eщe cкpoмнeй, чeм ceйчac. Кaйc и Фaйя взяли нa ceбя вce зaбoты o нaшeй Илac-сиa. Я нe cмoг бы зaщитить мaгicтepcкyю, ecли бы y мeня нa pyкax oстaвaлcя peбeнoк, тpeбyющий внимaния c yтpa дo вeчepa.

– Бpaт, ты oчeнь вeликoдyшeн, – вcтyпилa в paзгoвop Сaиннa. – Oднaкo вcё-тaки пaпa и мaмa пpaвы. Poдcтвeнники твoeй пoкoйнoй жeны – coвepшeннo нe нaшeгo кpyгa.

Обеспечивать дочь ты, конечно, обязан, но совсем не обязан жертвовать ради нее своей собственной жизнью.

– Ты еще молод, – вновь заговорила мать. – Если тебя приодеть, то вполне привлекателен. Правда, Саинна? У тебя хорошая должность, тебе покровительствует уважаемый профессор Вайянс, твои труды скоро будут публиковать не только в ваших профессиональных журналах. Любая разумная девушка из почтенной семьи с удовольствием станет твоей женой, несмотря на дочь от первого брака. Девочку можно будет отдать в интернат...

– Ни за что! – не дослушав, отрезал Лаон. – Пока Илассиа маленькая, пусть живет у бабушки с дедушкой. Но, когда подрастет, я возьму ее к себе и отдам в школу при Императорском университете. Никаких интернатов! Дочь я буду воспитывать сам.

– А разве в университетскую школу принимают кого угодно? – осведомился Аллуэн. – Мне казалось, там учатся лишь особо одаренные дети, да и то после основательной подготовки. Вы уверены, Лаон, что ваша дочь, даже если ее туда примут, осилит программу?

– Посмотрим. Пока еще рано судить о ее способностях. Но Илассиа ничем не хуже детей из знатных семей, – довольно резко ответил Лаон. – И моя жена Айлисса совсем не была ни умственно ограниченной, ни безграмотной, ни невоспитанной, как кажется тем, кто ее никогда не знал и никогда с ней не разговаривал.

– Если ребенок проведет свое детство на маяке, он, возможно, вырастет здоровым, крепким и даже сообразительным, однако изъяны в начальном образовании окажутся невосполнимыми, – хладнокровно заметил Аллуэн.

– Давайте, уважаемый доктор Майвэй, вернемся к этому разговору, когда моя дочь пойдет в школу.

– Как вам угодно, – согласился муж Саинны.

Аллуэн вовсе не собирался ссориться с Лаоном. Но, похоже, решил, что тот еще не в себе после смерти жены и внезапной перемены в карьере, и торопить события незачем.

Разговор за десертом шел вяло. Родители выглядели разочарованными поведением сына, сестра пыталась делать вид, будто ничего не случилось, Аллуэн смотрел будто бы мимо Лаона. Баллайна молчала, а потом вдруг спросила – что за странное имя, «Илассиа».

«Это вид морских птиц», – ответил Лаон. – «Они гнездятся на скалах близ маяка. То место считается заповедным». – «И на них нельзя посмотреть?» – «Посетителей никогда не водят к гнездовьям. А сами птицы не такие уж редкие, вы, наверное, видели их, если совершали морские прогулки на корабле». – «Да, скорее всего. Я не вполне хорошо разбираюсь в животных».

Скорее всего, Баллайна не желала обидеть ни его, ни Илассиа, просто неловко выразилась. Но он сразу замкнулся в себе и на дальнейшие вопросы девушки отвечал односложно и сухо.

Лаон не стал поднимать вопрос о выделении ему доли в семейном доходе ни в тот вечер, ни позже. Почему-то он был уверен, что отец непременно откажет, и сделает это в обидных выражениях, вроде «я поддержал бы тебя, но совсем не желаю кормить всю семью смотрителя маяка, а ведь ты, разумеется, будешь тратить деньги на них, а не на собственные потребности».

Нет. Он справится сам. Как бы трудно ему ни пришлось.

Свидания и разлуки

Вырваться на маяк Лаону удалось не сразу. Его задержало в столице множество дел и хлопот, связанных с получением магистерского диплома и оформления на работу в новой должности. Указа администрации Императорского университета оказалось недостаточно для немедленного обретения статуса лектора. Штатное расписание утверждалось специальной комиссией министерства, потом оно спускалось в бюрократические структуры, и Лаону пришлось их обойти круг за кругом, предоставляя какие-то выписки, справки, свидетельства, подписывая обязательства и воспроизводя одни и те же словесные вензеля по нескольку раз. Когда со всеми нудными процедурами было покончено, Лаон вдруг сообразил, что его назначение относилось к будущему семестру. А стало быть, жалованье лектора он получит лишь через пару месяцев. Деньги же за работу в качестве ассистента всё это время платиться не будут, ибо формально он уже не ассистент. Обращаться за помощью к профессору Вайянсу казалось совсем неприличным. Ведь профессор знал, что Саонсы состоятельны, и был уверен в примирении Лаона с его семьей.

Выручили частные консультации, которые он давал поступающим на исторический факультет. Теперь он имел право

заниматься репетиторством без зазрения совести, ведь после окончания магистратуры и до вступления в должность лектора он формально не являлся сотрудником университета. Зато его имя уже получило известность, и к нему обратились двое юношей, желавших выбрать эту профессию. Лаон быстро, но добросовестно прошел с ними материал, необходимый для сдачи экзамена, дождался приемлемых результатов, получил гонорар – и лишь после всей этой нервозности и беготни смог отправиться повидаться с тестем, тещей и дочкой.

Ласси встретила его сдержаннее, чем он рассчитывал.

Сколько раз он воображал себе, как сойдет на причал, и дочка с радостным визгом помчится к нему, повторяя «Папа, папа, папа приехал!»...

Нет, она стояла рядом с бабушкой и держалась за край ее платья. Когда Лаон присел, чтобы заглянуть в глазки дочери, Ласси попыталась укрыться за Файей.

– Она отвыкла, прости ее, – извинилась за внучку Файя. – Дети быстро растут, малышка успела забыть, как ты выглядишь.

– Не забыла, – вдруг возразила Ласси с недетской серьезностью. – Видела на вифоне.

Ну, еще бы! Лаон связывался с Вайнирами каждый день. Правда, в последнее время это происходило поздно вечером, когда Ласси уже спала.

– На вифоне совсем не то! – сказал Лаон. – Там меня нель-

зя потрогать, а здесь можно! Иди же ко мне, моя милая, я соскучился по тебе!

Она послушно позволила ему обнять себя и взять на руки. Такая теплая, тяжеленькая, пахнувшая морем, хлебом, птицами...

Лаон понес ее вверх по тропе к маяку. Файя и Кайс взяли две его сумки. Там находились в основном подарки семье Вайнир, книги для занятий и лишь немного его вещей. Красоваться на маяке не перед кем, довольно самой простой одежды и обуви. В крайнем случае, Лаон позаимствует плащ или куртку у Кайса.

Экскурсанты давно уехали, близились сумерки – время дежурства Кайса. Он ушел на маяк, прихватив с собой торбу с ужином. «Я приду к вам попозже», – обещал ему Лаон. За столом они посидели втроем, с Файей и Ласси. Девочка оживилась, увидев подарки от папы, ведь какое же детское сердце устроит перед новой куклой, нарядным платицем из столичного магазина, большой коробкой карандашей и кипой плотной рисовальной бумаги. Но, поблагодарив Лаона за все эти невиданные сокровища, Ласси снова стихла и сделалась вялой и неразговорчивой. «Устала, убегалась, да и испереживалась», – заметила Файя. – «Спать пора. Пойдем, маленькая, уложу тебя. Попрощайся с папой до завтра». – «А он не уедет?», – спросила Ласси. – «Нет, доченька, я здесь надолго!» – «А. Ну, пока».

Ласси вежливо обняла его. Он бережно поцеловал ее ма-

кушку, веки всех трех глаз, нежный носик, пальчики – и понес в комнатушку, служившую спальней Ласси и бабушке Файе. Смотреть на последние приготовления ко сну он счел неловким и вернулся к столу, где внезапно почувствовал себя неприкаянным сиротой. Неужели он лишний везде – и в родной семье, и в семье Вайниров?..

Воркотание Файи умолкло.

«Уснула», – негромко произнесла она, выйдя из спальни. «Лаон, ты сыт?» – «Да, спасибо». – «Я рада. Сейчас уберу со стола и тоже посплю, мне рано вставать. Твоя комната в порядке, можешь тоже идти отдыхать». – «Я, пожалуй, схожу на маяк». – «Сделай милость, Кайс обрадуется! Не забудь фонарь, а то в темноте и тумане тут ногу сломишь».

Добрая Файя пыталась всячески делать вид, будто всё хорошо. Они встретили Лаона, угостили простым, но обильным ужином, от души поблагодарили за привезенные им подарки, приготовили ему комнату...

Заснуть так рано он не сумел бы, несмотря на усталость после долгой дороги. А побеседовать с Кайсом по-мужски было бы в самый раз.

Тесть не удивился, услышав его шаги на лестнице и увидев Лаона в рубке. «Решил посумерничать? Располагайся!» – Кайс быстро освободил ему место на сундуке. Кресло в рубке имелось только одно, и его занимал смотритель.

Нелепо было бы спрашивать, как идут дела тут, на маяке. Как обычно. Лаон ведь постоянно находился на связи с Кай-

сом. Жизнь размеренная, ничего не меняется, дед и бабушка понемногу стареют, внучка благополучно растет. К счастью, Ласси – здоровый ребенок, врачебная помощь ни разу не требовалась, а с хворями вроде простуды и ссадинами на коленках успешно справляется Файя.

– Кайс, мне кажется, Ласси не очень рада моему появлению.

– Не принимай близко к сердцу. Она от тебя отвыкла. К тому же ты столько раз откладывал свой приезд. То одно, то другое. Похоже, она перестала верить, что ты в самом деле приедешь.

– А вы?..

– Мы знали, насколько ты занят, – уклончиво ответил Кайс. – И мы умеем ждать, сколько нужно. Ни на что особенное не надеюсь.

– То есть, вы полагали, будто я мог вас... бросить?

– Возможно, так было бы лучше для всех.

Лаон онемел от бессильного возмущения.

– погоди сердиться, послушай меня, – продолжал Кайс с печальной решимостью. – Твои родители правы: Айлисса, бедняжка, была тебе совершенно не парой. Любовь любовью, однако какая из дочки смотрителя маяка благородная дама? Пока ты учился, мы думали, ты пойдешь работать школьным учителем тут, в Меннао, это еще ничего... Но ты взлетел высоко! Лектор Императорского университета! А что будет дальше?

– Айлисса бы радовалась за меня, и я никогда бы не постыдился такого родства! – горестно возразил ему Лаон. – Вы знаете, почему нам пришлось жить в последнее время врозь. Скоро мое жалованье увеличится, я сниму квартиру побольше, смогу забрать к себе дочку...

– Стоит ли, Лаон?

– Ласси – моя. Я не отступлюсь от нее. И никогда не откажусь от отцовских прав.

– Разговор не об этом. Забота о дочери – твой неременный долг. Как и ее долг – повиноваться тебе, пока она не выйдет замуж или не начнет сама зарабатывать. Но подумай спокойно и трезво. Ты еще молод, у тебя впереди большая славная жизнь. Вероятно, с тобой начнут знакомиться знатные и богатые девушки. Если ты снова женишься, мы несколько не будем в обиде. Одному всегда плохо, не с кем поговорить, некуда приткнуться, когда тело просит тепла. И разумней искать себе пару в своем кругу. А Ласси там будет лишней. Ее всегда будут считать «девочкой с маяка». Воспитывать приемное дитя нелегко, не у всякой жены достанет сердца и мудрости обращаться с сиротой по-матерински. Да и Ласси не всякую примет.

– Я никому не позволю обидеть ее. И если придется выбирать между самой прекрасной женщиной и моей дочерью, я выберу дочь. Собственно, уже выбрал. Кайс, я много думал о нашем с Илассиа будущем. Мне недавно сказали, что детей из знатных семей готовят к школе заранее, и нельзя просто

так привести ребенка в уважаемое заведение, где все одноклассники будут знать много больше, и чужак окажется безнадёжно отставшим. Поэтому я хочу сам воспитывать Ласси! Как только я обоснуюсь в Уллинофароа, я заберу ее к себе и начну готовить к поступлению в школу при университете.

– И отнимешь у нас последнюю нашу отраду, – сказал Кайс с искренней болью.

– Не ради себя, ради будущего Илассиа, – ответил Лаон.

– Всё-таки не спеши. Она еще маленькая. Позволь нам побыть с ней немного подольше. Я не знаю, как бы мы пережили смерть Айлиссы, если бы не малышка. Ласси – наше солнышко, наша звезда, наше счастье.

– Наше общее счастье, Кайс. Я люблю ее ничуть не меньше, чем вы.

– Так давай мы не будем рвать ее друг у друга из рук. Можем ведь мы с тобой договориться, как мужчина с женщиной?

– О чем?

– О том, что еще хотя бы на год Ласси останется с нами. Ей здесь хорошо: воздух, море, свобода, наша с Файей любовь...

– Но она растет в одиночестве. Не общаясь с другими детьми. Говорит и смотрит по-взрослому.

– У детей рыбаков обычно очень короткое детство, Лаон. В три года они уже помогают разбирать улов, чинить сети и снасти... Конечно, мы не подпускаем Ласси к подобным делам, однако Файе по хозяйству она помогает. Ни к чему рас-

тить белоручку, неизвестно ведь, каким боком повернется к ней жизнь.

– Только не переусердствуйте, – попросил Лаон. – Моя дочь должна знать, что, помимо домашних забот, существует нечто другое – мир, где ценится ум и знание.

– Ученая женщина? Я такого и вообразить себе не могу! – признался Кайс.

– Они существуют, – заверил Лаон. – Их мало, однако они есть и в университете, и в Императорском музее, и в других заведениях.

– Наверное, эти женщины не смогли найти себе мужей, которые их содержали бы? Или мужья их покинули?

– Нет, бывает по-всякому. Иногда муж с женой работают вместе. Некоторые молодые дамы успевают защитить диссертацию до замужества, а потом занимают скромные должности, не мешающие им быть хорошими женами и матерями. Другие, напротив, не выходят замуж, чтобы свободно заниматься наукой. А у некоторых мужья ничего не имеют против научной карьеры жен – это преумножает семейную славу.

– Ты хочешь, Лаон, чтобы дочь пошла по твоим стопам?

– Вовсе не обязательно. Я хочу предоставить ей все возможности сделать свой выбор.

– Ну, делай, как знаешь. Только не торопись. Помни, что она совсем еще кроха. Иначе это будет твой выбор, а не ее.

– Кайс, вы очень мудры. И, конечно, я обдумую ваши со-

веты.

– Иди поспи, дорогой мой зять. Мне привычно дежурить ночами, а ты уже выглядишь сонным. Шутка ли – добираться сюда из Уллинофароа!

– Вы когда-нибудь были в столице?

– Нет. Зачем? Айлисса рассказывала, там повсюду огромные дома, все ютятся друг на друге, как в клетках. И моря не видно ниоткуда. Даже из Императорского дворца. Я не смог бы там жить. Никогда.

– И в гости съездить не хотели бы?

– Каким образом, Лаон? А служба? Я ее потеряю, если отлучусь хоть на пару дней. Файя может, конечно, меня подменить, но без нее мне не нужно никаких дворцов и хором.

Наутро настроение у всех улучшилось, и атмосфера смягчилась. Ласси уже не дичилась отца, убедившись, что он никуда не исчез и останется с ними если не навсегда, то надолго. Кайс больше не заводил разговоров о будущем внучки и относился к зятю с почтительным дружелюбием. Файя, как всегда, старалась всем угодить. Теперь она могла больше времени заниматься хозяйством или продавать экскурсантам поделки. Ведь Ласси была при отце, который каждый день подолгу гулял с ней по уединенным местам, рассказывал всякие увлекательные истории, играл в угадайки или резвился, ловя с завязанными глазами свою шустрюю девочку, которую выдавал только легкий топот маленьких ножек. Он привез для Ласси сандалии и башмаки, однако ле-

том она предпочитала бегать совсем босиком. А в нарядное новое платье Файя облачала ее, лишь когда на маяк прибывала очередная порция посетителей. Неудобно было выставлять дочь магистра Лаона Саонса замарашкой в обносках, перешитых из бабкиной юбки.

Но даже в рубище Ласси выглядела хорошенькой. От матери она унаследовала кожу с серебристым отливом и такие же переливчатые глаза, светло-серые с нежной голубишной и розовато-лиловыми ободками. Верхний глаз тоже сиял как звезда в рассветном тумане – загадочно, холодновато и отстраненно. А чертами лица она походила скорей на отца. Они не казались столь тонкими, как черты покойной Айлиссы, которая вполне сошла бы за аристократку, имей она подобающее богатство и воспитание. Саонсы – простолюдины, при выборе женихов и невест они обычно руководствовались не прелестью облика, а другими соображениями. Состоятельностью, доброй славой семьи, трудолюбием и здоровьем. У Лаона всё это было, кроме денежного благополучия. Но оно, полагал он, придет, когда он развернет свои дарования в полную силу.

К моменту его отъезда с маяка на мысе Морну он проникся такой восторженной нежностью к дочери, что даже думал, не взять ли ее с собой прямо сразу, не дожидаясь более подходящих условий. Однако он ведь дал слово Кайсу, что оставит им с Файей внучку еще хотя бы на год, а лучше на два. Что он будет делать с трехлетней малышкой один, без жены,

без старших родственников? Наймет для Ласси няню? Денег на это нет. Значит, нужно расстаться и еще старательнее работать, обеспечивая им обоим хорошее будущее.

Ласси, кажется, всё понимала. За те полтора месяца, которые он провел в ежедневном общении с дочерью, ее умственное развитие резко ускорилося. В ее речи появилось огромное количество новых слов, фразы стали более длинными, речи не по-младенчески рассудительными. Накануне последнего дня у них вышел разговор на совсем серьезные темы.

– Моя милая девочка, мне опять придется надолго уехать.

– Зачем?

– Я должен работать. Твой дедушка служит на маяке, а я совсем в другом месте. Далеко отсюда.

– А здесь ты не можешь?

– Нет. У меня такая профессия, которая здесь не нужна.

– Какая, папа?

– История.

– Что это?

– Историки узнают, каким было прошлое. До того, как мы все появились на свет. И даже до того, как появились наши дедушки, их дедушки, и так далее. Часть знаний уже забыта, но часть можно восстановить по оставшимся письменам, прочитать их и пересказать по-новому.

– Для чего?

– В истории – наша память. Это то, чем мы отличаемся от

неразумных существ. От всех этих глайнов, гулламов, коамсов и даже твоих прекрасных тезок, илассиа.

– И разве они живут хуже нас?

– Может быть, и не хуже. Особенно, когда у них много пищи. Но они не помнят не только своих дальних предков, а даже родителей. Представь себе, что ты выросла и совершенно забыла меня, и дедушку Кайса, и бабушку Файю. И нет у тебя никакой фамилии. Ты не Саонс, и не Вайнир, а просто какая-то птица. Одна из тысяч таких же других, безмянных, беспамятных. Твоя задача – быть здоровой, сытой, сильной, вывести столь же здоровых и сильных птенцов – и исчезнуть, дав место другим, совершенно таким же.

– Все птицы и рыбы разные, папа. Я знаю. Они почти как мы, только говорить не умеют. Или не хотят? У них свои тайны?

– Моя выдумщица! Чтобы говорить, нужно мыслить. Думать. А для этого требуется многое запоминать, вспоминать и сравнивать. Животные неспособны на это. Разве что в сказках, которые я тебе читал. Но сказки сочинены не самими животными.

– Сказки – тоже история?

– Не совсем. В них не то, что действительно было, а то, что мы придумываем. Сказки – это словесность. Умение составлять слова в интересный рассказ.

– Там – неправда?

– Там другая правда, Ласси. Не та, что в истории. Боюсь,

тебе пока не понять.

– Я запомню, папа. Ведь я – разумная?

– Ты невероятная умница, Ласси. Я горжусь тобой. Обещаю тебе, что дедушка с бабушкой тоже скоро будут тобою гордиться. Но для этого мне нужно сначала уехать и заработать побольше денег. Тогда я смогу взять тебя в город и отдать в хорошую школу.

– Да, папа. Я поняла.

Космолингва

Лаон не забыл обещание, данное господину Аррманнуиху Варданассиру. Он честно пытался перевести свою магистерскую диссертацию на космолингву, но отступился, промучившись над введением. Потом попробовал написать статью по материалам своей работы – и вновь потерпел поражение. А ведь Лаону думалось, будто он знает космолингву довольно прилично, по крайней мере, на пассивном уровне. Говорить на межгалактическом языке на Лиенне совершенно не с кем, инопланетяне тут очень редкие гости, и беседы они ведут не с историками, а с властями.

Нанимать переводчика с факультета словесности Лаону было не по средствам. Просить помощи у отца он не собирался: ему навязали бы долг благодарности. Оставалось одно – самому подтянуть язык до такого уровня, который позволил бы самому сделать перевод своего труда, а в дальнейшем писать статьи для межгалактических сборников прямо на космолингве.

Господин Хранитель тоже не забыл о разговоре с Лаоном Саонсом. Выждав должное время, в начале семестра он связался с Лаоном и предложил ему встретиться после занятий в любом месте, где можно поговорить без помех. На слове «помехи» он сделал внятный акцент. Лаон сообразил, что ни

одно из Императорских учреждений для конфиденциальных бесед не годилось. Из соображений безопасности там повсюду имелись либо камеры наблюдения, либо скрытые подслушивающие устройства. Это касалось и университета, с чем Лаон давно смирился. В конце концов, на работе он не занимался ничем предосудительным, и ему было всё равно, кто и где слушает его лекции и семинары. Пусть себе слушают – может, станут умнее! Впрочем, скорее всего, эти записи никого не интересовали, и либо сразу же архивировались, без вникания в содержимое, либо просто стирались по прошествии должного срока.

Другое дело – встреча с инопланетянином.

Они договорились, что, коль скоро погода еще позволяет, можно совершить прогулку по парку у Императорского дворца. Там красиво, приятно, можно вместе присесть в кафе под открытым небом – вроде бы у всех на виду, однако без лишних свидетелей.

На мерцавшего виссеванца все, конечно же, обращали внимание, но он привык не обращать внимания на взгляды докучливых незнакомцев. Чтобы не слишком бросаться с глаза, он нарядился, как уйлоанец.

Прогулка оказалась короткой, ведь главное – дело, а не удовольствие. Они действительно выбрали столик у декоративного прудика, на отшибе от прочих, заказали по напитку, обменялись парой ничего не значащих фраз, и лишь после этого господин Аррманнуихх Варданассир спросил:

– Как продвигается наш проект, уважаемый магистр Саонс?

– Искренне говоря, он застопорился, господин Варданассир. Я понял, что моего владения космолингвой недостаточно для квалифицированного перевода. Вроде бы космолингва – простой язык, грамматически элементарный, с запасом лексики из самых разных сфер. Однако я не могу передать на нем без потерь ни здешнюю историческую терминологию, ни все оттенки смысла цитируемых документов. Есть тонкости, выразимые только на уйлоанском языке. Их объяснение заняло бы объем, равный едва ли не половине исследования. И я не уверен, что нашел бы адекватные словесные формулы.

– Мне кажется, на Лиенне не слишком усердствуют в изучении космолингвы, даже в Императорском университете, – заметил Хранитель.

– Вы правы, господин Варданассир, однако этому есть объяснение: отсутствие явной необходимости культивировать универсальный язык. Лиенна находится в стороне от других разумных миров. В нашей галактике больше нет подобных планет. Нас редко кто посещает, а сами мы звездолетами не обладаем. Да и что нам делать на далеких планетах, если здесь, на Лиенне, есть огромные неосвоенные пространства? Три континента, из которых отчасти обжит лишь один! Множество островов, на которых почти нет поселений!

– Это общеизвестные факты, магистр Саонс. Межгалакти-

ческий альянс готов помогать вам в развитии вашей планеты, но не хочет ускорять естественные процессы. Они ограничены, как вы понимаете, и размерами популяции, и темпами ее роста, и зрелостью общества, и балансом всех прочих параметров. Собственно, потому сюда послан Хранитель, а не куратор. Мое дело – наблюдать за процессами и служить посредником в потенциально важных контактах. Специальность историка цивилизаций помогает сохранить объективный подход к моей миссии. На мой взгляд, у вас есть подобный потенциал. Развивать ли его – зависит от вас.

– Я хотел бы, но я сильно связан различными внешними обстоятельствами. Все они не имеют отношения к науке, однако влияют на мою продуктивность.

– Стесненность в средствах?

– Не только это, господин Варданассир. Необходимость периодически уезжать к семье, чтобы моя маленькая дочь не забыла меня.

– Вы женаты?

– Я вдовец. Дочь растет у бабушки с дедушкой. Место уединенное, и когда я живу у них, заниматься наукой там возможности нет. А когда я вернулся в Уллинофароа, мне пришлось столкнуться со множеством сугубо житейских проблем, в которые я не хотел бы вас посвящать. Моя должность лектора тоже подразумевает интенсивную подготовку к занятиям. Да, я читаю курс по программе, разработанной профессором Вайянсом и утвержденной руководством фа-

культета, но всякий раз я заново перечитываю старую литературу, ищу в журналах новейшие исследования по каждой теме, обращаюсь к источникам, придумываю задания для семинарских работ...

– Вы настоящий историк, господин Саонс. И вам бы преподавать в каком-нибудь межгалактическом университете. Но без совершенного знания космолингвы и выхода на общение с коллегами из других миров это вряд ли возможно.

– Я отлично всё понимаю, господин Варданассир. Извините, что не оправдал ваших ожиданий и зря отнял ваше драгоценное время.

– Нисколько не зря, господин Саонс. Я по-прежнему хотел бы помочь вам. Не будем спешить. Ваше исследование вряд ли утратит ценность, пока вы будете осваивать тонкости космолингвы, если только это входит в ваши намерения.

– Да, разумеется! Я собирался на днях посетить факультет словесности и набрать там хороших учебников и пособий.

– Боюсь, господин Саонс, они не будут соответствовать вашим запросам. Я готов предоставить вам материалы из нашего Межгалактического университета. Правда, мне нужно сначала их запросить по дальней космической связи, а это не очень легко и не очень быстро.

– Я буду безмерно вам благодарен, господин Варданассир! Надеюсь, нашими законами такое сотрудничество допускается?

– Мы обставим всё официально. Тот же самый комплект

словарей, учебников и пособий будет предоставлен в дар факультету словесности. Никто не сможет сказать, будто вы получили от меня всё это в подарок в обмен за какие-то услуги.

– Вы очень великодушны, господин Варданассир.

– Я всего лишь исполняю свой долг. Устанавливать научные и культурные связи между мирами – моя прямая обязанность.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Хранитель смог исполнить свое обещание. Комплект (естественно, в электронном виде) поступил в библиотеку факультета словесности; по этому поводу устроили торжественное собрание, на которое Лаон тоже был приглашен. Выступая перед университетскими преподавателями, Аррманнуихх Варданассир говорил, что пособия могут использоваться и в теперешнем виде, и быть напечатанными на бумаге, если преподавателям и студентам так удобнее. Никаких ограничений на их распространение не предусмотрено; всякий вправе обращаться к ним совершенно свободно – изучать, преподавать, цитировать, перепечатывать полностью или фрагментами, создавать на имеющейся основе производные материалы. Таково условие дара, ведь политика Межгалактического союза подразумевает широкий обмен информацией, а поскольку все авторы присланных с Виссеваны учебных пособий давно получили за них подобающие гонорары, никаких возражений с их стороны не последовало.

Руководство Императорского университета не спешило

внедрять в учебные курсы новые материалы по космолингве, ведь ради этого пришлось бы в разгар учебного года менять программы и переучивать преподавателей. Но Лаон Саонс теперь имел полное право заниматься межгалактическим языком самостоятельно, ведь господин Варданасир снабдил его еще одной полной копией всех присланных файлов.

Язык оказался отнюдь не таким простым, каким Лаон раньше его себе представлял. На уровне самого поверхностного общения он был доступен любому разумному существу, даже трехлетней девочке, вроде Ласси, и мысли выражались на нем четко и однозначно. Ни метафор, ни прочих тропов, ни идиом с локальным значением, вроде уйлоанского «йоннайо!» – «утонуть-захлебнуться!» – возгласа, издаваемого при большом удивлении. Уйлоанцы – потомки водных жителей, и, хотя их доисторические предки когда-то обосновались на суше, они унаследовали врожденную способность долго плавать и виртуозно нырять, и нужно приложить большие усилия, чтобы утопить здорового взрослого уйлоанца. И если в тексте попадалось это самое «йоннайо!», то на космолингве приходилось довольствоваться чем-то пресным вроде «эмоциональная реакция собеседника обнаружила его психологическую неготовность к полученной информации».

В других отношениях космолингва, напротив, оказалась чрезвычайно богата. Она вобрала в себя лексику, корни и грамматические структуры множества крайне далеких друг

от друга языков. В космолингве Лаону постоянно мерещилось загадочное мерцание множества цивилизаций, подобное мерцанию звезд на безоблачном небе.

Через суть космолингвы Лаону вдруг приоткрылась суть истории, свернутой в единый кристалл, сжатой до совокупности квантов, среди которых оказался и хронон – квант времени, которым оперируют представители самой загадочной во вселенной профессии: хронавты.

Он был так потрясен пришедшим к нему озарением, что надолго оставил мысль о переводе своих работ на этот универсальный язык: кто такой магистр Лаон Саонс, кому нужна его диссертация, и какое всем прочим мирам дело до исторической памяти переселенцев Лиенны?..

Но язык он всё-таки продолжал изучать, посвящая этому вечера после лекций или ранее утро, если занятия в университете назначались чуть позже. В дополнение к письменным пособиям разных жанров господин Варданассир добыл и интерактивные курсы, где можно было скорректировать свое произношение и добиться приличного темпа речи.

Особенно полезным оказался учебник профессора Меннанаирры Фарран с Висеваны. Одна часть – перевод с вербальных языков на космолингву, вторая – перевод с космолингву на вербальные языки, в том числе и на уйлоанский. И занятное дополнение: «Космолингва и цвето-световые языки: методика перевода».

Похоже, что космолингвистика – наука не менее увлека-

тельная, чем история или, скажем, какая-нибудь астрофизика.

Но Лаону поздно менять профессию, у него нет на это ни времени, ни денег, ни физических сил. Считается, космолингвисты должны начинать обучение как можно раньше, лет в четырнадцать, когда интеллект уже почти взрослый, а память по-детски цепкая и безразмерная. Там ведь нужно учить не одно космолингву, а множество языков, вкупе с их письменными и знаковыми системами, культурой и той же историей. Талант космолингвиста встречается намного реже, чем талант историка, поэтому их куда выше ценят.

Может быть, овладел космолингвой в достаточно мере, Лаон всё же напишет обещанную господину Варданассиру статью на основе своей магистерской. Однако предмет дальнейших научных занятий для него отныне связывался с куда более универсальными темами. Он предпочитал об этом молчать, но накапливал мысли и материалы, почерпнутые из наблюдений, книг, разговоров.

В светском обществе

У сестры Саинны родился сын. Его назвали Саннуо, но имя официально еще не фиксировали: в знатных семьях это делали лишь после совершения церемонии у очага – унаследованного от уйлоанской цивилизации священного обряда.

На церемонию в доме семьи Майвэй после некоторых колебаний в последний момент пригласили и Лаона. Всё это время он не поддерживал контактов с Аллуэном Майвэем и не собирался навязываться в родственники к доктору-аристократу. Простились они не вполне дружелюбно. Скорее всего, Аллуэн и его сестра Баллайна сочли Лаона неотесанным грубияном, и точно такого же мнения он остался об этой семье.

Идти туда он не хотел. Но не пойти означало бы нанести обиду Саинне, которая всегда относилась к старшему брату неплохо, только не обладала достаточной смелостью, чтобы поддержать его в трудный момент, когда ему очень нужна была помощь, хотя бы моральная. Саинна всерьез опасалась за собственный брак с Аллуэном – очень завидным женихом, которого она, помимо прочего, в самом деле любила и не хотела бы потерять по чужой вине. К счастью, Аллуэн тоже был влюблен и удовлетворился тем, что Саонсы отказались видеть в собственном доме Айлиссу и ее низкорожденных

родственников.

Будь Айлисса жива, вряд ли Лаона позвали бы в гости к семье Майвэй вместе с ней. Да и сейчас могли бы не пригласить, не стань он лектором Императорского университета и перспективным ученым, трудами которого интересуется представитель Межгалактического альянса.

Церемония у очага – обряд чрезвычайно торжественный, архаичный и практикуемый очень редко, лишь в самых знатных и богатых домах. Согласно древним обычаям, разглашать церемонию у очага строго запрещено. Поэтому о ней невозможно написать никакое исследование, и лучше даже не упоминать ни о чем таком в обычных статьях и книгах. Присутствовать могут только взрослые, имеющие соизволение иерофанта. А иерофантом вправе стать только тот, кто заранее избран вышестоящим наставником и прошел у него надлежащее обучение. Здесь, в Уллинофароа, иерофанты имеются в Императорском дворце, они входят в штат музейных сотрудников и получают жалованье. Но, помимо государственных церемоний, они проводят и частные, это не возбраняется и даже приветствуется.

Ни один иерофант никогда не станет требовать платы за ритуал и даже намекать на какое-то вознаграждение. Однако после всякой церемонии полагается преподнести ему щедрый подарок на память. Иногда такие дары по стоимости намного превосходят казенное содержание живых реликтов древней уйлоанской религии – религии Общего Очага.

Жилище Майвэев – не скромный особнячок, а просторная вилла в пригороде. Добираться нужно частным транспортом, пешком далеко, а рейсовые раллины ездят сюда нечасто и забиты битком. Пришлось нанять байсун с водителем, чтобы прибыть на место вовремя и выглядеть не очень помятым.

В ожидании церемонии гости собирались на лужайке перед домом, украшенной светильниками с пляшущим в круглых стеклянных колбах огнем. От светильников исходило тепло, а для защиты от накрапывавшего дождя над лужайкой раскинули легкий тент.

Родители Лаона уже приехали – семейный байсун стоял у ворот. Старшего брата и старшую сестру, которые жили в Меннао со своими семьями, либо не пригласили, либо те отказались – дорога длинная, ночевать всем вместе в родительском доме тесно, снимать гостиницу дорого.

Лаона представили отцу и матери Аллуэна – господину Баллуэну и госпоже Эллайне Майвэй. Они держались любезно, но несколько высокомерно. С Баллайной он чинно раскланялся, хотя она старалась изобразить приветливость. Аллуэн и Саинна непринужденно перемещались между гостями, ожидая знака к началу церемонии у очага.

«А где же мой новорожденный племянник?» – спросил Лаон у сиявшей от счастья сестры. – «Он с няней, в детской», – отвечала она удивленно. Неужели брат думал, что Саинна вздумает сама кормить и пеленать младенца? Благо-

родные дамы семьи Майвэй должны принимать у себя гостей и блистать в порядочном обществе. Бытовые заботы – дело прислуги.

Саинна даже не спросила, как поживает дочь Лаона. Он не обиделся. Сестре сейчас совершенно не до него. Но ведь и собственные его родители упорно продолжали делать вид, будто «девочки с маяка», Илассиа Саонс, не существует на свете.

Зазвучала священная чаша, издававшая нежный, но властный зов, извлекаемый из металлического ободка.

Церемония проходила, как полагалось, размеренно и с надлежащей торжественностью, но была не очень долгой, поскольку посвящалась наречению имени очередного наследника рода – Саннуо Майвэя. Младенец был вынесен на всеобщее обозрение и приобщен к семейному очагу, после чего Саинна вновь унесла его, передав ожидавшей вне зала кормилице и вернулась, чтобы принять славословия как счастливая мать.

Разглашать подробности, конечно, нельзя, но Лаона впечатлил и обряд, и внешний облик иерофанта в узорчатой ризе, хранимой в секретном фонде Императорского музея (экскурсантам ее никогда не показывают, а сотрудники могут к ней прикасаться, лишь если обладают особым допуском). Наверное, свадебная церемония Саинны и Аллуэна была еще более пышной, но Лаона туда не звали – в то время он считался семейным изгоем.

После завершения церемонии все вновь вышли на лужайку, где уже стояли столики с легкими закусками и напитками. В зале требовалось убрать все предметы, относившиеся к сакральному действию, а иерофанту – переодеться в обычное платье. Тем временем в столовой слуги в последний раз проверяли сервировку праздничного стола и правильность раскладки гостей согласно карточкам с их именами.

Иерофант оказался давнишним знакомым Лаона – старшим сотрудником отдела уйлоанских древностей в Императорском музее. В миру он носил обычное имя – профессор Ниан Ойонай, диссертацию защитил довольно давно, ее тема звучала совершенно академически: «Социальное устройство Уйлоанской империи». Похоже, что именно он был анонимным рецензентом магистерской диссертации Лаона, хотя спрашивать напрямую об этом не полагалось.

Они вежливо поприветствовали друг друга, обменявшись новостями о жизни исторического факультета и о музейных выставках. Непринужденное общение с иерофантом, принадлежавшим к одной из знатнейших семей Лиенны – из первой страты! – возвысило Лаона в глазах родителей Аллуэна, которые до сих пор слышали о нем не самые лестные отзывы.

За столом его снова посадили рядом с Баллайной. Возможно, в этом не было никакого особого умысла. Куда еще его было пристроить? Она – младшая сестра, он – младший сын в семье. На почетные места, отведенные иерофанту и

старшей чете Майвэй, никто из них претендовать бы не мог. По другую руку от Лаона восседала его матушка, а с Баллайной соседствовал Аллуэн. Всё логично и благопристойно.

Лаон не мог придумать, о чем говорить с Баллайной, а молчание выглядело несколько нарочитым. В разговор вступила она сама, спросив, где он провел каникулы.

– С моей семьей, на мысе Морну.

– У вас там загородный дом?

– Нет, госпожа. Там маяк, на котором служит мой тесть.

– А, я помню! И на скалах гнездятся морские птицы, за-
была, как они зовутся...

– Илассиа.

– Да! Простите, не сразу всплыло в голове. Ведь это имя
вашей дочери?

– Именно так, госпожа.

– Сколько ей лет, господин Саонс?

– Уже четыре.

– Ей не скучно одной?

– Другой жизни она не знала. А дедушка с бабушкой очень
любят ее и стараются не давать ей скучать. Я тоже звоню каж-
дый день.

– Вы хороший отец.

– Я стараюсь им быть, госпожа Майвэй.

– Зачем так чинно? Можно просто Баллайна.

– Ваши родители не сочтут мои манеры развязными?

– Нет, ну что вы! Мы теперь кровные родственники. У нас

общий племянник!

– Хорошо. Тогда и я – просто «Лаон».

К облегчению Лаона, она не предложила перейти на «ты». Иначе он был бы вынужден отказаться. Столь стремительное сближение с сестрой Аллуэна не входило в его намерения. Он вообще ничего про нее не знает. Лишь догадывается, что ей на вид лет шестнадцать-семнадцать, и, похоже, она еще не обручена. Иначе о ее женихе бы упоминалось, а на тонкой руке красовался бы серебряный обручальный браслет.

Матушка смотрела на воркование Лаона и Баллайны весьма одобрительно. А он продолжал ощущать себя неловко, ибо делал не то, что хотел, а то, чего от него ожидало всё это светское общество. Он гораздо охотнее поговорил бы с профессором Ойонаем о том, существуют ли аналогии уйлоанской церемонии у очага во вселенской истории цивилизаций. Но затрагивать такие материи за общим столом было совершенно немислимо. А старшие супруги Майвэй беседовали с иерофантом про каких-то знакомых, о которых Лаон понятия не имел. Но фамилии были громкие: Кассай, Виттай... Все – из высшей страты, которой, по сути, принадлежала вся власть на Лиенне.

Наконец, семейное празднество завершилось долгим и постепенным прощанием всех со всеми. Лаон собирался тихонько попросить Саинну вызвать для него байсун, но внезапно сам иерофант, профессор Ойонай, предложил подвезти его: «Мы ведь с вами живем поблизости, да, коллега? В

университетском квартале?»..

Это произвело впечатление и на Саонсов, и на Майвэев. И неважно, что обиталище Лаона находилось в мансарде студенческого общежития. Слова иерофанта звучали, как если бы они были равны по рангу.

По дороге профессор Ойонай спросил его, чем он сейчас занимается. Лаон честно ответил, что новых тем пока не осваивает. В основном готовится к лекциям и усердно штудирует космолингву.

– А зачем вам космолингва? – удивился профессор. – Разве вы ее недостаточно знаете, чтобы читать литературу по нашей специальности?

– Я хотел бы уметь изъясняться и свободно писать на межгалактическом языке, – признался Лаон.

– Собираетесь сделать карьеру на звездном уровне?

– Почему бы и нет, многочтимый профессор Ойонай? Но до этого мне еще далеко. Пока что я хотел бы приобщиться к такому предмету, как история цивилизаций.

– Неужели вам мало нашей истории, которая, по сути, еще не написана?

– История любой культуры становится понятнее в сравнении с прочими. А мы о них знаем мало. Нас закинуло в столь отдаленный угол вселенной, что у нас просто нет соседей, и наши преподаватели не считали нужным рассказывать о мирах, в которых мы никогда побывать не сможем.

– Весьма разумный и трезвый подход.

– Но методологически, вероятно, небезупречный.

– Что же, магистр Саонс, желаю вам успеха в ваших дерзаниях!

Они подъехали к общежитию, Лаон поблагодарил профессора за любезность и полезные наставления. Тот выразил надежду, что они еще не раз увидятся в Императорской библиотеке или музее, и тогда разговор продолжится.

Лаон так и не понял, одобрил иерофант его сферу занятий или отнесся к ней с осторожной предвзятостью. Манеры представителей высшего света часто не позволяют разгадать их истинных мыслей. Считывать их по намекам еще трудней, чем переводить с космолингвы на какой-то из цвето-световых языков, вроде мерцающего виссеванского.

Будни ученого

Несмотря на загруженность текущей работой, Лаон всё-таки написал статью, очень кратко изложив в ней идеи своей магистерской. Поскольку магистерская создавалась на факультете, и Лаон оставался его сотрудником, требовалось получить разрешение на публикацию во внешнем издании. Почему-то рутинное обсуждение вылилось в долгий спор с коллегами: зачем вообще это нужно – переводить свои тексты на космолингву и посылать в другие галактики? Ведь там никто не смыслит в истории Уйлоанской и Лиеннской империй, и выводы Лаона могут просто неверно понять, если кто-то вообще даст себе труд ознакомиться со статьей неизвестного автора на весьма локальную тему. Чего он хочет этим шагом добиться?

Он отвечал корректно и сдержанно.

Несомненно, Императорский университет Уллинофароа – чрезвычайно уважаемое учебное и научное заведение, иначе Межгалактический альянс не субсидировал бы его строительство на самых ранних этапах, когда своими силами уйлоанцы Лиенны не справились бы. Однако существует ведь и Межгалактический совет по научным связям разумных миров, который тоже способствовал пополнению библиотеки Императорского университета и оснащению аудиторий и ла-

бораторий новейшей техникой. При этом ни Альянс, ни Научный совет не рассчитывали на немедленную отдачу от своих вложений. Вероятно, настало время самим пойти им навстречу и поделиться работами лиеннских ученых. Насколько Лаон осведомлен, биологи уже отправляли статьи в межгалактические журналы и получили благожелательные отзывы коллег из разных миров. Почему бы историкам не последовать их примеру?

Аргументы сочли логичными, разрешение было получено, статья улетела по каналам межгалактической связи в «Виссеванский исторический вестник». А затем неожиданно поступил гонорар. Только с конвертацией космических кредитных систем в лиеннские деньги для частных лиц существовали немалые затруднения: учреждения вели подобные расчеты безналично. Господин Варданассир спросил, не предпочел бы Лаон получить эквивалент гонорара в форме предоставления нужных ему изданий по любым наукам. И, хотя финансы Лаона по-прежнему оставались скудными, он радостно согласился с этим предложением и купил себе книг, которые не поступали в библиотеку Императорского университета, поскольку не пользовались широким спросом. Среди них оказались труды профессора Уиссхаиньщца «История цивилизаций: общая методология изучения», «Синхронность и диахронность развития разума в разных мирах», «Типы организаций разумных сообществ», и Лаон поразился широте кругозора этого специалиста, совершен-

но незнакомого ученым Лиенны. Имя, правда, звучало абсолютно непроизносимо, словно аббревиатура какой-то длинной фразы на варварском языке. Но мало ли во Вселенной миров и народов, языки которых кажутся непостижимыми. Все книги профессора Уиссхаиньщца были написаны на космолингве, и Лаон многое почерпнул из них, обогатив свою лексику и методологию.

Выписал он себе и книги по истории отдельных миров и культур. Похоже, о некоторых из них на Лиенне никто не слышал. В учебные курсы они никогда не включались, а праздного интереса к ним никто не питал. Зачем, если на сотни парсеков от Лиенны нет никаких соседей по разуму? А в те, описанные в чужеземных книгах, миры попасть уж совсем невозможно. Какая нам разница, где и когда там правил некий властитель, велись какие-то войны, строились и разрушались города, возникали и умирали культы самых невероятных божеств?..

Лаон, однако, всем этим увлекся. Вечерами он читал перед сном «Историю древних цивилизаций Теллус», «Культ Харот на планете Биксан», «Симбионты Угунудука: культура без технологий», «Разновидности водных миров и типы сложившихся в них сообществ» – и прочее, с точки зрения обычных лиеннских историков – совсем экзотическое.

Привносить постороннюю информацию он в читаемый им лекционный курс не мог, да и права такого не имел, являясь лишь лектором, а не профессором. Глава факультета, про-

фессор Вайянс, поручил ему несколько тем по заранее согласованному учебному плану. Круг этих тем ограничивался историей Уйлоанской империи, историей ее наследницы и преемницы – Лиеннской империи, а также общее знакомство с историей Межгалактического альянса. Установочные и методологически важные лекции читал сам Вайянс, а более конкретные поручал магистру Саонсу. Для нововведений там места не находилось.

Однажды профессор Вайянс сам спросил его, не намерен ли Лаон через несколько лет защитить вторую, докторскую, диссертацию: «У вас есть для этого все необходимые качества, друг мой! Вы пытливы, дотошны, вы постоянно пополняете свои знания, ясно мыслите, хорошо излагаете. О вас с похвалой отзывается господин Ойонай, а он ведь, как вам известно, не только видный историк и музейный хранитель, а еще и почитаемый всеми иерофант. Вы не думали над возможной темой?»

Смутившись, Лаон признался: да, в отдаленном будущем он собирается написать диссертацию, но торопиться он смысла не видит. Сейчас он занят изучением важных вещей, оставшихся за рамками университетской программы.

- И что же это? – с недоумением спросил Вайянс.
- История цивилизаций, господин профессор.
- А зачем это вам, дорогой Лаон?
- При сравнительном анализе лучше видны достоинства нашей Империи.

– Если вы в них не сомневаетесь, то не вижу смысла искать аналогии где-то в дальних мирах.

– Я хочу убедиться в этом на собственном опыте, господин профессор.

– Здесь вы можете опираться на реальные документы, артефакты и очевидные данные. А при изучении отдаленных, причем, чужеродных цивилизаций, вы вынуждены полагаться на мнения авторов доступных работ. К первоисточникам у вас доступа нет, и ваши выводы могут оказаться всего лишь домыслами.

– Мне понятны все эти опасности, господин профессор. Сейчас я занят чтением свежей литературы, но стараюсь относиться к ней критически, как и положено выпускнику вашей школы.

Кажется, профессор Вайянс остался доволен их разговором. Лаон же вернулся домой в смятении. Все чего-то ждут от него, причем все – совершенно разного. Учитель подталкивает его к продолжению столь удачно начавшейся университетской карьеры. Профессор-иерофант Ойонай видит

Лаона будущим автором обновленной истории двух империй, Уйлоанской и Лиеннской, обещая дать ему допуск к особым фондам Императорского музея. Но это наложит на Лаона обязательства, которые он взять на себя не готов. Господин Варданассир намекает на возможность дальнейшего сотрудничества «магистра Саонса» с Виссеванским межга-

лактическим университетом. Родители и Саинна хотят, чтобы он обратил внимание на Баллайну Майвэй и поскорее сделал ей предложение.

А сам он хочет уехать от всех на маяк и побыть со своей милой Ласси.

Уроки хороших манер

Еле-еле дождался каникул.

Между Уллинофароа и Меннао теперь ввели воздушное сообщение. Летают легкие быстрые иссионы и более медленные, похожие на рыб, суннолуллы.

Меньше часа – и ты уже там. Но билеты столь дороги, что Лаон предпочел путешествовать по-старинке. Устал, пропах дорожными запахами, наслушался всякой бессмысленной болтовни случайных попутчиков, почти не ел и не пил целый день...

Когда Файя встретила его на пристани в Меннаваре и отвезла на маяк, наступила ночь. Они думали, Ласси заснула. Однако девчушка, услышав за дверью шаги и приглушенные голоса, вскочила с постели, натянула платяице и выскочила навстречу: «Папа! А я не спала! Я ждала!»...

– погоди обниматься, маленькая, я же грязный...

– Ты хороший!

Он быстро вымылся в душе, наслаждаясь прохладной водой, переоделся в свежую рубашку и простые домашние брюки, и с удовольствием сел за стол вместе с Файей и возбужденной от радости Ласси.

– Папа, я научилась читать! – похвасталась дочка, хрустя пирожком с морской капустой. – Хочешь, прямо сейчас по-

кажу?

– Завтра, завтра, родная моя...

Укладываясь в закутке, недостойном даже названия комнаты, Лаон чувствовал, что вернулся домой.

Странно было ощущать в себе сразу несколько личностей, которые будто бы мало соприкасались друг с другом. Лектор Императорского университета и собеседник почтенных мужей, вечно жаждущий новых знаний ученый, сын и брат «этих Саонсов, породнившихся с родом Майвэй», отец чудесной девочки, растущей в доме смотрителя маяка... Он сам не мог понять, какая из всех этих личностей истинная. Но здесь, в доме тестя и тещи, он испытывал чувства, почти забытые в Уллинофароа: покой, свободу, любовь и довольство собой и своими близкими.

Потянулись блаженные дни, похожие один на другой. Жизнь Кайса и Файи подчинялась обычному распорядку, а Лаон взял на себя все заботы о Ласси. Готовить он так и не научился, но простейший завтрак соорудить умел: на лепешки, испеченные вечером Фаей, накладывалась какая-нибудь начинка, в миску резались овощи, в кружки разливался фруктовый или травный напиток, а для Ласси подавалось свежее яичко гуллама. Вайниры год назад приютили пару ослабших птенцов этих птиц, иначе их заклевали бы взрослые. И теперь ручные гуллы исправно плодились.

После завтрака отец и дочь отправлялись гулять и плавать, пока до мыса не добрались экскурсанты. Лаон не запре-

щал Файе брать с собой Ласси, когда она торговала у пристани. Но все понимали, что будущей барышне не пристало бы заниматься такими делами, если есть, кому за ней присмотреть.

Кайс показывал экскурсантам маяк, объяснял суть своей работы, рассказывал всякие байки – то страшноватые, то веселые, и порой получал за свою любезность небольшое вознаграждение, от которого неприлично было отказываться. Теперь, когда Лаон стал лектором, он сполна обеспечивал содержание Ласси и делал подарки супругам Вайнир. «Но мы не должны рассчитывать на тебя», – повторял ему Кайс. – «Пока я служу, нам хватает на жизнь. Твой долг – вырастить и отправить в полет нашу птичку, Илассиа».

Каждый день либо до обеда, либо вскоре после него Лаон занимался с Ласси, готовя ее к поступлению в школу. Если бы девочку собирались отдать в обычное учебное заведение, ничего такого не требовалось бы. Но в лучшей на всей планете школе при Императорском университете существовали испытания для поступающих, подразумевавшие, якобы, выявление особых способностей у детишек пяти-шести лет. Проверяли правильность речи, богатство словарного запаса, умение читать печатные тексты, решать в уме простые задачи на счет и на логику, рисовать, танцевать. Отдельным пунктом значилась «продвинутая социализация», что означало владение формулами вежливости и элементарного этикета. Поэтому Аллуэн Майвэй был прав: поступить в эту

школу мог бы не каждый ребенок, даже самый талантливый. А Кайс и Файя, при всей их страстной любви к единственной внучке, научить ее всему нужному не могли. Ни невежественными, ни грубыми они не были, иначе их дочь Айлисса не обладала бы столь чуткой душой и обходительными манерами. Но светской дамой она так и не стала, да и не стремилась ею стать. Ее познания ограничивались практическими потребностями той жизни, которую она вела на маяке или рядом с Лаоном. Возможно, останься Айлисса в живых, он со временем превратил бы жену в достойную спутницу пруспевающего ученого, с которой не стыдно было бы выйти в любое общество. Она научилась бы хорошо одеваться, освоила бы расхожие формулы вроде – «О, это так интересно!», «Невероятно!», «Желаю вам всего лучшего!» – и считалась бы не «дочкой смотрителя маяка», а «госпожой Саонс». Но Айлиссы больше нет, и вся надежда теперь на успехи Илас-сия.

Помимо кратких уроков чтения, рисования и арифметики, Лаон играл с дочерью в «благородную даму». Он надевал свой выходной костюм, наряжал ее в привезенное новое платье, вешал ей на шейку перламутровое ожерелье Айлиссы и придумывал разные случаи и ситуации, в которых предполагались и церемонные поклоны, и изысканные обращения к старшим, и приветствия, и всевозможные способы сделать речь деликатной («Если мне дозволено будет молвить»... «Не соблаговолите ли»... «Вы совершенно правы,

однако мне кажется»...).

Ласси быстро всё это усваивала, но столь же быстро и уставала быть образцовой маленькой барышней. Она терпеливо ждала момента, когда отец позволит ей переодеться в обычное старое платьишко или юбку с просторной блузкой, спрятать в шкатулку мамино ожерелье, снять башмаки – и пуститься бегать на воле.

Когда на полуострове не было посторонних, Лаон сам охотно резвился с дочкой, носясь вдогонки по песку или забегая с брызгами в море, если волны оказывались не сильными. Они вместе прыгали с пристани, вместе ныряли за раковинами, вместе доплывали почти до середины заливчика Морну. Лаон проделывал это всё в старых, отрезанных до колен, штанах, а Ласси – голенькая, совершенно не подозревая, будто это может выглядеть неприличным.

Как-то раз, когда они неторопливо плыли рядом и любовались постепенно зажигавшимися огнями увеселительных заведений на набережной Меннавара, послышался звук мотора и показался стремительно приближавшийся катерок. Для приезда гостей время было неподходящим. Неужели что-то случилось в семье, и за Лаоном срочно снарядили курьера?..

«Доченька, давай быстро к берегу», – приказал он. – «Осторожней, не пересекай его путь! Тебя могут не разглядеть!»...

Лаон высунулся из воды и энергично помахал руками. На

катере его должны были заметить. И действительно, рулевой направился к ним, сбавив скорость.

Это был не курьер. Катер вез на мыс пассажиров. Вскоре Лаон смог разглядеть их лица и весьма удивился, узнав Аллуэнна, Саинну и Баллайну.

– Здравствуй, брат! – крикнула Саинна. – Мы гуляли по набережной и решили взять катер и съездить сюда, повидаться, полюбоваться вечерними видами! Отлив ведь начнется ночью, да? Мы успеем?..

– Очень рад, – откликнулся Лаон, однако по его голосу всем стало ясно, что он не в восторге от такой неожиданности. – Конечно, успеете. Добро пожаловать, дорогой Аллуэн и уважаемая Баллайна.

– Вы не хотите подняться на борт? – спросил Аллуэн.

– Извините, нет, ведь я не один...

Лаон вдруг оглянулся и не увидел Ласси. Сердце рухнуло в бездну.

«Ласси! Доченька!» – завопил он. – «Где ты?!»..

Он готов был нырять и нырять, доколе хватит физических сил, хотя понимал, что в сумерках он не увидит это маленькое, хрупкое, узкое тельце, и не отыщет свое сокровище в бездне ненасытного океана...

«Папа! Я тут!», – внезапно откликнулась Ласси, выскочив сзади. – «Правда, я хорошо спряталась?»

«Никогда так не делай!» – строго приказал он и едва поборол искушение отвесить легкий шлепок по затылку. – «С

океаном шутить нельзя!»...

Гости ждали, пока он закончит воспитывать баловницу. Потом Саинна предложила:

– Брат, может быть, мы заберем твою дочку? Она, вероятно, устала? И тебе так будет спокойнее?

– Да, я хочу прокатиться! – откликнулась Ласси и смело схватилась за брошенный веревочный трап с деревянными перекладинами.

– Ласси, ты не одета! – напомнил Лаон.

– Ну, и что? – удивилась она и внезапно опомнилась: – Уважаемые господа и благородные дамы, простите мне мой вольный наряд, мы не ждали гостей, но, конечно, очень вам рады!

Саинна помогла девчужке взобраться и мгновенно укутала ее собственным палантином.

– Вы весьма любезны, благородная госпожа, – заявила Ласси.

– Меня зовут Саинна, я сестра твоего отца.

– Чрезвычайно приятно познакомиться с вами! – на полном серьезе продолжало дитя. – Папа мне говорил, что среди его родных вы самая добрая.

– А это мой муж, господин Аллуэн Майвэй, – поспешила сказать Саинна, сделав вид, будто не расслышала последнюю реплику.

– Господин Аллуэн Майвэй, – повторила Ласси. – Позвольте представиться. Я – Илассиа Саонс, дочь магистра Ла-

она Саонса.

– Я вижу, отец успел поработать над твоими манерами, – заметил двусмысленно Аллуэн.

– Да! Мы с ним постоянно играем в благородных господ! Папа говорит, у меня хорошо получается! – похвасталась Ласси. – Ой, простите, а ваша спутница...

– Моя сестра Баллайна Майвэй, – сказал Аллуэн.

– Привет, Баллайна! – обратилась к ней девочка.

– Госпожа Баллайна, – поправил Лаон, плывший рядом с катером и с изумлением слушавший, как его дочь ведет светские разговоры.

– Простите, благородная госпожа Баллайна, я думала, вы совсем молодая, – сказала Ласси. – Немного старше меня!

Не будь дитя столь простодушно, эта реплика могла бы показаться язвительным замечанием. Баллайна и впрямь гляделась подростком, особенно в полумраке. Изящная, хрупкая, в светло-розовом платье с шалью такого же цвета.

– Я недавно закончила школу, – сообщила Баллайна.

– А я скоро буду учиться в столице! – похвасталась Ласси. – Мне жаль уезжать с маяка, но папа говорит, я способная и должна ходить в школу при Императорском университете!

– Если только тебя туда примут, – напомнил Лаон.

– Почему не примут? Я хуже других?..

Лаону очень хотелось ответить – «Ты лучше всех, моя радость!» – но он промолчал. Они приблизились к берегу. Катер шел без мотора, по течению, и оно же несло и пловца.

Быстро выбравшись из воды, Лаон накинул рубашку. Он не взял с собой никаких средств связи, чтобы предупредить Файю и Кайса о неожиданных гостях. Как бы не случилась неловкость...

Ласси, прыгнув с катера, непринужденно скинула палантин Саинны, не преминув еще раз поблагодарить ее за любезность и, ничуть не стесняясь своей наготы, натянула нехитрое платьишко.

– Беги-ка вперед, скажи бабушке, что у нас посетители, – велел Лаон.

– Да, папа, сейчас!

Она ускакала вверх по ступенькам лестницы.

– Твоя дочь совершенно очаровательна, – сказала Саинна, когда они всей компанией начали не спеша подниматься.

– Такая невинная непосредственность, – отозвался Аллуэн. – Или очень изысканный ум.

– Она схватывает наставления на лету, – согласился Лаон. – Но ее еще надо воспитывать. Извините, если Илассиа перешла те границы учтивости, о которых я ей пока не сообщил.

– Ну да, вы же с ней занимаетесь лишь во время каникул, а так она предоставлена либо сама себе, либо заботам... старших родственников, – сказала Баллайна.

Она явно пыталась никоим образом не обидеть семью Вайнир, но, как всякая аристократка, не могла скрыть врожденного высокомерия.

Когда они добрались до дома, Ласси успела переодеться в приличное платье, а Файя выставила на стол кувшин с самодельным легким фруктовым вином и закуску из сырных шариков и овощей, фаршированных свежими водорослями вперемешку с мясом коамсов.

– Добро пожаловать под наш скромный кров! – поклонилась Файя вошедшим. – Родственники и друзья нашего дорогого Лаона здесь всегда желанные гости!

– Позвольте представить вам мою дорогую тещу, госпожу Файю Вайнир, – сказал Лаон и назвал ей имена всех неожиданно нагрянувших. – А теперь простите меня, я сменю одежду и тотчас вернусь к вам.

Когда он снова вышел к столу, Файя уже отправилась к Кайсу, отнести ему ужин и сообщить о приезде знатной родни. Впрочем, мест за столом едва хватало на пятерых, шестого гостя посадить было некуда, а Ласси пришлось бы сесть к отцу на колени.

– Мы вовсе не рассчитывали на угощение, – смущенно сказала Саинна. – Думали, просто повидаем тебя, познакомимся с твоей дочкой, полюбуемся видами с мыса и быстро отчалим.

– Мои тесть и теща очень гостеприимны, – ответил Лаон. – Они не отпустят вошедшего в этот дом без трапезы, пусть самой скромной. У рыбаков так принято. Ведь каждая совместная встреча может оказаться последней. Ни у кого не должно остаться обид, и любой кусок делят поровну.

Баллайна с удивлением рассматривала очаг из массивных камней с почерневшей решеткой, закопченные потолочные балки, железную лампу на прочных цепях, простые деревянные табуреты и скамью у стены, тарелки разных форм и размеров (о сервизе тут речь не велась никогда!), глиняные стаканы вместо изящных бокалов, пузатый кувшин... Очевидно, она никогда не бывала в подобном жилище. Спаленок в доме при маяке было три, однако все они походили на крохотные каюты. Овальные оконца тоже делались маленькими, а стекла вставлялись толстые и непрозрачные, иначе зимой бы в них сильно дуло.

Саинна из вежливости попробовала закуску, и ей неожиданно понравились овощи. Аллуэн недоверчиво покосился на жену и согласился взять сырный шарик. Его примеру робко последовала Баллайна. Лаон разлил вино, и взрослые чинно пригубили напиток, а Ласси довольствовалась водой. Зато ела девочка с аппетитом – набегалась и наплавалась!

– Надеюсь, мы не объедем твоих родственников? – спросила Саинна. – А то нам неловко. Сюда, вероятно, не очень просто доставить всё нужное.

– Привозной только сыр, – пояснил Лаон. – Овощи с огорода, фарш из моря. Всё свежее.

– Простая здоровая пища, – прокомментировал Аллуэн. – Нужно будет прописать кому-нибудь из пациентов такую диету.

– Как тут тихо, – сказала Баллайна. – Вам, наверное, хо-

рошо работается. Из вашего кабинета красивый вид?

– У меня здесь нет кабинета, – признался Лаон.

– Да, конечно, – поспешила исправить свою оплошность Баллайна. – Вы приезжаете на маяк отдохнуть от столицы. И освежить ваш ум после стольких научных занятий.

– Не без этого, – согласился он. – Но главным образом я еду к семье. Для общения с дочкой, тестем и тещей кабинет не нужен.

– А книги? Библиотека? Коллеги? – удивился Аллуэн.

– Книги я везу с собой в электронном виде. С коллегами переписываюсь. Конечно, в конце отпуска начинаю скучать по живым дискуссиям и по вопросам студентов. Но потом, оказавшись в столице, скучаю по маяку.

– Когда вы станете знаменитым и заработаете состояние, вы сможете купить этот мыс и построить на нем красивую виллу, – мечтательно произнесла Баллайна.

– Я?.. Зачем? Ну, разве что к старости! Или в наследство Илассиа.

– А чего вы хотели бы для себя самого?

– Если честно... Я мечтал бы увидеть другие миры.

– И отыскать в них Звездного императора, – иронически проронил Аллуэн.

– Кого? – вдруг оживилась до сих пор молчавшая Ласси.

– Я потом тебе расскажу, – обещал ей Лаон.

– По секрету?

– Нет, просто это длинная история, которую все наши го-

сти давно уже знают.

Тем временем вернулась Файя с корзиной, полной пустой посуды. Лаон попытался уступить ей свой табурет, но она отказалась: «Сиди, мы с Кайсом вместе поужинали, а то ему одному тоскливо. И мне пора укладывать спать нашу птичку. У нее уже верхний глазик закрылся».

Гости поняли намек и стали прощаться, учтиво поблагодарив «госпожу Вайнир» за любезность и щедрость. Ласси позволила Саинне поцеловать себя, а потом церемонно раскланялась с Аллуэнном и Баллайной. Лаон пошел проводить их и посветить фонарем, поскольку совсем стемнело.

Он так и не понял, какова была цель их визита, подразумевалась ли вообще какая-то цель, или ими руководило чистое любопытство, влекущее горожан посмотреть на обитателей аквариума или зверинца.

Какая, в сущности, разница?..

Предание о Звездном императоре

Илассиа не забыла про обещание Лаона и потребовала, чтобы он непременно рассказал ей «ту длинную сказку, которую знают все взрослые».

– Ее лучше рассказывать вечером, когда зажигаются звезды, – ответил он.

– Перед сном?

– Вообще не обязательно. Можно немного пораньше. Лишь бы небо не затянулось облаками или туманом.

Девочка целый день вела себя совершенно примерно, как будто боялась спугнуть погоду, обещавшую оставаться сухой и ясной до самой ночи. Выполняла любые задания, не спорила, не упрячилась, помогала бабушке мыть посуду и полоть огород. И периодически возвращалась к отцу с безмолвным вопросом в глазах: ну, скоро? Нет? А когда?..

Он оттягивал время, думая, в каких выражениях объяснить малышке столь сложные вещи. Наконец решил: как получится, так и получится. Если что не поймет, додумает позже. Главное – создать в душе Ласси нужный образ, с которым ей, вероятно, будет легче прожить свою жизнь.

Пужинали они чуть раньше, нежели в обычные дни. И вместе отправились на ту сторону мыса, где начиналась заповедная зона, огороженная натянутой сеткой. Отец и дочь

осторожно закрыли за собой тайный вход и прошли туда, где было совсем пустынно и дико. Маяк остался на носу окаменевшего ящера, перед глазами сияло вечерними отсветами море Валлойн, ограниченное едва видимыми мысами, а дальше в соленой дымке угадывался океан, повелитель накапывавших на Меннао приливов и отливов.

Они нашли удобный плоский камень, нагретый за день солнцем, постелили плащ, который прихватил с собой Лаон, и сели. Птицы, притихшие было при звуке шагов и шуршании веток, снова занялись приготовлениями к ночлегу. Кто-то из пернатых ссорился, кто-то хлопал крыльями, кто-то еще летал, пользуясь призрачным полусветом сумерек.

Резко усилились ароматы растений. Пахли, отдавая тепло, листья, травы, лишайники, перезревшие ягоды.

В небе, приобретавшем цвет глубокого ультрамарина, проступали огни.

– Небо смотрит на нас, мы – на небо, – философски заметил ребенок.

– Да, моя дорогая. Но мы его видим, а оно нас – нет.

– Почему?

– Мы слишком ничтожны по сравнению даже с самой малой планетой.

– Папа, а чем звезда отличается от планеты? Или это одно?

– Нет, Ласси. Звезда – это огненный шар. Настолько огромный, что мы и вообразить себе такое не сможем. Наше

здешнее солнце Маир – звезда.

– Так она же совсем небольшая!

– Потому что она далеко. А другие такие же звезды еще дальше. Все эти точки на небе – невероятное множество солнц.

– А откуда в них берется огонь? Кто его зажигает?

– Никто. Он рождается и умирает вместе со звездой.

– И тогда они гаснут, как наш очаг, когда нет угля?

– Не совсем. Звезды напоследок взрываются. И сияют тогда ярче прежнего. Только не очень долго. Затем угасают.

– А планеты?

– Планеты не состоят из огня. А питаются огнем от звезды, которая рядом. Чем ближе, тем на планете жарче. Чем дальше, тем холоднее. Есть планеты совсем ледяные. Найти планету, где было бы хорошо и приятно, как нам здесь сейчас, очень трудно. Хотя во вселенной невероятное множество разных миров.

– Вселенная – это что?

– Это всё, что существует там, на видимом небе, и дальше, куда мы не можем достать нашим зрением и даже приборами.

– А если не видно, откуда мы знаем, что оно там есть?

– Потому что мы прилетели оттуда.

– Ты и я?!..

– Нет, Ласси! Наши дальние предки. Могущественные друзья принесли их сюда на космических кораблях и отдали

им этот мир.

– Целиком?!

– Да. И землю, и реки, и горы, и океан, и всё прочее. Его долго искали и всё же нашли. Он похож на планету, с которой мы родом – Уйлоа.

– Ее видно отсюда?

– Нет, милая. Ни ее, ни звезду Ассоан, которая собралась умереть, погубив всё вокруг.

– И она уже умерла?

– Я не знаю. Вряд ли так скоро. Время звезд несоизмеримо с нашим временем. Только жить возле медленно умирающей звезды невозможно. Уйлоа, наша родина, точно погибла. Улетучился воздух. Потом, вероятно, испарилась вода. Не стало ни растений, ни животных, ни птиц.

– А у нас тут такое не может случиться?

– Нет. Наше здешнее солнце не старое. Оно будет светить еще целую вечность. Нам с тобой тревожить не о чем.

– Хорошо, что мы... наши предки... успели спастись.

– Не все, дорогая. Уцелели немногие.

– Почему?

– На Уйлоа не было космолетов, способных перемещаться в другие миры. Вернее, один такой корабль успели построить до начала всеобщего бедствия. Только он мог взять на борт лишь несколько сотен избранных. Предполагалось, что сам Император отправится на завоевание новой родины для уйлоанцев.

– И он улетел?

– Он погиб на Уйлоа. Его убили, решив, что он обманул весь народ и задумал спасти одного себя и своих приближенных, бросив всех остальных умирать. А корабль, называвшийся «Солла», умчался в неведомом направлении без его величества Уликена Последнего. Каких миров достиг тот единственный звездолет, мы не знаем. Однако многие верят, что где-то в невероятной дали отыскалась планета, пригодная для поселения. И на той планете, возможно, сейчас обитают потомки погибшего императора. Ведь на «Солле» находился его младший сын, принц Ульвен Киофар.

– Папа, а разве император – не здесь?

– Наше общественное устройство зовется империей, и в Уллинофароа есть Императорский дворец, Императорская библиотека, Императорский университет, Императорский музей и прочие подобные учреждения. Но самого императора на Лиенне нет.

– Как это?.. А зачем тогда ему всё – и дворец, и музей?

– Все мы верим, что там, за самыми дальними звездами, на другом краю вселенной, существует подлинный Император, имя которого нам неизвестно. Может быть, он зовется, как все его предшественники, Уликеном, а может быть, основал другую династию и принял новое имя. Поэтому на Лиенне его называют Звездным императором.

– Так он есть взаправду?

– Я думаю, где-то есть.

– И ты хочешь его найти?

– Скорее, он сам нас найдет в свое время.

– Когда?

– Не знаю, Ласси. Чудо может случиться в любой момент.

Нужно всегда быть готовой принять его. И не сильно расстраиваться, если оно так и не произойдет в нашей жизни. Возможно, Звездного императора встретят лишь наши потомки.

– А если ему написать письмо и сказать, что тут его очень ждут?

– Напиши. Ты ведь немного умеешь писать? Я тебе помогу.

– Папа, стой, ты сам сказал, мы не знаем, где он!

– Но попробовать стоит. У меня есть знакомый инопланетянин. Я его попрошу отослать твое письмо в дальний космос.

– Правда?

– Только не огорчайся, не получив никакого ответа.

– Хорошо. Я завтра же напишу! У меня остался листок, только он помятый. Боюсь, Звездный император подумает, я неряха.

– Листок никуда не отправится, мы пошлем лишь картинку с буквами. Или просто слова.

– А зачем их тогда писать? Можно наговорить на вифон! Я умею жать кнопочки!

– Ты моя умница, – умилился Лаон, прижав к себе дочь.

Пока они разговаривали, стемнело. Россыпь звезд засияла всеми оттенками радуги. Лаон не очень хорошо смыслил в астрономии, но мог показать, где галактики, где темные скопления межзвездной пыли, где ближайšie к Лиенне созвездия...

Файя забеспокоилась из-за их столь длительного отсутствия и позвонила узнать, когда они вернутся: «Птичке нашей пора уже спать!». Про себя она промолчала, однако ведь Файя тоже ложилась рано, ибо вставала ни свет ни заря.

Сам Лаон в ту ночь очень долго не мог уснуть.

Он впервые задумался над простым вопросом: откуда взялась эта общая вера в Звездного императора, если никто не знал, куда делась «Солла»? Логично предположить, что в случае гибели уйлоанского звездолета не выжил никто, и больше нет во вселенной никаких потомков Уликена Последнего. А если «Солла» достигла подходящей для уйлоанцев планеты, то Межгалактический альянс должен был бы иметь о ней хотя бы какие-то сведения. Или всё-таки нет? Ведь не все обитаемые миры состоят в Альянсе. Уйлоа членом сообщества никогда не являлась. Императоры крайне настороженно относились к идее контакта с внешними цивилизациями. Поэтому все ресурсы планеты уходили на оборону от предполагаемого вторжения агрессивных инопланетян. Космические программы Уйлоа рассчитывались не на полеты к соседним мирам, а на строительство станций слежения за приближающейся армадой чужих кораблей, на ор-

битальные комплексы лазерных лучеметов, на запуски боевых ракет, поражавших любой неопознанный объект, способный упасть на Уйлоа, будь то беспилотный разведчик, пилотируемый звездолет или метеорит, на котором, впрочем, тоже могла быть скрыта шпионская аппаратура.

Кто отважился бы сейчас утверждать, будто предполагаемые потомки императора Уликена полностью изменили свой образ мыслей? Может быть, они сами скрываются где-то в недрах вселенной и совсем не хотят, чтобы с ними вышли на связь?.. Межгалактический Альянс никому не навязывает ни союз, ни дружбу, ни помощь. Это право нужно еще заслужить, пройдя испытания на миролюбие и разумность. Лиенна – особый случай, планету приняли в Альянс без предварительных условий, поскольку переселенцы находились под опекой содружества и сами признали его законы. Им всячески помогали на первых порах. Без Альянса здесь не удалось бы так скоро построить новую цивилизацию с городами, дорогами, портами, кораблями, учебными заведениями. Но Лиенне давно уже предоставлена полнейшая свобода развиваться по собственным законам и правилам.

Идея воссоздать здесь утраченную империю показалась когда-то на редкость удачной. Обычная стратегия выживания маленькой группы в незнакомом мире не привела бы к такому успеху. Тогда началась бы борьба всех со всеми за доступ к простейшим благам. Возможно, переселенцы распались бы на враждебные друг другу семейные и охотничьи

кланы, и на новой планете настали бы темные страшные времена войн, бесчинств, болезней и мора.

Но в чью-то умную голову пришла великая мысль: мы – не просто осколки древней цивилизации, обреченные на одичания вдалеке от своей галактики. Мы – единый народ, уйлоанцы, дарованный нам новый мир сильно напоминает Уйлоа, и значит, у нас есть священная миссия: возродить империю, доказать, что она не совсем погибла, у нее есть будущее – и его построим мы сами, а подолжат наши потомки!

Разве это было задумано не прекрасно?.. Вдохновляться великой целью, верить в лучшее, создавать, а не враждовать... Да, так вышло, что на Лиенне тоже есть знатные и незнатные семьи, богатые, состоятельные и бедные, но ведь полного равенства не существует нигде, даже в мире животных и птиц – там тоже лучшую долю получает сильнейший. К тому же изначально первые переселенцы в самом деле были героями и по праву взяли власть над прочими, составив высшую страту. Сейчас среди аристократов героев не видно, однако и подвигов больше не требуется. Зато на Лиенне никто не умирает от голода, все дети имеют возможность учиться в начальной школе, неимущие получают врачебную помощь бесплатно – правда, лишь в особых больницах, а сироты и оставшиеся без родных старики помещаются в государственные приюты. Зато каждый, кто может трудиться, заслуживает уважения, а если удастся разбогатеть, то можно войти в вышестоящую страту, – например, через выгодный

брак, как сестра Саинна, или благодаря своим собственным достижениям, как Лаон...

Но над всеми мелкими, частными, корыстными или тщеславными устремлениями возвышается общая задача: возвеличить новую Лиеннскую империю, дабы она достигла того же могущества, что и погибшая Уйлоанская.

Многое уже сделано. Выстроены по старинным чертежам, картинам и съемкам великолепные здания в Уллинофароа, Меннао и других городах. Императорский дворец отнюдь не пустует: в одном крыле заседает правительство, в другом находится Императорский архив, а в центральной части – музей, куда вправе прийти абсолютно каждый житель Лиенны, причем совершенно бесплатно, только сперва записавшись у администраторов и получив входные жетоны, дабы не случилось вдруг давки или других неприятностей. В Императорский парк доступ тоже свободный, только нужно учитывать, что с наступлением темноты гуляющих вежливо выпроваживают, и решетчатые ворота запираются до утра. Через парк удобно идти в Императорский университет, тоже невероятно величественный, где с непривычки легко заблудиться в асимметрично расположенных зданиях, соединенных изящными застекленными переходами, мостиками и подземными коммуникациями.

Без империи – разве могла бы возникнуть такая удивительная красота? Ты ютишься в своей мансарде, экономишь на всем, но, стоит выглянуть из окна или выйти наружу – и

ты преисполняешься гордости за свой народ, свою историю, свою причастность ко всему, что тебя окружает!

А сколько еще предстоит совершить! Ведь даже этот континент, Фарсан, обжит не полностью. В океане – полно необитаемых островов. А к западу от них – Лиоллан, который лишь начали понемногу осваивать. Туда изредка ходят большие суда. Когда с Лиолланом наладят воздушное сообщение, добираться будет быстрее и проще. Сейчас на тот континент отправляются самые отчаянные смельчаки и любители приключений. Они ищут там, чего, якобы, давно нет на Фарсане: свободы поступать по собственному усмотрению.

Да разве такая свобода вообще существует?.. Ты всегда повязан по рукам и ногам. На тебе лежит долг перед близкими. Пока ты младший в семье, ты обязан повиноваться родителям, а когда становишься главой собственной семьи, от тебя зависит благополучие остальных. Когда трудишься, часть доходов отчисляешь в фонд своей гильдии, зато в нужное время получишь от гильдии пенсию или другую помощь.

Если ты настолько богат, что тебе не нужно работать, всё равно приходится распоряжаться своим состоянием, премоножать его, вести счет деньгам, тратить их осмотрительно. А если ты служишь, то подчиняешься не тобою придуманному уставу. Таковы законы любого общества, Лаон теперь это точно знает, изучив историю разных цивилизаций. Лиеннская империя – отнюдь не самая худшая во вселенной.

Пожалуй, она даже лучше утраченной Уйлоанской: тут нет такого культа воинственности.

И образ Звездного императора несравненно привлекательнее реальной фигуры властителя, наделенного правом распоряжаться жизнью любого подданного. По крайней мере, к Звездному императору можно обращаться в мечтах и даже тайно молиться ему: если вы существуете, ваше величество, соблаговолите сделать так, чтобы...

Ребенком Лаон действительно иногда взывал к незримо-му Императору. И писал ему письма. Эти детские послания, несомненно, читали родители. Потому что желания мальчика иногда исполнялись. Появлялась посылка от не указанного отправителя, содержащая новую книгу или сборную модель Императорского дворца.

Опять же, Лаону не приходило в голову изучить, кто впервые придумал эту традицию – обращаться к Звездному императору письменно. Ему казалось, будто она существовала всегда, и он сам не далее, как сегодня, подал своей маленькой дочке такую идею. Разумеется, он узнал бы ее сокровенные чаяния и постарался бы подарить ей частичку чуда. И, наверное, так поступали и другие любящие родители.

Даже взрослые нередко писали подобные письма. В главный государственный праздник – День Отечества – у общественных зданий во всех городах выставляли особые ящики, куда каждый мог опустить пожелание или прошение Звездному императору. Лаон, когда подрос, ничего подобного

больше не делал. Но простодушные и не слишком хорошо образованные представители низших страт, ничего не понимавшие в космических расстояниях и не представлявшие себе трудностей межгалактического сообщения, полагали, что Император каким-то образом умудряется узнавать об их бедах и просьбах.

Конечно, тут действовал тот же самый скрытый механизм, что и в семейной практике: представители администраций знакомились с нуждами жителей, и, если на послании значился обратный адрес и имя, а просьба выглядела легко выполнимой, чудо происходило. Кто-то получал искомую должность или вдовью пенсию, способного сироту принимали в желаемое учебное заведение, кому-то присылали якобы выигранный в лотерее талон на детский праздник, и тому подобные мелочи. Несомненно, в бюджете всех императорских учреждений значились расходы на благотворительность. Но некоторые из них декларировались открыто, а другие принимали форму таких нежданных подарков от Звездного императора.

Лаону очень нравился этот обычай. Он объединял весь народ, внушал надежду на лучшее будущее, заставлял вести себя так, чтобы не осрамиться перед Его величеством, наблюдающим за своей империей из немислимого далека.

К тому же, когда смотришь в необозримый космос, по сравнению с которым даже Лиенна – всего лишь песчинка, а уж каждый из ее обитателей – вовсе ничтожество, то на ду-

ше становится легче от мысли о существовании где-то там, в этих жутких холодных просторах, повелителя здешнего мира, с которым у всех уйлоанцев, невзирая на непостижимые никакому уму расстояния, установлена сокровенная связь через мощное силовое поле их общих чаяний...

Поэтому Лаон совсем не считал письма страждущих ни обманом, ни самообманом. А вдруг Звездный император – не миф? Вдруг он вправду однажды объявится? Выполнить все желания подданных он, конечно, не сможет – никто бы не смог! – но ведь ничего нереального у него и не просят?..

Утром Ласси после завтрака и уборки чисто вытерла стол, вынула свой последний помятый листок и уселась сочинять послание Звездному императору. Лаон делал вид, что совсем не подглядывает. Однако дочка сама попросила: «Пожалуйста, папа, проверь, есть ошибки? А то будет стыдно, он подумает, я не старалась»...

«ДАРАГОЙ ИМПИРАТАР. ПРИЕЖАЙ СКАРЕЙ. МЫ ВСЕ ТИБЯ ЛЮБИМ ИЖДЕМ. Я ЖИВУ НАМАЯКЕ. ТЫ УВИДИШ ИЗДАЛИ. ДАЖЕ ИС КОСМУСА. МАЯК ЯРКА СВЕТИТ. МЫ ПОКАЖИМ ТИБЕ КРАСИВЫЕ ПТИЦЫ. УНИХ ТУТ ГНЕЗДЫ. ОНИ ЗОВУТСЯ ИЛАСИА. УМИ-НЯ ТАКОЕЖЕ ИМЯ. ИЛАСИАСАОНС. МНЕ ПЯТЬ ЛЕТ. Я ПИШУ ПОКА ПЛОХА. ИЗВЕНИ МИНЯ. СКОРО БУДУ ПИСАТЬ ХАРАШО. ДАСВИДАНИЯ НА ЛИЕНЕ».

– Папа, что, совсем не годится? – забеспокоилась Ласси, когда Лаон впал в ступор, прочитав корявые строки. – Наверное, вышло невежливо? Без этикета? Нужно на «вы»? Он обидится?..

– Детонька, ну что ты! Ты ведь в первый раз написала кому-то письмо?

– Да. Такое нельзя посылать?

– Ошибок, конечно, столько, что исправлять бесполезно. Пришлось бы исчеркать весь листок. Но ведь ты еще даже не школьница! Поэтому можно отправить, как есть.

– Нет, папа, давай подождем. Я выучусь и тогда напишу, как положено.

Ласси смяла листок и бросила в пасть очага. Огонь не горел – топить слишком жарко, а готовить обед еще рано.

Смущенно обняв отца, она выбежала во двор.

Лаон быстро нагнулся, забрал листок, расправил и отнес к себе в комнату. Он сохранит это трогательное послание. Для себя самого или для Звездного императора – сейчас не так важно.

Главное, Ласси ни о чем его не просила. Значит, всё хорошо.

Переселение

Он решил отдать ее в школу прямо в этом году. Если вдруг Илассиа не пройдет испытания – ничего ужасного, зато он будет знать, к чему готовиться.

Только нужно заранее обеспечить всё для будущей жизни с ребенком. Придется съездить в Уллинофароа и снять другую квартиру. В мансарде вдвоем неудобно и тесно. Лаон спит обнаженным, Ласси тоже, кровать там одна – даже если втиснуть вторую, всё равно не годится. Кухни нет. Лишь электропечка для разогрева готовой еды.

Попробовать вновь попросить жилье у университета? Почему бы и нет? Откажут – ладно. А вдруг не откажут?

Лаон записался на прием к администратору кампуса и честно рассказал о своих затруднениях. К родителям с маленькой дочкой нельзя, снимать жилье в городе – дорого. Да, он немедленно съедет из мансарды, если найдется другой приемлемый вариант. Обязательно нужно две спальни, пусть маленькие. И кухонька, чтобы готовить завтрак и ужин. Дочка быстро растет, ей требуется нормальная пища.

Пока администратор сверялся со сведениями в служебном компьютере, Лаону вздумалось мысленно обратиться к Звездному императору: *«Ваше величество, я прошу о самом необходимом, пожалуйста, пусть нам повезет»...*

Повезло. Если бы Лаон пришел с подобной просьбой перед самым началом учебного года, ничего бы не получилось: все служебные квартиры оказались бы заняты. Но в разгар каникул помещение для них с Ласси нашлось. В общежитии для магистрантов и вспомогательного персонала. Правда, теперь не мансарда, а первый этаж. Без балкона. Окна на проезжую улицу. Однако вечером движение затихает. По другую сторону улицы – Императорский парк.

Переезд совершился стремительно, в тот же день. Вещей у Лаона было немного, он собирался перетащить их сам, но случайно встретил студента, который взялся ему помочь. Лаон сдал ключи от мансарды и расписался в домовой книге, подтвердив сохранность имущества. Теперь предстояло устраиваться на новом месте. Квартира имела запущенный вид. Либо в ней уже долго не жили, либо прежние обитатели были неряхами. Лаон вызвал уборщика, заказав мойку грязных окон, обработку антисептиком всех поверхностей, чистку санузла и протирание пола.

Ни матрасов, ни постельного белья, ни занавесок, ни посуды в квартире не обнаружилось. Они, собственно, и не значились в описи, прилагаемой к договору найма. Только голая и весьма неприглядная мебель с инвентарными штампами. Две кровати, трехногий стол, два стула, старое плетеное кресло, сундуки для длинной одежды и шкаф. Да, еще тусклая люстра и пара настольных ламп. Одна из них неисправная. Нужно сразу же сообщить коменданту, чтобы не вышло

недоразумений.

Пока длится уборка, можно отправиться в магазин и купить всё недостающее. Или...

Лаон вышел в парк, сел на скамью и углубился в изучение сайтов фирм, торгующих через сеть, без торгового зала. Так дешевле. Роскошествовать ни к чему, сгодится любое сносное качество. Если всё заказать в одном месте, доставка выйдет бесплатной.

Он едва успел выбрать нужное и назначить время доставки, как его окликнули: «Господин магистр Саонс, какая неожиданная, но приятная встреча!»

Обернувшись, Лаон увидел Хранителя, господина Варданассира. Тот, похоже, либо шел из Императорского архива к стоянке байсунов, либо просто гулял. По ровному зеленоватому цвету лица виссеванца Лаон догадался, что тот никуда не спешит и испытывает созерцательную расслабленность.

Они начали разговор на обычные темы. Господин Варданассир спросил, над чем сейчас Лаон работает. Тот признался, что хотел бы исследовать истоки веры в Звездного императора и проследить развитие этого культа в разных странах лиеннского общества. Виссеванец немедленно поддержал его:

– Уважаемый магистр, это крайне нужная и интересная тема! И кому, как не вам, знать предмет изнутри? Ведь меня не допустят к архивным источникам.

– А вы пробовали, господин Варданассир?

– Напрямую – нет, но мне дали понять, что в силу моего особого статуса и происхождения я смогу заниматься лишь открытыми данными. К тому же об истории Виссеваны я могу писать любые работы и высказывать сколь угодно смелые взгляды, однако всякая вольность по отношению к Лиеннской империи может вызвать трения или даже конфликт на межгалактическом уровне.

– Полагаете, господин Варданассир, я намного свободнее вас?

– Вам понятнее, уважаемый коллега, какой ракурс и какой тон в данном случае будет уместен.

– Я даже не начал еще изучать материал.

– Напишите хотя бы статью для «Виссеванского исторического вестника».

– На космолингве?

– Конечно. Вы теперь превосходно владеете языком. Если встретятся шероховатости, наши редакторы их поправят. Гонорар – как обычно.

– Книгами?

– Если вы предпочитаете деньги, скажите. Я проведу конвертацию по своим каналам.

– Давайте, господин Варданассир, вернемся к вопросу о гонораре, когда будет готова статья.

– Вы ведь больше уже не обязаны получать разрешение на публикацию от факультета?

– Не уверен. Не знаю. Я должен спросить.

– Мне кажется, вам не следует сомневаться, господин магистр Саонс. В свободное от занятий время вы вправе писать, что угодно. И публиковаться там, где сочтете уместным. Если бы вы захотели сочинить, допустим, поэму и послать ее в «Альманах межзвездной словесности», факультет ведь не стал бы препятствовать?

Лаон предпочел согласиться. Скорее всего, он прав.

Виссеванец откланялся и ушел.

Через пару часов в квартире навели относительную чистоту (раздражали лишь запахи дешевых химических средств), заменили негодную лампу, а к вечеру прибыли и покупки. Лаон распаковал лишь один комплект постельных принадлежностей, чтобы спать не на жестких деревянных рейках. Матрас оказался упругим и ровным, белье простым, но приятным для кожи. Остальное он спрятал в сундуки и в шкафы.

Теперь можно было возвращаться на маяк, провести там остаток каникул и вернуться сюда вместе с Ласси накануне вступительного испытания.

Прощание с четой Вайнир вышло скомканным. Очевидно, никто не желал расстраивать остальных и поэтому все вели себя сдержанно. Ласси мысленно была уже в школе, о которой нафантазировала себе такого, в чем Лаон не отважился ее сразу разубедить. Кайс почти безотлучно дежурил на маяке – дни стояли дождливые и туманные, требовался постоянный контроль за сигналами и сообщениями. Катером правила Файя, дочь рыбака, лихо домчавшая их до приста-

ни Меннавара. Там Лаон нанял байсун до Меннао, а оттуда они поехали поездом. Сам бы он взял билет в третий класс, но с девочкой сел во второй, купив места у окна. Впрочем, Ласси почти ничего не успела увидеть. Косые струи дождя хлестали в стекло, внутри было душновато, ее разморило, и она уснула, прижавшись к отцу. Бабушкины пирожки, испеченные на дорогу, остались нетронутыми. Промаявшись пару часов, задремал и Лаон. От Ласси по-прежнему пахло морем, счастьем и птицами, и ему приснилось, будто они плывут куда-то на лодке, но не по морским волнам, а по небу, и вокруг – колыхание звезд...

В Уллинофароа поезд прибыл к утру. Лаон растормошил сонную дочку, надел на нее непромокаемый плащ, собрал их пожитки и удачно поймал свободный байсун. Не мучить же маленького ребенка в общественном транспорте, на всегда заполненной до отказа раллине, а потом тащиться с вещами пешком от остановки на площади. Байсун подвез их прямо к дверям.

Кое-как устроились. Ласси, хотя устала с дороги и ошале-ла от избытка впечатлений, старательно помогала отцу распаковывать сумки и раскладывать всё по кучкам. Он тем временем застелил обе постели, повесил на окна тёмно-красные плотные занавески, ополоснул посуду, поставил кипятиться воду для травяного чая и погрел вчерашние пирожки. Другой еды в доме не было. Ласси без особого аппетита сжевала один пирожок, послушно отправилась ополоснуться в колло

– и тотчас выскочила с удивленным возгласом: «Папа! А где что включать?»... Лаон показал ей, как управлять режимами душа. Обещал, что вечером они наполнят ванну, и она там немного поплавает: «Это, конечно, совсем не море, но тоже приятно».

Искупавшись, она заявила, что уже достаточно отдохнула. Дождь закончился, можно гулять, не сидеть же в этой каморке? Ей всё интересно, и скорей бы увидеть Императорский дворец – он ведь там, за парком, да?.. А здешние бабушка с дедушкой – к ним нужно зайти поздороваться? И тетя Саинна звала их в гости – пойдём?..

Ласси умела быть сдержанной и терпеливой, но сейчас не могла совладать с возбуждением. Ей хотелось всего и сразу. Лаон мягко внушил малышке, что сам он еще не помылся и не позавтракал. «Хорошо, милый папа, я подожду. Можно выйти во двор?» – «Без меня нельзя, моя радость». – «Почему?» – «Потому что тут не маяк. Вокруг ходит много чужих. Тебя могут обидеть. Или наоборот, подумают, ты потерялась, и отведут в приют для детей, оставленных без присмотра. Я буду тревожиться, если ты исчезнешь из виду». – «Ладно. Жаль. А в окно посмотреть?» – «На здоровье. Только не открывай, а то вдруг упадешь».

На маяке управляться с ней было проще. В городе за ребенком нужно следить неотрывно. Сумеет ли Лаон исполнить отцовский долг, избежав наказаний и окриков?.. И как быть, если Ласси не примут в школу? Отвезти назад, к Вай-

нирам и вновь попытать удачу на следующий год? Или оставить в Уллинофароа? Но кто о ней будет заботиться, когда Лаон начнет преподавать и сидеть в архивах? Брать с собою повсюду нельзя. Приходящая няня? Где такую взять, чтобы оказалась порядочной, доброй и стоила бы недорого?..

Приведя себя в порядок и наспех перекусив пирожками, Лаон велел Ласси одеться, как барышне. Это значило, нарядиться в новое чистое платье, обуться (да! обязательно! по городу никто не гуляет босым!) и сверху накинуть плащ: дождь может снова пойти – небо хмурое, да и ветер прохладный.

Собеседование перед школьной комиссией – завтра. Лишь бы Ласси не заболела. Он ей ничего не говорил про экзамен, чтобы поменьше нервничала. Сказал, они просто зайдут познакомиться с учителями. Тем ведь тоже интересно узнать, какие дети окажутся в классе.

На самом деле шансы на поступление выглядели сомнительными. В школу при Императорском университете каждый год набирают не больше двенадцати новых учеников. Желательно, чтобы примерно две трети из них были мальчиками. Семь и пять – хорошо. Шесть и шесть – терпимо. Но преобладание девочек не приветствуется. Почему? В младших классах девочки часто кажутся более одаренными и успешнее осваивают все предметы. Потом, когда начинается созревание, мальчики вырываются вперед, а девочки резко сбавляют темпы развития. Ничего не поделаешь,

так устроена их психика, управляемая гормонами. Инстинкт размножения подавляет умственную активность. Лишь редкие, исключительно одаренные ученицы, способны противопоставить свою личную волю стихийным силам, пробуждающимся в молодом организме.

К окончанию школы некоторые барышни перестают заниматься учебной и думают только о женихах. Исключать их в старших классах неловко – родители большинства учениц занимают весомое место в обществе. Девушки получают условно хорошие аттестаты и вскоре выходят замуж. Учиться в университете – значит, напрасно потратить еще несколько лет, когда красота и юность требует счастья любви и радостей материнства. Совсем без девочек класс набирать не положено, ведь по законам Межгалактического альянса должно быть гендерное равноправие. Или хотя бы видимость такового. В обычную муниципальную школу принимают всех без разбору. А школа при Императорском университете нацелена на воспитание будущих специалистов – ученых, изобретателей, преподавателей. Женщины среди них – исключение. Талантливые и упорные непременно пробьются, а прочих лучше сразу отсечь. В конце концов, в Уллинофароа есть и частные школы для самых богатых. Без стандартных знаний никто не останется.

Но если перед комиссией встанет дилемма: взять ли в класс девочку из знатной семьи или внучку смотрителя маяка, то, скорее всего, выбор будет не в пользу Ласси.

Во дворце

Они шли через парк к Императорскому дворцу.

Ласси с восторгом разглядывала огромные величественные деревья с широкими пышными кронами, под которыми легко было спрятаться от дождя. На полуострове Морну таких не увидишь – из-за сильных ветров и каменистого грунта там растут в основном кустарники или перекрученные деревца, фассинии, чьи цепкие корни торчат между скал. А цветы! По весне все склоны мыса пестреют цветущими купами суккулентов, лишайников и мелких пахучих майси, но таких высоких и пышных красавцев – ростом с Ласси – там нет.

«Папа, а это как называется?» – «Ты же сама умеешь читать? Посмотри, под цветком табличка».

Присмотревшись, она разглядела надпись: «*Файолла*».

«Это имя цветка?» – «Всех цветов такого же вида». – «А другое слово, пониже – фамилия?» – «Нет, обозначение на другом языке, космолингве». – «Зачем?» – «У ученых так принято. Чтобы не путаться между разными названиями одного и того же». – «Понятно».

Потом ее внимание приковал фигурный фонтан в виде каменной арки, украшенной раковинами, из которых били семь струек. Она ничего подобного раньше не видела.

«Здесь можно плавать?» – «Нельзя, дорогая». – «Зачем же столько воды?» – «Для свежести и красоты. Если все начнут купаться в фонтане, вода станет грязной и мутной. И рыбки не смогут тут жить». – «Тут рыбки?!»...

Ласси сперва не заметила их. Перегнувшись через каменный бортик, она разглядела лиловых, пурпурных и радужных сельми.

«Их никто не ловит?» – «Конечно же, нет». – «А, ведь парк – Императорский заповедник».

Дальше на их пути оказался лужок, по которому плавно разгуливали необычайно изящные птицы – длинноногие, белые, с черными головками и золотистыми хохолками.

«Айлиссы!» – воскликнула девочка.

Раньше она видела их лишь на изображениях.

Одна из айлисс, испуганная стремительным порывом Ласси, расправила крылья и попыталась вспорхнуть, но ей это не удалось, и она, сделав несколько грациозных прыжков, переместилась на безопасное расстояние. Другие птицы тоже зашагали по травке подальше от девочки.

– Папа, а почему они не летают? – удивилась Ласси.

– У них подрезаны крылья.

– Как это? Крыло ведь целое?

– Внутри крыла есть связки между костями. Сухожилия.

Их подрезают, чтобы птицы, содержащиеся не в вольерах, не могли улететь из парка.

– Им больно?

– Не думаю, доченька. Это делается ради их безопасности. За пределами парка – город, сплошные дома, дороги, транспорт, им негде там жить и нечего есть, их могут поймать, обидеть, похитить.

– Как меня, – тотчас вспомнила Ласси утренние отеческие наставления. – Неужели в городе все очень злые?

– Не все, дорогая. Но жителей здесь во много раз больше, чем в Меннаваре. Там тоже есть и хорошие, и не очень хорошие. Если умножить количество тех и других, то получится, что в Уллинофароа пропорции сохранятся.

– Про...порции?

– Соотношение добрых и злых. Оно будет примерно таким же. Только количество обязательно возрастет. В обе стороны. Поняла?

– Не совсем.

Лаон взялся объяснять ей пропорции на примере разноцветных камешков гравия с парковой дорожки. Это Ласси мгновенно усвоила.

– Ну, теперь во дворец? – предложил он.

– Папа, я...

– Устала?

– Нет. Захотела пипи. Можно в кустик?

– Нельзя. Это же Императорский парк. Пойдем, как раз за теми кустами – кафе, там можно и перекусить, и сделать, что тебе надо.

С ребенком такое будет случаться постоянно, – подумал

Лаон. Перед выходом из квартиры он посоветовал ей еще раз посетить колло, а она отказалась. Теперь задачу нужно решить поскорее, иначе вдруг не дотерпит.

Кафе преднамеренно строили так, чтобы оно не выделялось среди пышной растительности и декоративных скал возле круглого прудика с очередным фонтаном.

Они заняли столик у самой воды, и Ласси зачарованно наблюдала за медлительными движениями разноцветных сельми. Угощение в кафе предлагалось самое легкое. Ягодное желе, мороженое, печенье, крендельцы – и сладкие, и соленые, фруктовые и овощные соки, вода.

– Что ты хочешь, Ласси?

– А «мо-ро-же-но-е» – это как?

– Очень вкусное сладкое лакомство.

– Да! И еще кренделец! И сок из гайяса! Ой, только если не дорого.

Лаон заверил ее, что такую роскошь они себе могут позволить. Подкрепиться стоило, ведь дворец огромен. Хватит ли у маленькой девочки сил осмотреть весь музей? Она уже и так переполнена впечатлениями.

– Может быть, на сегодня достаточно? – спросил он.

– А как же дворец Императора? Папа, ты обещал!

– Хорошо, пойдем, дорогая.

К счастью, очередь на получение бесплатных жетонов оказалась недлинной. Экскурсанты обычно посещают дворец с утра, а потом отдыхают в парке. Редко кто делает наоборот.

Размеры Императорского дворца привели малышку в полнейшее изумление. Архитектура – тем более. В Меннаваре и Меннао тоже имелись здания, построенные по исконно уйлоанским канонам, согласно которым надлежало избегать откровенно кубических форм, вуалируя плоскости изящными искривлениями или прихотливым декором. Но Ласси ничего такого не видела: в Меннаваре она не была дальше набережной, а в Меннао – лишь проездом к вокзалу. Домик на маяке был обычным, простым, без изысков.

От услуг дежурного экскурсовода они отказались. Лаон, как лектор Императорского университета, имел право сам проводить экскурсии для студентов или родственников – без платного вознаграждения.

Когда они медленно поднялись по широкой лестнице и вошли в парадный зал, Ласси сперва потеряла дар речи, потрясенно разглядывая изгибы сводов, поддерживаемых витыми колоннами со свисающими гирляндами незнакомых растений.

– Это тоже... ар-хи-тек-тура? – изумленно спросила она.

– Да, моя умница. Но, поскольку мы внутри, а не снаружи, у этой архитектуры немного другое название: интерьер.

Отец подвел ее к монументальному очагу, построенному из узорчатого полудрагоценного камня с инкрустациями благородных металлов. Приблизиться к святыне вплотную строго-настрога запрещалось. Барьером служила изысканная узорчатая решетка с императорскими вензелями.

– Это, детонька, наш Всеобщий Очаг, – сообщил он ей полусшепотом. – Здесь хранится частица Уйлоа.

– А огонь почему не горит?

– Он зажигается лишь главным иерофантом по великим праздникам. В остальное время Всеобщий Очаг мирно спит и вбирает в себя наше благоговение.

– Что?..

– Любовь, уважение, благодарность за всё, что приносит нам жизнь и дарует Империя.

– А этот... фант... он тут за хозяина?

– Нет, Ласси. Иерофант – тот, что вправе совершать церемонию у очага. Верховным иерофантом империи всегда был сам Император. Считалось, что он собирает в душе свет и жар звезды Ассоан, а потом отдает его по частицам всем уйлоанцам. Поскольку сам Император не мог присутствовать повсеместно, он посвящал в иерофанты и членов своей семьи, и тех, кого считал достойным подобной чести. Среди предков нынешнего иерофанта, господина профессора Ойлоная, был такой посвященный. Поэтому он унаследовал эту высокую должность.

– Ты тоже мог бы стать ирофантом?

– Вряд ли, детонька. Мы незнатного рода. Я – первый в семье, кто сумел получить ученую степень, и то пока не самую высшую.

– Если бы Звездный император знал, какой ты хороший и умный, он сделал бы тебя кем угодно!

Лаон нежно обнял ее. Девочка продолжала расспросы:

– А если Звездный император получит наши письма и прилетит сюда, он будет здесь жить?

– Да, наверное. Ведь дворец по закону – его.

– И где он будет готовить еду? Где обедать? Где спать?

– Пойдем, покажу.

На следующий ярус можно было подняться либо по двум симметричным лестницам, либо на лифте, скрытым за очагом. Ласси сама устремилась к лестнице, ведущей в парадные комнаты императора.

– Здесь Его величество принимал почтенных гостей. Встречался со своими министрами, знатнейшими родственниками, выдающимися учеными. Это малый зал, тут дверь в кабинет, а там – столовая. Еда готовилась на отдельной кухне и доставлялась сюда при помощи отдельного лифта.

– А дальше что? Спальня и колло?

– Нет, поскольку Император здесь сейчас не живет, дальше расположены административные помещения. Вход туда запрещен. Дверь закрыта на электронный замок. Примерно то же самое – с другой стороны, где парадные комнаты императрицы.

Они перешли в противоположные покои, оформленные в более женственном стиле: тона – золотистые и розоватые, портьеры с фестонами, вазы украшены изображениями листьев и птиц, светильники в виде изящно склонившихся цветов.

– У императрицы собирались благородные дамы, ее родственницы и подруги, пока их отцы, супруги и братья обсуждали государственные дела с императором.

– А разве дамам было не интересно послушать, о чем они говорят?

– Им потом сообщали самое главное, – дипломатично ответил Лаон. – Считалось, что даме неприлично участвовать в спорах, где могут прозвучать не совсем подобающие выражения.

– «Йоннайо»?

– Вроде этого. И вообще дамы обычно не разбираются в том, что кажется важным мужчинам. Управление государством, подсчеты расходов, наука, война...

– Война? Это что?

– Хуже войны ничего не бывает, дитя мое. Разве только космическая катастрофа. Вроде гибели звезды Ассоан. Война случается, когда вроде бы разумные существа начинают вдруг убивать друг друга из-за каких-то придуманных ссор.

– Так они же преступники, нет?

– По теперешним нашим законам, конечно. Межгалактический альянс запрещает своим участникам воевать. Все споры должны решаться переговорами. Если не получается у самих поссорившихся, то зовут на помощь переговорщиков от Альянса.

– А у нас тут такое случиться не может?

– Нет, Ласси. У Лиенны нет никаких враждебных соседей.

А между собою – с чего бы нам воевать? Мы все уйлоанцы, все – граждане возрожденной Империи, все делаем единое и великое дело. Войны – воспоминание о далеком прошлом.

– Хорошо. Иначе вышло бы, что мы хуже птиц или рыб. Те, конечно, едят друг друга, но не убивают за просто так.

К философской беседе отца и дочери начали прислушиваться другие посетители императорской резиденции. Лаон опомнился и предложил:

– Ну, пойдем еще выше, на третий ярус?

– А что там?

– Личные императорские покои.

Ласси не очень хотела ехать на лифте, но Лаон решил приобщить свою дикарочку к цивилизации. Машина плавно подняла их на следующий ярус дворца и бесшумно раскрыла стеклянные двери.

Убранство этих комнат выглядело не менее роскошным, чем парадных приемных, но сами помещения оказались не столь просторными. Зато виды на Уллинофароа, открывавшиеся из окон, были великолепными: с одной стороны – площадь перед дворцом, украшенная двумя рядами статуй уйлоанских властителей прошлого и большим овальным фонтаном; с другой стороны – деревья, лужайки, водоемы и клумбы Императорского парка; с третьей – очертания зданий Императорского университета.

– Папа, смотри, какая кровать! Мы могли бы спать тут все вместе: ты, я, дедушка с бабушкой!

– Милая, у благородных господ так не принято. Каждый спит по отдельности. Только супруги могут спать в одной постели.

– А им-то зачем?

– Ну... Им хочется иногда поговорить перед сном о чем-то приятном.

Лаон поспешил сменить тему:

– Ласси, а тут гардеробная. В витринах – наряды императора и императрицы.

– Настоящие?! – ахнула девочка.

– Нет, ну что ты! Воссозданные по рисункам и снимкам. Везти сюда все эти вещи никто бы не стал. И они за столько лет обветшали бы и утратили бы краски. Я думаю, нынешние образцы тоже периодически заменяют на новые.

– Чтобы Звездный император, если вдруг прилетит, сразу мог их надеть? – догадалась Ласси.

– Да, пожалуй.

Они осмотрели личный кабинет императора и семейную столовую, где император мог спокойно насладиться трапезой с самыми близкими – женой и детьми.

За столовой располагались гостиная императрицы и детские комнаты. Тут было совсем уютно. Низенькие диванчики с подушками, ковры, аквариум с мелкими разноцветными рыбками, напольные вазы с живыми цветами, подсвеченные самоцветные панно на стенах, фонарики, куклы в богатых нарядах, экраны для просмотра трехмерного видео, действу-

ющие модели машинок и даже макет космодрома Лиенны.

– Неужели во все эти игры никто не играет? – разочарованно спросила Ласси.

Лаон предпочел промолчать. Если бы он ей сказал, что за очень большие деньги богатые уйлоанцы могут купить билет в игровую комнату и оставить тут своих детей под присмотром квалифицированных воспитателей, Ласси попросила бы для себя того же самого. Конечно, признайся он дочери, что сейчас у них нет средств на такие забавы, она поняла бы. Она уже знала про существенное различие между бедными и богатыми.

– Ладно, мы хотя бы смогли посмотреть, – ответила девочка сама себе и повернулась спиной к соблазнам.

– Возвращаемся? Хватит?

– Да, папа. Я немного устала. В голове больше не помещается.

Они спустились на лифте. Ласси не возражала. Она легко привыкала к новшествам. И вообще была не из пугливых.

Теперь требовалось накормить ребенка обедом. На маяке Ласси тоже плотно ела один раз в день, ближе к вечеру, а утром и в середине дня довольствовалась то лепешкой, то овощами. Сейчас она уже еле брела, загребая ножками и вися на руке у отца.

Лаон привел ее в небольшой ресторанчик недалеко от их дома. Цены там держали умеренные, в кухне преобладали рыбные блюда. Сгодится. Они взяли похлебку – одну на дво-

их, ибо порция оказалась большой, салат из водорослей с яйцом, тушеные овощи с жареными кусочками коамсов. Девочка жадно набросилась на еду, но в итоге осилила меньше половины заказанного. Остальное Лаон велел упаковать с собой – утром будет, чем позавтракать. Потом придется купить еды в магазине и готовить как-нибудь самому. Постоянно есть в ресторанах накладно.

Пока он рассчитывался с официантом, Ласси начала потихоньку дремать. И ему пришлось нести ее на руках. Хорошо, что недалеко. Дождь накрапывал, но его увлажняющий шелест воспринимался как обещание новой жизни, которая должна была начаться с завтрашнего утра.

Экзамен

Школа находилась прямо при университете, в отдельном крыле с собственным входом и огороженной территорией для прогулок и игр.

Испытательное собеседование Ласси было назначено на определенный час, причем в приглашении просили не опаздывать, но и не являться заранее. Комиссия, очевидно, не хотела, чтобы разные дети и родители общались друг с другом до или после экзамена.

Сколько именно учеников претендовало на поступление, хранилось в тайне. Списки принятых оглашались лишь по окончании всех процедур и вывешивались на сайте. Апелляции не принимались, но не возбранялось попытать удачу на будущий год или встать в виртуальную очередь: вдруг в последний момент кто-то из родителей заберет документы, и место освободится. В старших классах такое случалось не так уж редко. Углубленную программу со специализацией по ряду предметов осваивали не все, особенно девочки. Вполне хорошим тоном считалось сказать между делом: «Наша дочь училась в университетской школе» – а закончила ли она ее, никто особо не спрашивал.

Лаон тщательно проследил, чтобы Ласси нормально поела и аккуратно оделась. Вчерашнее платье пришлось отправить

в стирку, оно помялось и кое-где запачкалось. В запасе имелось еще одно, поновее, светленькое. Цвет очень шел к ее нежной, чуть серебристой, коже и голубым прозрачным глазам, окруженным лиловыми ободками.

Они вышли из дома заранее и отправились в школу пешком через парк, срезая угол наискосок. Над Уллинофароа висел туман, но было довольно тепло – Ласси довольствовалась пелеринкой поверх нарядного платья, а Лаон – обычным костюмом, без поношенного плаща.

На испытание допускали родителей, только с условием не вмешиваться в диалог, если только вопросы к ребенку не покажутся отцу или матери слишком личными и затрагивающими семейные интересы.

Лаона посадили на значительном отдалении от дочери, так, чтобы она не могла его видеть, а он не мог ей подсказывать.

Комиссия располагалась полукругом, в центре которого стояли столик и стул для маленьких испытуемых. На столике – интерактивный экран, бумага, карандаши, клавиатура.

Ласси храбро вышла в перед и, вспомнив игру в «благородных господ», учтиво всем поклонилась и внятно произнесла: «Многочтимые господа. Я рада, что вы пригласили меня. Позвольте представиться: Илассиа Саонс. Дочь магистра Лаона Саонса. Лектора Императорского университета».

Она держалась, как настоящая дама.

– Очень приятно, милая барышня. Будьте любезны, сяди-

теть, – в тон ей ответил председатель, в котором Лаон узнал директора школы, господина Иллао Таллая.

Ласси села, старательно расправив складки платья и пелеринки.

– Илассиа, расскажи нам, пожалуйста, что ты умеешь, – попросила одна из двух женщин, включенных в состав комиссии.

– О, да многое! – оживилась девочка. – Убираться в доме, полоть огород, ухаживать за гулламами, помогать готовить обед, чинить сети...

Лаону захотелось крикнуть – «Ласси, это не то!» – но ведь она ничего неприличного не говорила, всё было правдой.

– А читать, писать и считать? – вкрадчиво осведомился господин Таллай.

– Да, конечно! – кивнула Ласси. – Я даже написала свое первое послание Звездному императору. Но решила не отправлять. Слишком много ошибок. И листок оказался мятым.

– О чем же ты собиралась просить Его величество?

– Ни о чем! Я подумала: все докучают Его величеству своими делами, и никто не хочет сделать ему что-нибудь приятное. А ему, может быть, одиноко там, среди звезд. Я решила позвать его в гости к нам на маяк. Теперь понимаю, мысль была глупая. Имея такой дворец, разве может ему понравиться домик дедушки Кайса? Но вообще у нас очень красиво, и к нам приезжают экскурсии полюбоваться вида-

ми с мыса.

– Илассиа, – прервала ее дама. – Сейчас на твоём экране появится текст. Пожалуйста, прочитай его вслух.

Экран перед девочкой замерцал. Приглядевшись и сначала мысленно пробежав крупно набранные печатными буквами строки, она уверенно произнесла:

– *«Архитектура – трансформация пространства посредством искусного моделирования визуальных объёмов при соблюдении точных пропорций».*

Лаон мысленно возмутился: предлагать малышке читать такую безумную ахинею! Они сами-то понимают, что это значит?..

– Поняла ли ты что-нибудь из прочитанного? – продолжала дама.

– Не всё, – призналась Ласси. – Отдельные слова мне знакомы.

– Какие именно?

– «Архитектура». Мы ее смотрели вчера. Она бывает внешняя и внутренняя. «Трансформация»... Нет, не знаю. «Пространство» – это ясно. Всё, что вокруг. И эта комната, и город, и море, и небо. «Посредством искусного» – какие-то старинные выражения. Дальше не поняла. А! Еще могу объяснить конец. Я знаю, что такое пропорции.

– Объясни, будь любезна, – попросил еще один экзаменатор.

– Вот видите, тут лежат ваши карандаши? Я сейчас поло-

жу два слева, два справа. Будет точная пропорция. Добавлю один справа – станет неточной. Добавлю слева – пропорция улучшится. Правильно?

– А сколько всего сейчас ты выложила карандашей?

– Шесть! – уверенно ответила Ласси.

– И сколько осталось в коробке?

– Тоже шесть. Сразу две красивых пропорции, да? Три и три, шесть и шесть! Если верхние разложить, как и нижние, то получится полная точность! Симметрия!

Комиссия переглянулась. Даже Лаон не подозревал, что Илассиа знает такое мудреное слово. Возможно, он его произносил, но не объяснял ей смысл.

– Скажи нам, пожалуйста, Илассиа, почему ты хочешь учиться в нашей школе? – спросил директор.

– Потому что хочу стать ученой! Как папа!

– Твой папа историк. Ты тоже собираешься стать историком?

– Ой, не знаю. Папа так интересно рассказывает. Но мне нравится и другое.

– Что именно?

– Океан. Птицы. Рыбы. Деревья. Звезды. Планеты.

– А чем звезда отличается от планеты?

Ласси воодушевилась и прочла им краткую лекцию по астрономии, вспомнив всё, чему Лаон ее невзначай научил.

– Так ты будущий астрофизик или биолог? – спросил господин Иллао Таллай.

– Биология – это что? – спросила девочка.

– Наука о всем живом. О растениях, животных, птицах...

– О, тогда я, конечно, стану биологом! – уверенно ответила Ласси. – Да! Непременно!

– Почему?

– Потому что космос очень большой, другие миры далеко, история – это то, что случилось очень давно. А биология – рядом. Повсюду. Изучай – не хочу! И она – про живое!

– Спасибо за интересную беседу, Илассиа, – закончил экзамен директор.

«Они даже не попросили ее станцевать или спеть», – подумал с печалью Лаон. За эти пункты он больше всего опасался: из него танцор – никакой, и в музыке он не особенно смыслит, его никогда ничему подобному не учили. А уж су-пругов Вайнир и подавно. Файя, конечно, поёт за работой, однако эти рыбацкие песни с их припевом «Хойо-найо» совсем не то, чего ждут от маленькой барышни.

Неужели – провал? Еще год ожидания?.. Или лучше не мучиться и отдать ее в муниципальную школу?..

Разумеется, дочери он сказал, что она вела себя очень вежливо, говорила умно и вообще держалась отлично.

«Только, знаешь ли, желающих много. Для девочек отведено лишь шесть мест. Если вдруг другие тебя опередят, давай, мы не будем чересчур огорчаться».

Два дня они провели как ни в чем не бывало. Закупили продуктов, Лаон освоил приготовление самых незатейливых

блюд, Ласси с удовольствием ему помогала. Забрали из стирки одежду. В перерывах между делами гуляли по городу или в парке.

На третий день Лаон с внутренней дрожью заглянул на сайт школы.

Перечень принятых уже появился.

Тринадцатый номер, пятая девочка в списке: «Илассиа Саонс».

Тринадцатый?.. Но должно быть двенадцать?.. Как же так?.. Лаон снова перечитал и пересчитал имена и фамилии, не поверив своим глазам. Да, в этом классе будет тринадцать учеников. Ласси приняли, очевидно, сверх нормы.

Хорошо. Очень скоро она станет первой, а не последней.

В гостях

Лаону выдали список необходимых приобретений. Само обучение в школе бесплатное, вернее, оно финансируется из фондов университета, однако всё прочее нужно покупать за свой счет. Минимум два комплекта ученической формы (лучше бы три, дети склонны случайно рвать и пачкать любую одежду, даже новую и дорогую, а к тому же быстро растут). Спортивную форму и плавательный костюм – при его упоминании Ласси безмерно удивилась, но Лаон ей объяснил, что плавать без ничего можно только на маяке, да и то, пока она была совсем маленькой. При взрослых и одноклассниках нужно выглядеть благопристойно. Зимний плащ на подкладке и с капюшоном. Тот, что бабушка переделала из своего, подойдет лишь для уединенных вечерних прогулок, он латанный-перелатанный. А еще и обувь для разных случаев.

Тетради, учебники, краски, карандаши, девайс вроде маленького компьютера или планшетики (лучше трансформер), органайзеры, сумку или рюкзак на колесиках (детям вредно таскать тяжелое), ну, и кое-что еще по мелочи.

Медицинскую справку выдала университетская клиника, удостоверив, что Ласси совершенно здорова, физически и душевно. Понадобилось, правда, сделать две прививки от

детских болезней. Она перенесла их спокойно и без осложнений.

У Лаона спросили, намерен ли он забирать дочь из школы после первой части занятий, или будет ее оставлять на вторую половину дня – тогда потребуется внести дополнительную небольшую плату.

Он, долго не думая, согласился. Иначе примерно за те же деньги пришлось бы нанимать проходящую няню. И вряд ли та научила бы девочку всему, что предлагала университетская школа: этикет, рисование, танцы, экскурсии.

Сбережения между тем стремительно улетучивались, а семестр еще не начался, и жалованье заплатили бы лишь через месяц.

Лаон заставил себя позвонить родителям. Сообщить, что Илассиа принята в школу и уже освоилась в городе. Да, они будут жить вдвоем. Не в мансарде, на другой служебной квартире. Конечно, тесно, зато рядом парк, до школы и университета нетрудно дойти пешком, и арендная плата почти символическая.

Только после таких известий их с дочерью пригласили к обеду. До этого ни отец, ни мать не изъявляли желания познакомиться с внучкой. «Девочка с маяка» – существо не их круга. «Ученица школы при Императорском университете» – совершенно другое дело, хотя это та же самая Ласси.

Девчушка обрадовалась.

– Папа, а как зовут этих дедушку с бабушкой?

– Синнан и Ассона. Но лучше спроси, как им хочется, чтобы ты к ним обращалась. Ты ведь их совершенно не знаешь. Вам нужно друг к другу привыкнуть.

– Они нас не любят?

– С чего ты взяла?

– Мы давно уже тут, а они не звали нас ни пожить у себя, ни прийти повидаться.

– Сегодня позвали. Надеюсь, ты им понравишься.

– Я постараюсь!

Встреча началась не совсем сердечно, но старшие Саонсы не устояли перед очарованием внучки, сделавшей им грациозный поклон, сопровождаемый милым «Аввао, Синнан-сао, аввао, Ассона-са!»... Они разрешили ей называть себя «дедушкой» и «бабушкой», не «господином и госпожой». Когда в светском щебетании Ласси проскальзывали простонародные словечки и фразочки, Ассона слегка кривилась и посматривала на супруга. Лаон делал дочери еле заметные знаки, она добавляла – «Извините» – и замолкала.

Стол был накрыт, но блюда еще не расставлены. По-видимому, официанта на сей раз нанимать не подумали, а служанку родители не держали, либо она уже ушла.

– Илассиа, ты, конечно, поможешь бабушке? – сказала Ассона скорей повелительно, чем просительно.

– С удовольствием, благородная госпожа! Я всегда так делаю на маяке!

Лаон вмешался:

– Матушка, давайте, я помогу. Девочка еще маленькая, вдруг уронит что-нибудь или испачкает платье.

– Хорошо, помоги, – сдержанно ответила мать.

Они разложили на кухне кушанья в блюда, Лаон нарезал закуски и нагрузил сервировочную тележку.

– Ты, вижу, растишь из Илассиа настоящую барышню, – между делом проговорила Ассона.

– Почему бы и нет? Она дочь магистра и, возможно, будущего профессора. Родственница семьи Майвэй.

– Но она никогда не станет своей в тех кругах, в которые ты ее хочешь ввести.

– Еще рано об этом судить. При ее способностях она сможет пойти далеко.

– Без денег она никому не будет нужна.

– Матушка, я надеялся, что вы с отцом не позволите нам оказаться в нужде. Я имею ведь право на долю имущества.

– Лаон, наш переезд в столицу очень дорого обошелся. Помимо собственно дома, пришлось потратиться на ремонт, мебелировку, покупку всей утвари, обновление гардероба... Мы влезли в долги и еще не совсем расплатились с кредитами.

– Хорошо. Понимаю. Прости. Мы с Илассиа справимся.

Ласси тем временем развлекала дедушку рассказами про маяк, про дворец Императора, про айлисс с подрезанными крыльями, про рыбок сельми в фонтане...

Обед прошел дружелюбно, но чинно. Ассона старатель-

но подмечала все промахи внучкиного поведения за столом, не делая ей замечаний, однако посматривая на Лаона. Ласси старалась поменьше болтать, чутко улавливая реакции строгой бабушки. Синнан, напротив, важно вел пустословные разговоры, заполняя неловкие паузы.

– Ты еще не звонил Майвэям? – спросил он у сына.

– Нет, отец, не успел. Саинна, возможно, позвала бы нас в гости, но нам было некогда. Да и ехать к ним далеко.

– Не следует поступать так невежливо, Лаон. К тебе снисходительны, потому что ты ученый, а они, как известно, всегда немного замкнуты. Но семья Майвэй обладает влиянием, которого нет у нас. Мы в столице почти такие же новички, как и ты. Не будь мы в родстве с Майвэями, нас бы не принимали в тех кругах, где мы ныне порою бываем.

– Понимаю, отец.

Вскоре пришла пора прощаться. Лаон понял, что мать взяла отказ в деньгах на себя, дабы не вынуждать отца признаваться в семейных трудностях. Он решил никогда больше не возвращаться к этой теме.

Однако, уже оказавшись дома, он нашел в кармане плаща пакетик, в котором лежала записка «Для милой внучки» и сумма, достаточная, чтобы Лаон и Ласси дожили до выплаты ему жалованья.

Ни на что другое не приходилось рассчитывать.

Советы искушенных

Начался учебный год. К счастью, школа работала по графику университета, все выходные и каникулы у них совпадали. Ведь в старших классах специальные предметы вели магистранты и лекторы университета – и в качестве обязательной практики, и на постоянной основе.

Лекции и семинары у Лаона приходились на разное время. Но в любой день он отводил дочку в школу, а оттуда шел либо на факультет, либо, если в расписании ничего не стояло, в библиотеку или в архив.

Однажды профессор Вайянс заглянул в кабинет, где Лаон готовился к лекции, и осведомился, не начал ли он работать над второй диссертацией.

– Я пока собираю материал для исследования, жанр которого мне самому еще непонятен, – признался Лаон.

– Да? На какую же тему?

– Меня заинтересовал феномен писем к Звездному императору. Я хочу исследовать, когда возник этот красивый обычай, кто придал ему институциональную форму, как ведется работа с письмами, по какому принципу выбираются те, чьи желания исполняются...

– Но, дорогой мой Лаон, это тема не для историка, а скорей для специалиста по социологии или статистике!

– Разве, многочтимый профессор, одно исключает другое? Я всегда говорю студентам, что история – тоже наука довольно точная, ибо без фактов, документов, подсчетов, таблиц она превратилась бы в сборник легенд или туманных рассуждений о том, что не соответствует истине.

– Вы уже попытались найти эти сведения в архивах?

– В Императорском архиве я был, однако, к моему величайшему удивлению, мне сказали, будто у них нет подобного фонда. Есть лишь несколько документов особенно трогательного содержания, которые иногда попадают на выставки. За каждым из них – чья-то судьба, чудесным образом повернувшаяся к лучшему. Это, так сказать, показательные примеры из разных социальных страт и эпох. Но все они давно уже опубликованы, некоторые вошли в учебники или детские книги, на основе двух историй созданы видеодрамы. Ничего неизведанного я там не найду.

– Вам сказали чистую правду, Лаон. Подобные документы могут найтись в другом архиве. Если только вас туда пустят.

– Каким, профессор?

– В служебном архиве Императорского правительства.

– Почему же не пустят?

– Это очень закрытое ведомство. Там особый режим.

– Очень странно! Что секретного может найтись в обращениях вроде того, которое не так давно написала моя пятилетняя... теперь уже шестилетняя... дочка?

– А вы подумайте сами, Лаон. И еще раз прикиньте, стоит

ли вам связываться с тем архивом. Ведь они захотят, чтобы вы предоставили им текст вашей работы для «редакционной сверки» до того, как вы ее опубликуете. Кстати, где вы собираетесь публиковать предполагаемую монографию или статью?

– Господин Варданассир намекнул мне, что ее бы охотно принял «Виссеванский исторический вестник», если текст будет на космолингве.

– Тогда вас либо не пустят в архив, либо запретят публикацию в межгалактическом сборнике на другом языке.

– Почему, профессор? Лиенна ведь полноправный член Альянса? И входит в состав Межгалактического совета по научным связям разумных миров?

– Формально – да, а фактически, как вы сами видите, наши ученые предпочитают сосредоточить свои усилия на су-губо местных проблемах.

– Но проблемы Лиенны могут быть интересны для других похожих сообществ! Как и опыт дальних миров должен бы изучаться здесь, дабы не повторять однотипных ошибок и заблуждений!

– Вы сейчас опять начнете доказывать необходимость введения курса по истории цивилизаций?

– А разве это не очевидно, профессор? Мы привыкли сравнивать только две империи, Уйлоанскую и Лиеннскую, но в других-то мирах существовало и существует множество типов общественного устройства...

– Возможно, именно это разнообразие и смущает тех, от кого зависит здешняя образовательная политика. Лаон, я очень высокого мнения о ваших способностях, только, пожалуйста, соблюдайте определенную меру в научных и прочих дерзаниях.

– Спасибо, дорогой профессор, за добрый совет и напутствие.

Во время лекции Лаон отвлекся от озадачивших его рассуждений профессора Вайянса. Какая может быть «мера» в науке? Почему ученых не допускают в служебный архив Императорского правительства? С чего бы чиновникам запрещать публикацию в межгалактическом сборнике – это ведь очень престижно и должно бы способствовать авторитету лиеннских исследователей?..

Он знает, с кем еще можно поговорить. Со старшим сотрудником отдела уйлоанских древностей в Императорском музее, профессором Нианом Ойонаем, главным иерофантом Императорского дворца. Лаон давно не заглядывал в тот отдел, потому что в последнее время не занимался древней историей. Вот и повод возобновить знакомство.

Ниан Ойонай был рад посетителю или сделал вид, будто рад.

– Чем могу помочь, уважаемый магистр Саонс?

– У меня к вам несколько необычный вопрос, господин профессор. Я занялся изучением писем к Звездному императору.

– Неужели вас допустили в служебный архив?

– Нет, я даже пока не пытался попасть туда. Я хотел вас спросить как эксперта по древней истории: существовал ли этот обычай исконно, в Уйлоанской империи? Или он возник лишь среди переселенцев Лиенны?

– На Уйлоа, как вам известно, коллега, императорская титулатура не включала в себя эпитета «Звездный».

– Естественно. Там Его величество именовался порождением и хранителем животворного света звезды Ассоан. В межпланетной истории цивилизаций подобные культы не редкость, и их причисляют к солярным.

Нион Ойонай сделал жест одобрительного согласия. Он, конечно, тоже был хорошо об этом осведомлен. И, как всякий музейный сотрудник и вдобавок важное должностное лицо, ценил точность в терминологии.

– К сожалению, господин магистр, при переселении добровольцев с Уйлоа никто не озаботился судьбой Императорского архива. Он хранился в особо укрытом месте. Из дворца захватили только то, что оказалось на самом виду. А поскольку эвакуация велась в основном не с Фарсана, а с Сеннара, приоритет отдавался другим культурным и материальным ценностям. Брали то, что могло практически пригодиться на новой планете. Никому не пришло бы на ум спасти какие-то старые письма с прошениями на имя Его величества.

– Но они ведь существовали?

– Вероятно, не в той форме, как нынешние. Каждый под-

данный мог обратиться к Императору по важному поводу, личному или общественному. Для таких обращений при ратушах или административных зданиях имелись особые ящики. Где-то один, где-то два – дабы легче было потом отделять сообщения о непорядках от всяческих просьб. Однако, насколько я знаю, массового потока писем не наблюдалось. Разумнее было записаться на прием к чиновнику, ведавшему конкретными делами, чем дожидаться – и не дожидаться – ответа из Императорской канцелярии.

– Образцы прошений не сохранились даже в виде копий и пересказов?

– Нет, коллега. Они лишь изредка упоминаются в других документах, причем не систематично и не в виде обширных цитат. Например, «по прошению некоего лица Его величество Император соблагОВОЛИЛ приказать построить мост», и тому подобное. Поищите сами в томах известного вам издания.

– «Комментированные источники по истории Уйлоанской империи»?

– Да. Но придется перечитывать всё подряд. Электронной версии нет, быстрый поиск по отдельным словам невозможен.

– Благодарю вас, многочтимый профессор Ойонай.

– У вас есть другие вопросы, господин магистр?

– Лишь один. Отчего такая секретность вокруг этих писем? Зачем их хранят в служебном архиве Императорского

правительства, а не где-то еще?

– Поразмыслите сами, коллега. Будь вы сотрудником соответствующего ведомства, вы бы тоже держали их там.

– Извините, профессор, я, вероятно, слишком наивен.

– Вы мыслите, как ученый. А у них совершенно иная логика. Диктуемая отнюдь не стремлением к новым открытиям, а заботой, скажем так, о спокойном развитии нашей Империи.

Побеседовав с иерофантом, Лаон помчался назад в университетский кампус – забрать из школы Ласси. Учеба давалась ей на удивление легко, хотя она оказалась самой младшей из одноклассниц. Почерк, правда, пока еще крайне коряв, зато она сызмальства знает множество умных слов и на устных заданиях вырывается вперед, а в математике идет вровень с мальчиками. Плавать и нырять вообще лучше всех (ну, еще бы!), танцы быстро освоила, только с музыкой не особенно ладит: прочие дети уже играют кто на флейте, кто на калинсе, кто на стеклянном органчике – мийон эреллай. Утруждать ее и себя дополнительными занятиями Лаон не имеет возможности. Музыка – дисциплина не обязательная, к ней приобщаются во второй половине дня, после всех остальных предметов. Довольно того, что она поет своим милым голоском несложные песенки и ритмично позванивает в бубенцы на металлическом стержне – сайссар.

Судя по первому классу, в этой школе больше уделяют внимания светским манерам и разностороннему развитию,

нежели основательным научным знаниям. Впрочем, пока еще рано судить. Детям по пять с половиной – шесть лет. До наук они еще не дозрели. В старших классах будет иначе, там их готовят к университету. И, наверное, правильно, что сейчас им внушают правила этикета – если не вобрать такие тонкости с раннего детства, потом наверстать будет трудно. Лаон сам иногда страдает от своей вопиющей несветскости, хотя никто не считает его невежливым и неотесанным. Но всякий раз, оказавшись в обществе аристократов, он не улавливает все оттенки их обхождения и не может понять, они искренне интересуются им или это лишь форма ничего не значащей равнодушной любезности.

Профессор Каллео Вайянс и иерофант Нион Ойонай, безусловно, относятся к Лаону хорошо, однако оба накидали ему сегодня столько двусмысленных фраз и не слишком прозрачных намеков, что ломать над этим голову предстоит еще долго.

А впрочем... Нион Ойонай предложил ему поставить себя самого на место чиновника из правительственного архива.

Допустим, в распоряжение Лаона каждый год поступают сотни... нет, тысячи!.. писем на августейшее имя Звездного императора. Проще всего – взять выборочно десяток из них и, как в лотерее, устроить им выигрыш. Остальные – выкинуть, даже не просмотрев. Но это неправильно! В непросмотренных письмах может содержаться какая-то важная информация. Особенно, если пишет ребенок. Дети до-

верчивы и весьма откровенны. Они могут выдать любые семейные тайны. Не все же, как Ласси, настолько довольны своей повседневной жизнью, что не просят подарков. А бывают и взрослые, которые простодушней детей.

Тот, кто не просто читает письма к Звездному императору, а использует их как источник бесценных сведений о настроениях в разных стратах общества, о насущных потребностях в деньгах, лечении, справедливости и утешении после тяжких утрат, может в самом деле творить чудеса. Устранять напряжение там, где оно грозит обернуться взрывом, смягчать семейные коллизии, возвращать уверенность в торжестве законов над произволом.

Поэтому профессор Вайянс и сказал, что эта тема – скорее для социологов, чем для историков. Но социологи тоже этим не занимались; Лаон не помнит таких публикаций. Очевидно, при служебном архиве свои специалисты, и их изыскания – закрыты для посторонних.

Для проверки своей гипотезы Лаон всё-таки сунулся в архив Императорского правительства. Ему очень вежливо объяснили, что в настоящее время интересующий его исторический фонд закрыт на инвентаризацию и никому не доступен. Посмотреть каталог? Каталога нет, документы рассортированы по годам и по номерам. Письма текущего года, которые пока не заархивированы? О нет, уважаемый магистр Саонс, в них может быть совершенно конфиденциальная информация, затрагивающая чью-то семейную честь. Это част-

ные, даже интимные письма, их никогда не показывают посторонним. Срок давности – тридцать девять лет, но и в этом случае пришлось бы заручиться разрешением представителей соответствующих фамилий.

В общем, как и предполагалось, отказ. Не совсем оскорбительно категоричный, но вполне однозначный. И рекомендательное письмо из университета ничему бы не помогло. Даже ссылка на доверительные отношения с главным иерофантом не сработала бы. «А, так вы хорошо знакомы с господином профессором Ойонаем? Прекрасно! Чего же вам еще надо? В Императорском музее есть небольшая коллекция необходимых вам писем, они совершенно доступны»...

Однако и эта беседа с чиновником оказалась не бесполезной. «Конфиденциальная информация», «разрешение представителей соответствующих фамилий»... Лаона вдруг осенило: почему бы не использовать тот же метод сбора источников, к которому он прибег, работая над магистерской об исторической памяти, передаваемой из поколения в поколение? И знакомые, и даже не очень знакомые собеседники чаще всего охотно делились своими воспоминаниями и семейными документами. Иногда разрешали копировать и цитировать, иногда оговаривали, что при цитировании нужно вычеркнуть имена, а иногда, напротив, просили обязательно упомянуть какого-то предка – забытого, как им думалось, несправедливо.

У него остались все адреса. Он попробует обратиться к

тем же информантам еще раз и спросит их, не писали ли они когда-нибудь Звездному императору, если да – о чем, а может быть, часть посланий хранится в семейных шкафах и шкатулках с дорогими сердцу предметами (как он сам хранит первое, обезоруживающе безграмотное письмо своей Ласси)...

В таком подходе есть как изъяны, так и явные преимущества. Изъян – заведомая неполнота, которая не позволит сделать выводы статистического характера. Преимуществ же много. Это – добытый из первых рук материал, на знакомство с которым не нужно бюрократических разрешений. А значит, можно спокойно писать статью без оглядки на «редактуру» старших коллег и публиковать где угодно, в том числе в межгалактическом сборнике.

Решено. Он составит опросник и будет его рассылать или лично вручать всем подряд.

«Доводилось ли вам, вашим близким, детям, родителям, дедам и прадедам писать Звездному императору?»

Сохранились ли в вашем семейном архиве эти письма, их копии, черновики?

Могли бы вы предоставить их для изучения в исторических целях?

Дали бы вы согласие на публикацию ваших реликвий в том или ином виде: полностью, фрагментарно, в пересказе со ссылкой на источник, с упоминанием без указания вашей

фамилии?»...

А начнет с себя. Со своей семьи и всех родственников.

Нежданный визит

Через день, отведя Ласси в школу, Лаон вернулся домой – лекцию читал профессор Вайянс, присутствовать там было не обязательно. Проводить это время на факультете не хотелось, там без конца отвлекают студенты, коллеги, звонки, забредающие поболтать сотрудники деканата.

В квартире – тихо, не считая мерного шума транспорта и голосов за окном. Лаон воспринимал этот шум как нейтральный фон, не мешающий думать, вроде рокота волн или криков птиц вокруг мыса Морну.

Он методично штудировал тексты «Комментированных источников», выискивая нужные сведения, делал выписки на закладках – и внезапно услышал звонок.

Никаких гостей Лаон не ждал, а случайные посетители сюда не ломались.

Заинтригованный, он открыл.

На пороге стояла Баллайна. Одетая с аристократической элегантной неброскостью. Синевато-серое платье, палевая накидка, в руках изящная сумочка с аппликациями – фиолетовыми цветами. Свежая, благоухающая чистотой, немного смущенная, но уверенная в благосклонном приеме.

– Добрый день, уважаемый Лаон. Я ездила по магазинам и решила зайти. Я не очень вам помешала?

– Я безмерно польщен, дорогая Баллайна. Заходите, пожалуйста, но простите за некоторый беспорядок. Дочка не всегда убирает свои вещи на место. Я, пока ее нет, работаю, стол в бумагах...

– Лаон, не извиняйтесь, вы дома, а я вторглась незванной.

– Садитесь, сделайте милость. Хотите воды или сока?

– Воды, если можно.

Пока он выбирал стакан почище и наливал прохладной воды, Баллайна разглядывала их жилище. По сравнению с домиком смотрителя маяка оно выглядело попрстойнее. Лаон старался создать домашний уют, хотя избавиться от налета казенности оказалось невозможно: на мебели кое-где торчали напоказ инвентарные знаки. Но занавески, покрывала, коврики, посуда, вазочка были свои. Недорогие, зато совершенно новые и подобранные со вкусом и в тон. Однако и здесь у Лаона не было собственного кабинета. За одним и тем же столом и обедали, и занимались.

– Я думала, лектору Императорского университета полагалась бы квартира побольше, – заметила Баллайна.

– Тесновато, вы правы, – согласился Лаон. – Но мы живем очень дружно, и пока дочка маленькая, нам места хватает. К тому же преимущества налицо. Рядом парк, мы там часто гуляем. В университет, музеи, архивы можно дойти пешком.

– А бассейн?

– Ласси плавает в школе. У них превосходный спортивный центр. Я... иногда успеваю в бассейн при университе-

те. Увы, не каждый день. Но приходится чем-то жертвовать. Ничего, на каникулах мы поедem на мыс Морну, и там вволю наплаваемся.

– Как дела вашей дочери? Ей не трудно учиться?

– Нет, она счастлива, что попала туда. У нее огромная тяга к знаниям. А поскольку росла среди взрослых, привыкла серьезно относиться к своим обязанностям. Учится хорошо, ее хвалят. Только обычно сидит одна. Получилось так, что она – тринадцатая.

– Неужели?..

– Да. Я сам удивился. Всегда принимали двенадцать учеников. В этот раз взяли восемь мальчиков и пять девочек. Все прочие дети – парами, а Ласси – сама по себе.

– Ей обидно?

– Нет, вряд ли. Я сказал ей, что этим нужно гордиться. Она – особенная. И может не отвлекаться на всякие пустяки, баловство и перешептывания с соседками.

– Лаон, вы... тоже особенный.

– Я завис между стратами, дорогая Баллайна. От своей оторвался, к другим пока не пристал. Ощущаю себя везде чужаком.

– Вы ученый. Вам прочат славное будущее.

– Для этого нужно много писать, много публиковаться, выступать на всех конференциях и читать публичные лекции.

– Что же вам мешает?

– Если честно, Баллайна – отсутствие средств. Большинство знаменитых ученых происходят из богатых семей. Им не нужно бороться за сносное существование.

– Разве ваша семья недостаточно состоятельна?

– У них много расходов помимо меня. А на мне лежит забота не только о дочери, но и о тесте и теще. Прежде всего, я хочу хорошо обеспечить Илассиа. Если вдруг со мной случится несчастье, она останется без защиты и помощи.

– Почему у вас возникают такие мысли? Вы еще молоды, здоровы, ваша работа не связана ни с какими опасностями...

– В нашем мире нельзя зарекаться от неожиданностей. А надеяться лучше лишь на себя. Так честнее.

Баллайна смутилась и опустила глаза. Она понимала, какого нелестного мнения он о ее знатных родственниках.

– Простите меня, Баллайна. Я напрасно вас огорчил. Конечно, у нас всё в порядке. И... я верю в высшую справедливость.

– И в покровительство Звездного императора?..

– Откуда вы это взяли?

– Саинна показала мне ваш опросник. Я... тоже решила ответить.

Она раскрыла свою сумочку и извлекла два листка, протянув их Лаону. Ее нежные тонкие пальцы немного дрожали.

– Можно мне при вас прочитать? – спросил Лаон.

– Конечно.

Первый листок содержал опросник. После каждого пунк-

та она вывела ученически аккуратное «да», и лишь к последнему добавила: «разрешаю, без указания имен». И подписалась: «Баллайна Майвэй».

Второй листок был другого формата и написан целиком от руки.

«Ваше императорское величество, я Баллайна Майвэй. Мне девять лет. Я прошу вас, сделайте так, чтобы брат меня не дразнил, чтобы дедушка поскорее поправился, и чтобы мне купили длинное платье, как у взрослой. Они говорят, я маленькая, но у моей подруги Эйси такое есть, а она только на год старше меня. Три желания – это не очень много? Если много, исполните только одно. Про дедушку. Мне его жалко. Он любит меня. Будьте счастливы, Ваше величество. Поздравляю Вас с Днем Отечества. Ваша верная подданная Баллайна».

– Бесконечно благодарю вас, – сказал Лаон, медленно прочитав послание. – Будь я Звездным императором, я постарался бы выполнить все три просьбы.

– Родители сказали, что опустили письмо в ящик возле Императорского дворца. А потом Аллуэн опять начал меня задирать. Говорил, я глупая девочка, верю сказкам. На самом деле никакого Звездного императора нет. А письмо мое взяли папа и мама, убрали в шкаф с другими нашими детскими упражнениями в рисовании и чистописании.

– Вы обиделись и огорчились?

– Я была безутешна. Ведь дедушка умер. И мне казалось, так вышло лишь потому, что мое письмо не отправили Императору.

– А сейчас что вы думаете об этой истории?

– Я не знаю, существует ли он. Но если и существует, писать ему бесполезно. С тех пор я ни разу такого не делала – по собственной воле. Хотя в школе нас каждый год заставляли сочинять послания.

– И как вы... выкручивались?

– Как и все. Писала по заданной форме. Сначала приветствие в согласии с императорским этикетом. Потом сообщение о моих успехах. Далее – какое-нибудь желание. Я обычно желала здоровья всем близким. Напоследок – поздравление с Днем Отечества. Ничего интересного.

– Баллайна, мне всё интересно!

– Лаон, но разве вы в школе не занимались тем же самым?

– У нас было проще. Я учился в Меннао, вместе с детьми из разных страт, кроме высшей и низшей. Мы писали свои письма дома, каждый, как ему нравилось. Обычно их проверяли родители, чтобы не было грубых ошибок и неуместных подробностей. Я рассматривал это как обязательное упражнение в деловой переписке. В школе же составляли одно послание от целого класса и вывешивали в общем холле.

– И куда девались все эти школьные письма?

– Не знаю, Баллайна. Я тогда не задумывался.

– А у нас их забирали учителя. Потом, якобы, отправляли в космос. Не знаю, правда ли. Меня это больше не волновало.

– Ваши одноклассники тоже не верили в Звездного императора?

– Кто-то верил почти до последнего класса. Но просили о вполне конкретных вещах. Одна девушка жаждала поскорей обручиться со своим избранником. Боялась, что он не захочет ждать, пока она закончит школу. Другая, напротив, хотела расторгнуть помолвку, заключенную, когда она была совсем девочкой и не понимала, что делает. Кто-то мечтал стать владельцем собственного иссииона и летать, куда пожелает. Ну, и нечто подобное.

– Что-то исполнилось?

– Да практически всё.

– И за это ваши друзья благодарили Звездного императора?

– Не знаю, Лаон. Впрочем, ради приличия стоило бы, наверное, поблагодарить. Ведь если близкие и пошли навстречу желаниям моих одноклассников, то лишь во имя Звездного императора.

– Значит, он всё-таки помогает нам всем, пусть и неким таинственным способом. Спасибо, Баллайна, вы снабдили меня поразительным материалом.

– Зачем вам все эти сведения?

– Для статьи. Не бойтесь, я не буду публиковать ее здесь, на Лиенне.

– А где же?

– В межгалактическом научном журнале. На другом языке. Космолингве.

– Хорошо. Иначе будет неловко, что я разболтала чужие секреты.

– И доверили собственные.

– Не все.

– Неужели вам есть, что скрывать?

– Полагаете, нечего?

Баллайна пристально посмотрела на него. Все три глаза были открыты. И в них светилось нечто такое, от чего Лаон смутился.

– Наверное, я не имею права требовать от вас такого доверия, дорогая Баллайна.

– Ибо вы не можете ответить мне тем же? – вкрадчиво спросила она.

– Я старше вас. У меня совершенно другой опыт, другой круг общения, другие взгляды на многое. Ваши родители, несомненно, сочли бы наше сближение неприличным и неуместным.

Баллайна встала:

– Простите, что отняла у вас драгоценное время.

Похоже, она была расстроена и обижена.

Лаон постарался подсластить горечь своей назидательной отповеди избытком прощальной вежливости:

– Ваш визит, дорогая Баллайна, был неожиданным, но очень

приятным и невероятно полезным. Но вы правы, мне пора собираться за дочкой. Отсюда идти полчаса.

– Хотите, я подвезу вас и потом доставлю сюда же?

– Вас, наверное, заждались родители.

– Они уехали в Каллисон. Там живут наши родственники.

Дома лишь Аллуэн и Саинна. А ваша сестра не будет ругать меня. Она знает, что я собиралась увидаться с вами.

– Спасибо, Баллайна.

Они вышли из дома вместе. Сели в байсун и быстро домчались до школы. Илассиа сильно удивилась, увидев «тетю Баллайну», но держалась учтиво и с удовольствием воспользовалась предложением прокатиться. «А то за всеми другими приезжают на байсунах, а мы с папой всегда идем пешком, даже в дождь!» —откровенно призналась девочка. — «Мне полезно пройтись», — сказал Лаон. — «И ведь ты сама любишь посмотреть на деревья, птиц и рыбок в Императорском парке».

Баллайна высадила их у дома и, мило попрощавшись, уехала.

Спустя несколько дней Лаона пригласили к себе родители. Оговорив, что лучше явиться без Ласси. Видимо, предстоял разговор не для детских ушей.

Неужели они возмутились опросником? Или, наоборот, отыскали в своих бумагах нечто важное и решили с ним поделиться? Работа по сбору материала понемногу продвигалась вперед. Не так быстро и не в таких объемах, которые

были бы возможны при допуске в секретный архив, но он же задумал не монографию, а статью.

Встретили его не слишком приветливо.

Угостили скромно – только ради соблюдения нерушимых обычаев. Отказ кровному родственнику в воде и хлебе, или, в данном случае, в стакане сока и сладком печенье, воспринимался бы как намек на разрыв.

А потом начался разговор.

Лаону сообщили, что он, как всегда, повел себя чрезвычайно бездарно и безответственно, разочаровав и отца, и мать, и Саинну, которая всей душой желает ему добра.

– Дорогие, в чем я провинился? – спросил удивленный Лаон. – Я усердно работаю, дочка учится в лучшей школе Империи, мы ни у кого ничего не просим, живем небогато, но нужды не испытываем...

– Ты останешься нищим, если будешь продолжать эту жизнь! – в сердцах сказала Ассона. – Твоя карьера не продвигается, ты не бываешь в приличном обществе, ты занят только собственными изысканиями и воспитанием этой девочки...

– Ассона, она наша внучка, – напомнил Синнан. – Ее имя – Илассиа.

– Она лучшая ученица в классе, – похвастался Лаон.

– И ты собираешься принести себя в жертву, чтобы сделать из нее ученую женщину? – скривилась мать.

– Почему бы и нет? – спросил Лаон. – У нее острый ум и

большие способности.

– Она попросту подражает тебе, пока маленькая. А когда подрастет, начнутся сложности. Ей захочется, чтобы за нею ухаживали, восхищались ею, предлагали взять ее замуж.

– И прекрасно!

– Ты не понимаешь, на что ты толкаешь свою драгоценную Ласси! Ни один благородный юноша не захочет жениться на внучке смотрителя маяка. Особенно, если ее отец останется бедным лектором, ютящимся в жалкой служебной квартире. Твоя дочь либо просто пойдет по рукам, либо бросит тебя ради брака с аристократом.

– Почему вы так думаете? – возмутился Лаон.

– Потому что ты сам постоянно внушаешь ей, будто она лучше всех и достойна взлететь выше звезд!

– Ласси любит меня. И останется верной и благодарной, сколь бы высоко ни вознесла ее судьба. У нее благородное сердце и врожденное чувство долга.

– Сын, ты рассуждаешь как простодушный ребенок, – с горечью промолвил Синнан. – Как только перед нею возникнет мужчина, который внушит ей любовную страсть, никакое чувство долга ее не удержит.

– Дорогие, чего вы хотите от нас? Чтобы я вернул ее на маяк?

– Нет, конечно. Это теперь невозможно. Ты уже испортил свою дикарку изысканным воспитанием. Там оно ни к чему. Она будет несчастной. Мы совсем не желаем ей зла.

– Тогда я вас не понимаю.

– Лаон, ты не понимаешь вообще ничего! – воскликнула мать. – Ты слепой на все три глаза, глухой и бесчувственный! К тебе проявляла внимание такая прекрасная девушка, как Баллайна Майвэй! И как ты вел себя?

– Как подобало. Учтиво и вежливо. Без вольностей. Только на «вы». Семье Майвэй упрекнуть меня не в чем.

– Ты сделал всё для того, чтобы ее расстроить и отпугнуть.

– Отпугнуть?..

– Она видела ту лачугу на маяке. А недавно увидела и теперешнее твоё обиталище. Да, Саинна нам рассказала. Утаить это не удалось. Майвэй сначала отругали ее, а потом отчасти обрадовались: Баллайна сама поняла, что с тобой у нее никогда ничего не получится.

– У меня с нею тоже. Она слишком юна, избалованна и неспособна принять на себя часть наших с Ласси забот.

– Если бы ты не упрявился и решил бы начать совершенно новую жизнь, мы тебе помогли бы...

– Каким образом?

– Взяли бы внучку к себе, воспитали бы ее так, как подобает девушке скромного происхождения, не внушая ей вздорных мыслей... А ты бы освободился от тяжкого бремени, мог бы спокойно строить карьеру, получил бы должность профессора... Тогда Баллайне позволили бы обручиться с тобой...

– Это ваши мечты. Не мои.

– Значит, Лаон, ты снова разрушил все наши надежды.

– Простите. Но я не намерен ничего менять в своей нынешней жизни.

– Теперь уже ничего не изменишь. Баллайна обручена со своим кузенком из Каллисона.

– Неужели? Давно?

– Вчера. Помолвка была лишь в кругу самых близких. Даже нас туда не позвали. Но Саинна, конечно, присутствовала. Говорит, Баллайна не выглядела счастливой.

– Кузен, разумеется, очень богат?

– А как ты думаешь? Он из семьи Кассай! Тебе это что-нибудь говорит?

Их родственник – министр рньшеИмператорского кабинета!

– И кузен занимает какой-нибудь пост?

– Мы не знаем. Не наше дело.

– Да, конечно. И не мое. Если будете с ней говорить, передайте ей мои самые добрые пожелания. И привет семейству Майвэй.

– Лаон, ты упустил свое счастье!

– Я любил одну женщину. Лучшую в мире. Я ее потерял. Но я знаю, что такое любовь. И уже никогда не смогу променять ее на обычное благополучие.

От родителей он ушел огорченный.

Опять если и не полный разлад, то и не родственное согласие. Как всегда, ни намека на помощь деньгами. Похоже, вы-

деление части имущества Лаону причиталось бы лишь при условии полной покорности воле матери и отца. Когда-то отец был безусловным главою семьи, но с годами мать приучилась верховодить, и ей это понравилось. Теперь, даже если бы Синнан решил смягчить свою прежнюю непреклонность, Ассона ему не позволила бы: у них есть еще трое детей и пятеро подрастающих внуков, помимо Ласси – с какой стати оказывать особые милости беспутному младшему сыну и этой «девочке с маяка»?.. Пусть живут, как им нравится. В конуре с проштампованной мебелью, но зато среди умных мыслей и книг.

А Баллайну ему было искренне жаль. Он испытывал к ней какое-то горько-нежное чувство, словно к младшей сестре, которой он бессилён помочь. Ни своей женой, ни приемной матерью для Илассиа он себе ее не представлял, однако поддерживать дружеские отношения с Баллайной был бы не против. Но, вероятно, родители девушки правы. Ее попытки сблизиться с Лаоном выглядели со стороны неприличными, особенно тайный приход к нему на квартиру, когда он был один. Хорошо, никто из соседей не видел. Проговорился, по словам Саинны, водитель байсуна, ведь он служил у отца Баллайны.

Не такой судьбы он желал бы для собственной дочери. Никогда он не вынудит Ласси выйти замуж за нелюбимого. И не будет препятствовать ее счастью, если даже она покинет отца ради первого, в кого влюбится без оглядки.

В гостях у консула

Статья была написана, отправлена в «Виссеванский исторический вестник», получила благосклонный отзыв анонимного рецензента, опубликована, и Лаон получил гонорар, равный его месячному жалованью лектора.

Деньги он решил не тратить – на текущую жизнь им с дочкой хватало. Положил на особый накопительный счет. Для Ласси. Или на случай каких-то больших неприятностей.

Электронную копию «Вестника» он показал профессору Вайянсу и профессору Ойонаю. Лаону было интересно узнать их мнение. Оба читали на космолингве, хотя устной речью владели неважно. Вдобавок в статье приводились факсимиле тех документов, которые Лаону разрешили опубликовать его информанты. Он даже включил туда письмо своей дочери, пояснив, что девочка еще не ходила в школу и составляла слова, как слышалось.

Оба старших коллеги похвалили статью за неординарный подход и изобретательность в добывании материала, минув служебный архив Императорского правительства. Однако дружески посоветовали ограничиться этим инопланетным изданием, мало кому доступным здесь, на Лиенне, и не предлагать статью в университетский журнал: у читателей она может вызвать реакции, на которые Лаон совсем не рас-

считывает. Тема всё-таки деликатная, ведь во многих письмах присутствуют очень личные просьбы, и нехорошо, если посторонние разгадают, кто писал и что из этого вышло. Межгалактический сборник на космолингве – другое дело. Обитателям дальних миров безразличны проблемы лиеннцев. Для них почитание Звездного императора – такая же причудливая экзотика, как культ Харот на Биксане или поклонение троичному божеству, которое некогда насаждалось на Теллус.

Лаон мало что знал об инопланетных верованиях и решил изучить их поосновательнее. Он поблагодарил наставников за добрые слова и благожелательные советы. Конечно, он не будет переводить статью на уйлоанский и распространять ее здесь. Но, возможно, напишет другую, без столь откровенных цитат, выбрав культурологический ракурс.

Нужно было углубиться в инопланетную литературу. Университетские справочники по истории цивилизаций он уже прочитал, там приводились лишь самые общие сведения, достаточные для расширения кругозора студентов и преподавателей. Сравнительными штудиями на Лиенне никто не занимался. Похоже, это не поощрялось начальством Императорского университета. А может быть, и Императорским правительством, которое финансировало это учебное заведение.

Иного способа получить желаемое, кроме как обратиться к господину Варданассиру, Лаон не видел. Докучать ему

слишком часто он не решался. Не хотелось бы выглядеть постоянным просителем. Однако Хранитель обрадовался, когда Лаон сам ему позвонил. «Да, конечно, господин магистр Саонс, буду рад предоставить в ваше распоряжение мою личную библиотеку! Копируйте, что пожелаете! Жду вас в гости в ближайшие выходные. Можете приезжать вместе с дочкой, мы найдем ей занятие».

Резиденция представителя Межгалактического альянса, она же – консульство Виссеваны, – находилась не в поселке Вивао близ космодрома (туда добираться пришлось бы пару дней, если поездом), а в пригороде Уллинофароа. Примерно там же, где вилла семьи Майвэй, но немного поближе к столице и к остановке раллины. Впрочем, Лаон теперь мог позволить себе нанять байсун, и добрались они с комфортом и быстро.

Он предупредил Ласси, что им предстоит общаться с инопланетянами. Пусть она не пугается и не смущается. Нет, они не похожи на говорящих гихорнов, на пестрые кляксы, на ходячие тумбы с кнопочками или на нечто совсем устрашающее. Такие, впрочем, тоже где-то бывают. Однако на Лиенне живут другие, вполне подобные нам, только глаз у них всего два, и они обладают способностью выражать свои чувства и мысли сменой цвета кожи, а в полумраке светятся. Как морские медузы-флирры или глубоководный вхиасс. Не показывай виду, будто тебе это странно или неприятно. Скорее всего, наша внешность им тоже видится далеко не прекрас-

ной. Но в межпланетном общении ценится не внешность, а ум. И, конечно, знание этикета. Господин Варданассир давно работает на Лиенне, он привык к нашим формулам вежливости. Ничего другого не нужно. Веди себя с ним, как с любым уважаемым старшим.

Ласси держалась безукоризненно. Господин Варданассир представил гостей своей супруге, госпоже Маннаирране. Запомнить такое имя сразу не удалось, но обращение «госпожа Варнадассир» оказалось вполне уместным. Фамилию Хранителя девочка выучила заранее.

Саонсы старались не реагировать на всё непривычное. Поскольку визит отца и дочери был сугубо приватным, других гостей в доме не оказалось. Отсутствовали и слуги. Зато в большом количестве имелись умные механизмы, называемые забавным словечком «роботы». Они выполняли обязанности и охранников возле входа, и официантов, разносивших напитки и угощения, и уборщиков. Дабы никто не принял их за живых сотрудников, эти «роботы» не походили ни на уйлоанцев, ни не виссеванцев. Оболочки разных цветов – черного, красного, желтого и голубого. Вместо глаз – мониторчики. Встроенный лингвочип позволял им вести несложные разговоры механическими голосами с неестественными интонациями и приятными, но усредненными тембрами: ни мужскими, ни женскими. У каждого робота было имя, на которое он откликался мелодичным сигналом и ответом: «К вашим услугам!». Имена – короткие: Анн, Вай, Динн, Нофф,

и тому подобное. Вероятно, они ничего не значат ни на каком языке, разве только по совершенно случайному совпадению.

После знакомства, легкого угощения и приятной светской беседы госпожа Варданассир взяла на себя заботу о Ласси, предложив ей рассмотреть все открытые комнаты дома, полюбоваться видами с террасы, поиграть с симпатичными роботами, поболтать на разные темы: о школе, о любимых занятиях, о друзьях...

Хранитель повел Лаона в свой кабинет – почти овальное помещение без окон, с сумрачным рассеянным светом и какой-то невероятной техникой. Они расположились в мягких креслах, тотчас принявших формы их тел. Варданассир включил большой монитор, потом – другой, поменьше, расположенный перед креслом Лаона. На малом высветился каталог, составленный на космолингве. Можно было переключить его вид и способ систематизации, а также задать поиск по авторам, темам и отдельным словам.

«Если вам нужна моя консультация, господин магистр, я охотно посижу рядом с вами. Но если хочется покопаться в книгах самостоятельно, я оставлю вас одного. Копировать – очень просто, нажмите опцию «весь файл» или выберите «этот раздел», «этот параграф» или «сведения об издании», – сказал Варданассир.

– Я был бы очень признателен вам, господин профессор, если бы вы помогли мне сориентироваться в каталоге. Он

ведь лишь частично на космолинге?

– Да, охотно. Самый разумный путь: «История цивилизаций. Общие принципы» – «Языки» – «История миров Межгалактического альянса» – «История прочих миров» – «История институтов и учреждений». Обратите внимание на видеофайлы, антологии всевозможных изображений и звуков. Иногда они прилагаются к основному тексту, но иногда издаются самостоятельно. В таких случаях их снабжают метками.

– Благодарю вас! Пожалуй, попробую дальше разобраться самостоятельно.

Виссеванец удалился. Он понимал, что для любого учебного погружение в чтение незнакомых книг – сокровенный процесс. А уж выбор необходимого подобен искушению изголодавшегося гурмана. Копировать без разбора нет смысла, тут масса сугубо технической литературы или памятников инопланетной словесности в оригинале.

Лаон настолько глубоко погрузился в раскрывшийся перед ним океан познаний, что совершенно забыл о времени и даже о дочери, оставленной на попечение инопланетян и роботов. Его вывел из интеллектуального транса господин Ваданассир, мягко осведомившийся, не проголодался ли уважаемый коллега и не хочет ли он перейти в столовую, где накрыто к обеду.

Блюда подавались обычные, принятые на Лиенне, да и откуда бы здесь взяли яства с других планет? Доставлять их,

наверное, фантастически трудно и дорого. Поэтому, скорее всего, Хранителем и назначили существо, способное переваривать местную пищу.

– Вы едите то же, что мы? – с детской откровенностью спросила Ласси, уже освоившаяся в доме супругов Варданассир и считавшая их теперь папиными друзьями.

– Да, но мы вынуждены принимать особые вещества, ферменты, помогающие адаптации метаболизма, – объяснила госпожа Варданассир.

Ласси кивнула, как если бы поняла прозвучавшие ученые термины. Вероятно, она их запомнила, а потом спросит у папы, что они значат.

– Моя дочь не слишком вас утомила? – сказал Лаон, обращаясь сразу к обоим супругам.

– Нет, господин магистр! – откликнулась госпожа Варданассир, засияв переливчато-перламутровыми тонами. – Илассиа невероятно развита для своих лет.

– Мне скоро будет восемь! – похвасталась девочка. – Папа говорит, я расту так быстро, что одежды не напасешься.

– Ласси, это не тема для разговора в гостях, – прервал ее Лаон.

– Извините, многочтимые господа, – церемонно ответила она. – Мне еще предстоит улучшить мои манеры. Но я буду стараться. Прогресс налицо, как говорит наша школьная преподавательница этикета.

Оба виссеванца сделались нежно-розовыми. Ласси им яв-

но нравилась, они чувствовали к ней симпатию, граничившую с умилением.

– Господин и госпожа Варданассир, дозволено ли мне спросить, велика ли ваша семья? – поинтересовался Лаон в обтекаемых выражениях.

– Вы хотите узнать, есть ли у нас дети? – без обиняков уточнил Хранитель. – Да, есть. Два сына и дочь. Они уже взрослые. Сыновья женаты, дочь замужем. Старший сын – пилот звездолета, младший – вулканолог. А дочь, как и ее муж – археолог. Они публикуются вместе под фамилией Нашударран.

– Археолог?..

Такое понятие Лаону попадалось в литературе по истории цивилизаций, но он довольно смутно представлял себе суть этой профессии. Обычно он натыкался на фразы типа «по сведениям археологов», «археологи датировали данное сооружение», «артефакт из Музея археологии», и тому подобное.

– Не по всех мирах существует такая специальность, – ответил Варданассир. – Сам термин возник на планете Теллус, где археология очень развита, ибо там одна цивилизация буквально наслаивалась на другую, и для того, чтобы добраться до первоначальной, нужно было производить основательные раскопки.

– На Лиенне раскапывать нечего, – с некоторым сожалением сказал Лаон. – И, насколько я знаю, на Уйлоа такой

профессии тоже не существовало.

«Или же она просто не поощрялась», – вдруг подумал он про себя. В отличие от молодой Лиеннской империи, ее прародительница на Уйлоа существовала около тысячелетия. Там, наверное, нашлось бы, что раскопать. Но, даже если здешние власти так любят секретничать, не пуская исследователей в служебный архив Императорского правительства, можно лишь вообразить себе, насколько строго хранились тайны подлинного Императорского архива и Императорского дворца. Его величество Уликен Последний был убит, когда пытался скрыться вместе со всей семьей в подземной части дворца в том, уйлоанском, Уллинофароа. Значит, там находились и длинные ходы, и хранилища всевозможных ценностей, и залы, и комнаты. Эти карты до сих пор являются государственной тайной, ни рассмотреть их в деталях, ни снять копию невозможно даже в научных целях. Смотрители и экскурсоводы Императорского музея уверяют, будто нет никакой практической необходимости вникать в такие детали: на Уйлоа больше попасть нельзя, а в современном Уллинофароа под дворцом располагаются лишь правительственная парковка, системы водоснабжения, отопления и другие технические службы. Безусловно, всё охраняется, посторонним там делать нечего, но и любоваться решительно нечем. Ничего похожего на подземную резиденцию.

От изобилия необычных впечатлений и от вкусной еды Ласси переутомилаась и на обратном пути заснула в байсу-

не. Но утром первой же фразой после обычного приветствия стало: «Папа, а мы еще поедem в гости к этим добрым инопланетянам?»... – «Если нас пригласят». – «Но ведь я вела себя правильно? Я не опозорила нашу фамилию?» – «Нет, моя радость, ты очень понравилась господину и госпоже Варданассир. Однако слишком часто докучать им нельзя. В этот раз я сам попросился в гости, а теперь нужно выждать время, иначе это покажется навязчивостью».

Лаон подозревал, что их визит не одобрило бы и руководство Императорского университета. Контакты с инопланетянами вовсе не запрещались, но и не поощрялись вне официальных мероприятий и вне публичных пространств. До сих пор Лаон встречался с господином Хранителем там, где их могли видеть все окружающие. Вдобавок Лаон знал, что во всех Императорских учреждениях имеются средства мониторинга обстановки, включая незаметные камеры. К ним настолько привыкли, что перестали их замечать и даже находили весьма полезными при разборе изредка случавшихся инцидентов: повреждениях ценного имущества, громких ссор, оскорбительных выпадов против коллег, жалоб студентов на предвзятость экзаменатора.

Резиденция консула Виссеваны и представителя Межгалактического альянса тоже, несомненно, просматривалась со стороны. Но за ограду правительственные службы безопасности доступа не имели. Если там и работали камеры, то не лиеннские, а виссеванские. Лаон, впрочем, не думал, что

господин Варданассир записывал их ученые разговоры или детское щебетание Ласси. Он и так знал про Лаона самое важное: какие издания тот закачал в свой девайс. Руководство же университета об этом понятия не имело. И Лаон не собирался делиться со всеми коллегами драгоценными приобретениями. Сначала он должен освоить их сам.

Он жадно набросился на полученные сокровища и некоторое время перескакивал с одного на другое, не решаясь остановиться на чем-то единственном. Попутно он понял, что нужно учить и другие языки, распространенные в межгалактическом научном общении. Например, чрезвычайно полезные труды некоего Сира Колина Маклеода (или за этим заковыристыми именем скрывается дама?) в оригинале написаны на универсальном английском – языке, практикуемом в системе Соль, где главная обитаемая планета – Теллус, а на многих других есть колонии или орбитальные станции. Они, конечно, переведены и на космолингву, однако автор в предисловии предупреждает, что многие аутентичные понятия не поддаются адекватной передаче, а некоторые фрагменты пришлось сократить, иначе объем поясняющих комментариев превысил бы размеры повествования. Прочитать эти книги необходимо! «Древние империи Теллус в проекции на современность», «Основные религии крупных цивилизаций Теллус», «Космические войны как мифологема цивилизаций переходного типа»...

Некоторыми открытиями он тотчас же делился с дочерью.

Показывал ей иллюстрации и видео, цитировал самые увлекательные фрагменты.

Она изумленно разглядывала изображения жителей Теллус.

– Какие они странные, папа! Два глаза – я понимаю, у наших друзей виссеванцев тоже два. А эти тоже меняют цвет?

– Нет, насколько я понял, кожные покровы у них стабильны.

– А почему тогда одни темно-коричневые, другие посветлей, а третьи... фу, какая гадость... белые?..

– Вероятно, они такими рождаются. А оттенки – из-за смещений разных генов. У нас ведь тоже у кого-то кожа более серая, у кого-то зеленоватая, у тебя, как и у твоей мамы, с серебристым отливом...

– А зачем они носят шкуры на голове?

– Какие шкуры?

– Ну, вот...

– Это называется «волосы».

– Ужас какой! Почему они их не уничтожат с помощью химии?

– В их культуре длинные пышные волосы – это очень красиво.

– А у некоторых всё лицо в волосах! Словно дикие звери. И вдобавок многие скалятся! Показывать всем свои зубы – разве это пристойно? Или они всё время кого-то хотят укусьить?

– Нет, Ласси, наоборот: если зубы открыты, то значит, они чему-то радуются и демонстрируют полное дружелюбие.

– Неужели? Всегда? И на этой картинке?

– Здесь – нет, тут женщина с Теллус кричит, вероятно, от страха. Или ей очень больно.

– И как их понять?..

– Дорогая, если они посмотрят на нас, им тоже покажется, будто мы странные и некрасивые. Потому что у нас три глаза, нет волос и вообще мы другие.

– Виссеванцы, по-моему, намного приятнее. Они так интересно светятся и переливаются.

– Главное, что они прекрасно нас приняли.

– Они наши друзья?

– Можно думать и так.

Беседа с психологом

Неожиданно Лаона пригласили в школу – побеседовать с классным психологом, госпожой Финнай.

Он недоумевал. Ласси училась с удовольствием, ей всё нравилось, она никогда не жаловалась на несправедливость учителей или ссоры с одноклассниками. Что там стряслось?

Утром он занимался со студентами – принимал текущий зачет. Общал зайти во второй половине дня, когда дети, пообедав и отдохнув, перейдут в танцевальный зал, а потом в бассейн.

Госпожа Финнай оказалась ему знакома. Она присутствовала на вступительных испытаниях. Периодически он видел ее в библиотеке университета, но лично они не общались. Немолодая, невзрачная, незаметная, при этом державшаяся повсюду как дома. Чья она родственница, Лаон не выяснял. Возможно, из тех ученых дам, которые так и не вышли замуж.

В школе ее кабинетом служила комната отдыха. Кресла, пуфики, много растений, большой аквариум со стайкой радужных ассионов, игрушки в виде разных зверушек, доски для рисования.

– Я готов вас выслушать, госпожа Финнай, – сказал Лаон, усаживаясь в одно из кресел. – У моей дочери что-то неладно

с учебой или с поведением в классе?

– Нет, господин Саонс. Илассиа учится хорошо и ни с кем не ссорится. Но меня кое-что беспокоит.

– А именно?

– У нее нет друзей.

– Отчего вы так думаете?

– Мы вчера задавали детям написать на уроке словесности два эссе. Проверялась не только грамотность, каллиграфия и владение письменной речью, но и некоторые представления о себе и о своем окружении.

– Вы хотите мне показать сочинения Илассиа?

– Ради этого я и предложила вам встретиться, господин Саонс. Прочтите, пожалуйста.

«Илассиа Саонс. Сочинение первое.

Тема: Мои друзья.

Мои друзья – инопланетяне. Они прилетели с далекой планеты по имени Виссевана. Их зовут господин и госпожа Варданассир. Фамилия очень трудная, но я ее выучила, чтобы не ошибиться. Невежливо перепутывать имена друзей. У них большой и красивый дом на окраине нашей столицы. Там недалеко живут наши родственники, господа Майвэй. Но туда меня в гости еще не звали, а к инопланетянам пригласили вместе с моим папой. Они его уважают. Они тоже ученые. Госпожа Варданассир очень добрая. Мы разговари-

вали о жизни в других мирах, а потом обедали. Угощение было вкусным. На прощание они нам сказали: приезжайте еще, друзья. Мне понравилось с ними дружить. Надеюсь, мы еще встретимся».

– И что тут такого? – удивился Лаон, дважды перечитав эссе Илассиа. – Стиль, пожалуй, небезупречен. Ее устная речь намного богаче. Видимо, девочка старалась писать попроще, дабы не наделать ошибок.

– Вам не кажется неестественным, господин Саонс, что у вашей маленькой дочери не нашлось, о ком написать, кроме инопланетян, которых она видела один раз?

– Вероятно, они произвели на нее сильное впечатление. Странно, что она ни словом не упомянула их внешность. Виссеванцы не похожи на нас. Они светятся в темноте и произвольно меняют цвет кожи.

– Но возможна ли настоящая дружба с подобными существами?

– Под дружбой, госпожа Финнай, часто подразумевается просто отсутствие неприязни и взаимный доброжелательный интерес. В этом смысле – конечно, возможна.

– Хорошо. Прочитайте второе эссе.

«Илассиа Саонс. Сочинение второе.

Тема: Мой лучший друг.

Мой лучший друг – это папа. Мне кажется, он самый замечательный папа на свете. Он добрый, умный, заботится обо мне и о дедушке с бабушкой. Он много работает, но гуляет со мною в парке, играет и разговаривает. Папа никогда не ругает меня и не наказывает, а просто объясняет, как нужно правильно делать. Я ему помогаю готовить завтрак и убирать в квартире. В выходные он водит меня в Императорские музеи, покупает мне сладкое и рассказывает про историю нашей прекрасной Империи. Я хочу быть похожей на папу. Только мне больше нравится биология, а не история. Когда вырасту, тоже стану магистрой. Пусть папа радуется и гордится мной».

– И что вам тут не понравилось, госпожа Финнай?

– Эссе замечательное. Ваша дочь – чрезвычайно тонкая и чуткая девочка. Но из двух ее сочинений следует вывод: она плохо ладит со сверстниками. Все другие ученики описали в первом эссе одноклассников или близких родных того же возраста – братьев, сестер, кузенов, племянников. А «лучшим другом» у всех детей оказался другой ребенок. Причем никто не назвал Илассиа.

– Госпожа Финнай, я не вижу повода для тревоги. Моя дочь всегда находилась в окружении взрослых. До поступления в школу она росла в очень уединенном месте, на маяке близ Меннавара. Там не было никаких других малышей. Потом я взял ее в Уллинофароа. Мы живем в служебной квар-

тире, не в семейном доме, соседи – сотрудники университета и магистранты. Детей у них нет. Мне думалось, в школе она с кем-нибудь подружится. Если не получилось, то причина, возможно, не в девочке. У нее мирный нрав и весьма неплохие манеры.

– Да, господин магистр, ваша дочь умна, хорошо воспитана и не склонна вступать в конфликты. Однако у нее не сложилось привычки общаться с другими детьми ее возраста. Она держится отстраненно.

– Может быть, госпожа Финнай, вину не следует возлагать целиком на нее? Илассиа очень чувствительна к проявлениям высокомерия или пренебрежения. Она знает, что мы небогаты, и не все наши родственники считают нас ровней. Я внушил ей уверенность в собственной значимости и считаю это оправданным. Ни заискивать перед кем-либо, ни навязываться тем, кто вовсе не хочет нас принимать, она никогда не будет. Но ведь в ваши обязанности, уважаемая госпожа Финнай, входит сглаживание противоречий между учениками и создание приятной обстановки во время школьных занятий. Я не прав?

– Мы пытаемся это делать, господин Саонс. И я, и прочие учителя, и внеклассные наставники. Когда кто-то из учеников отсутствует, мы просим Илассиа сесть с кем-то рядом, на коллективных занятиях постоянно меняем пары и группы. Но наши усилия пока ни к каким результатам не привели. Она упорно садится одна, если ей не велят поступить по-

другому. И во время игр тоже держится в стороне, разглядывая растения, перебирая камешки, а то и читая книжку в своем девайсе, пока прочие бегают и веселятся.

– Если ей так больше нравится, госпожа Финнай, почему бы и нет? Я вовсе не заставляю Илассиа вести себя тихо и незаметно. По-моему, она очень живая и любопытная девочка. Просто у нее другие потребности, чем у прочих детей.

– И всё же подумайте над нашим сегодняшним разговором, господин магистр. Мы все прекрасно относимся к вашей дочери. Но именно в школе закладываются дружеские связи, которые могут облегчить и скрасить ее взрослую жизнь.

– Вероятно, вы правы, госпожа Финнай. Спасибо вам за доброжелательное внимание к Илассиа и откровенную беседу.

– Естественно, сказанное останется между нами. Вы вправе ко мне обратиться в любое время, когда возникнет потребность.

– Еще раз благодарю.

Хотя госпожа Финнай говорила не очень приятные вещи, в глубине души Лаон признавал, что кое в чем она права. Он сам оказался почти в пустоте, не сумев завести друзей ни в школе, ни в университете, ни в светских кругах. Его отдали в муниципальную школу в Меннао, неплохую, но заурядную, и там он резко выделялся среди одноклассников своей искренней тягой к знаниям. В университете – другие трудно-

сти: он жил в столице один, родители оставались в Меннао и не очень-то помогали ему. Соседи по общежитию оказались с других факультетов, вдобавок с разных курсов, у них было мало общих тем для разговоров. Богатые однокурсники избегали приглашать его в гости, хотя иногда звали на общие вечеринки. А потом в его жизни возникла Айлисса, он поссорился с Саонсами и отдалился от прежних приятелей. Овдовев же, надолго замкнулся в себе и решил, что будет жить только ради Илассиа.

Но девочка... Ей придется еще труднее. Без поддержки близких, без денег, без связей... Лаон должен достичь такого положения в обществе, чтобы Ласси была обеспечена и могла придирчиво выбирать как профессию, так и мужа. А пока пусть растет на свободе и не обращает внимания на недобрые взгляды.

Письма к Звездному императору

«Его императорскому величеству от Илассиа Саонс, ученицы школы при Императорском университете.

С неизменным благоговением поздравляю Ваше императорское величество с Днем отечества. Рада Вам сообщить, что я учусь на отлично. Мне нравится узнавать всё новое. Недавно наш класс водили на экскурсию в планетарий. Теперь я много читаю про космос и учу карту неба вокруг Лиенны. У меня всё есть, мне не хочется просить Вас ни о каких подарках и милостях. Наверное, у Вас и без меня много дел. Разве что, если можно, подтвердите каким-нибудь знаком, что Вы действительно существуете. Всего доброго Вам, Ваше императорское величество».

«Звездному императору от Илассиа Саонс.

Ваше величество, прошлое письмо я писала Вам в школе, нам раздали листки и обещали, что их отправят Вам отдельным пакетом. Но я не рассказывала там обо всем, как есть. Ведь учителя читают наши послания, исправляют ошибки и смотрят, чтобы Ваша титулатура была указана по этикету. А здесь я пишу от себя. Даже папе не покажу, попрошу, чтобы это письмо отправили Вам наши друзья господин и госпожа Варданассир, у них есть межпла-

нетная связь.

Понимаю, насколько Вы заняты. Однако, Ваше величество, мне правда важно узнать, что Вы существуете. Я хотела бы подружиться с Вами. Тогда меня перестали бы дразнить «маяком» и «ученой бакланшей». Мои одноклассники не злые, но иногда ведут себя как маленькие. Я не обращаю внимания на дурацкие прозвища и откликаюсь только на имя «Илассиа». Если они узнают, что Вы – мой друг, они будут со мною повежливее. Сама я никого не обижаю и веду себя как настоящая барышня.

Желаю Вам здоровья и благополучия, Ваше императорское величество. Мой адрес: Лиенна, Уллинофароа, улица Парковая аллея, дом 2, магистру Лаону Саонсу (для Илассиа Саонс)».

– Эй, Ласси!

Молчание.

– Илассиа! Ты оглохла?

Взгляд в сторону и ни одного движения.

– Илассиа, ну не будь задавакой...

Никакого ответа.

– Послушай, ведь мы друзья? Илассиа, не обижайся, пожалуйста!

– Добрый день, Лианнон. Чем могу быть полезна?

– Какая ты... чинная.

– Я вежлива с окружающими и настаиваю на таком же об-

хождении со мною. Мне кажется, это правильно.

– Да, но мы же учимся вместе...

– Тем более. Нам предстоит общаться еще несколько лет.

– Хорошо. Ради наших хороших с тобой отношений... дай списать задание по космолингве.

– Извини, Лианнон. Ты же знаешь. Не дам. Каждый должен делать работу самостоятельно. Иначе ничему не научишься.

– Какая же ты зануда и вредина! Неужели тебе убудет, если поделиться?

– Убудет тебе, Лианнон. Ты запустишь предмет и в итоге получишь плохую оценку.

– А зачем нам эта идиотская космолингва? Мы что, собираемся улететь в другие миры?

– Универсальный язык Межгалактического альянса входит в программу университета. Он нужен ученым, даже если они никуда не летают.

– Хорошо тебе, у тебя папа – лектор, магистр и всё прочее... А у нас в семье никто не смыслит в подобных вещах.

– Объяснить тебе я могу, Лианнон. Давай вместо танцев займемся с тобой космолингвой. Но списать – не мечтай, не дам.

– Как желаешь.

В итоге Лианнон списал задание у Ниоллы. Одинаковые ошибки немедленно вызывали подозрения у господина учителя. И плохие оценки получили оба, с напутствием никогда

так больше не делать.

Лианнон не на шутку обиделся на Илассиа. Он считал, что в случившемся виновата она.

«Его императорскому величеству от Илассиа Саонс, ученицы школы при Императорском университете.

С неизменным благоговением поздравляю Ваше императорское величество с Днем Отечества. Мы всем классом пишем Вам письма и очень надеемся, что они доходят до Вас. Вероятно, Вы очень заняты государственными делами, и поэтому нам не стоит ждать немедленного ответа. Тем не менее, мы стараемся стать достойными Вашего благосклонного отношения. Я учусь, как всегда, на отлично, кроме музыки, но она предмет не обязательный, и оценок там не ставят.

Всех благ и радостей Вам, Ваше императорское величество».

«Звездному императору от Илассиа Саонс.

Ваше императорское величество, как обычно, я добавляю к письму, отправленному из школы, свое собственное послание. Даже папа не будет знать, что я Вам пишу, это моя личная тайна.

На ответ я уже не надеюсь. Однако мне кажется, что Вы умеете читать не только буквы, но и мысли. Каким-то образом Вам удалось внушить моим одноклассникам, что-

бы они прекратили меня обзывать, а обращались только по имени. Или, может быть, они просто начали уважать меня за мои успехи и вежливость?

Дорогой Император, а можно, я всё-таки выскажу просьбу? Мне очень хочется иметь микроскоп. Ведь я готовлюсь стать биологом или даже комобиологом. В школе думают, что мы еще не доросли до работы с такими приборами. Но я знаю больше, чем прочие. Мне уже одиннадцать лет, я разумная, аккуратная, много читаю. У папы, боюсь, нет денег на дорогие подарки. Ведь мой дедушка Кайс недавно сломал ногу, пришлось оплатить лечение и помогать моей бабушке Файе, которая работала на маяке за двоих, чтобы у них не отняли эту работу. Сейчас у них всё хорошо, дедушка снова может ходить на маяк.

Если сможете внушить кому-то из наших богатых родственников идею купить для меня микроскоп, я буду очень Вам благодарна.

Бесконечно почитающая Ваше императорское величество Илассиа Саонс».

- Ласси, смотри, что нам принесли!*
- Посылка?! И на ней мое имя?!..*
- Раз твое, то ты и открой, моя девочка.*
- Погоди... Отправитель указан?..*
- Нет, пакет доставлен курьером. Осторожно, видишь, помету: «Не бросать, не переворачивать».*

С отчаянно бьющимся сердцем Ласси развязала ленту на упаковке, сняла голубую бумагу, под которой скрывался прочный ящик. Лаон дал ей щипцы, которыми она вынула кнопки.

Наверху лежала записка: «*Милой родственнице Илассиа Саонс от доктора Аллуэна Майвэя с пожеланием дальнейших успехов в учебе и с поздравлениями ко Дню Отечества*».

Она с удивлением прочитала послание, бережно отложила в сторону и занялась внутренним слоем упаковки. Наконец, показалось вождеденное содержимое.

– Микроскоп!!!

Ласси ошалела от счастья. Заплясала вокруг стола, запела что-то глоссолалическое, бросилась папе на шею: «Я верила! Так и случилось!»..

– Ну, давай извлечем его и придумаем, где разместить, – сказал Лаон, целуя дочку в раскаленную от мыслей макушку.

Прибор не был новым. Вероятно, Аллуэн пожертвовал устаревшим или даже списанным экземпляром из лаборатории своей клиники. Однако спасибо ему и за это. Больше того, в коробке обнаружился и набор химикатов, колбочек, пинцетов и стеклышек для простейших опытов и анализов.

– На столе мало места, – сказала Ласси. – Тебе негде будет работать, а есть нам придется на кухне.

– Придется купить для тебя еще один стол. Потеснимся, зато не будем мешать друг другу.

– Папа, ты самый лучший на свете! Спасибо тебе!

– Ласси, нужно поблагодарить дядю Аллуэна Майвэя.

– Дядю?.. Ах, да. Конечно. Как лучше: позвонить, написать?

– Он сейчас, вероятно, в клинике. Напиши, а он прочитает в удобное время. Вечером можно и позвонить. Любезность не бывает излишней.

«Многоуважаемому господину, доктору Аллуэну Аллуэну Майвэю от его почтительной родственницы Илассиа Саонс.

Ваш великодушный подарок, дорогой господин Майвэй, принес мне невероятную радость. Теперь я смогу заниматься своей любимой наукой дома, изучать срезы разных растений, образцы наших с папой клеток и всякую интересную микрофлору. В школе нам еще не позволяют работать с приборами, биологию мы учим по учебникам и видеофайлам. Если я собираюсь стать ученой, то этого мало. Вы очень мне помогли. Постараюсь ничего не сломать и обращаться с микроскопом осторожно и бережно.

Всего доброго Вам, поздравляю с праздником нашей великой Империи, Днем Отечества!».

«Звездному императору от Илассиа Саонс.

Ваше императорское величество, я не знаю, как вы смогли прочитать мое письмо, ведь прошло совсем мало времени, а космические расстояния велики, оно не дошло бы до другой галактики за столь маленький срок. Может быть,

произошло совпадение. Но я от души благодарю Вас за то, что Вы исполнили мое заветное желание и внушили нашему родственнику, господину Аллуэну Майвэю, желание сделать мне такой нужный подарок. Еще раз примите мои заверения в полной преданности Вашему императорскому величеству. Ради Вас я готова на всё, только не знаю, чем бы я могла Вам услужить. Ваша вечная должница Илассиа Саонс».

– Ну, Лаон, и каков был эффект?

– Дорогая Саинна, мы просто потрясены. Спасибо Аллуэну, надеюсь, он получил послание Ласси.

– Да, он был очень тронут. Сказал, она невероятно способная девочка. Его сестра в этом возрасте просила в подарок пустяки вроде платьев и электронных игрушек.

– Такие игрушки тоже бывают совсем не дешевыми и не простыми.

– Но толку в них очень немного. Кстати, Аллуэн размышлял, что лучше выбрать, простой микроскоп или электронный. Решил для начала отдать ей простой, на нем она научиться делать всё своими руками.

– Ласси в восторге!

– Я очень рада, Лаон.

– Мы, к сожалению, неспособны ответить вам равноценными преподношениями. У меня вышла книжка «История Уйлоанской империи: популярные очерки».

– Гонорар заплатили?

– Нет, издание факультетское. Дали только пачку авторских экземпляров. Я охотно вам подарю.

– Ты совсем не умеешь извлекать из своего таланта весомую прибыль!

– Руководство университета привыкло считать, что лекторы и профессора не нуждаются в деньгах. Требовать гонорар считается неприличным, коль скоро книга основана на лекционном курсе.

– А каковы твои перспективы? Диссертацию пишешь?

– Продолжаю собирать материал.

– Твои ровесники, вероятно, уже защитились.

– Я не хочу выходить на защиту с привычной темой. Мне нужно найти что-то новое, чем никто еще не занимался. По крайней мере, у нас.

– Ну, желаю успеха, – разочарованно произнесла Саинна.

– Как поживает ваша семья? – сменил тему Лаон.

– В целом... вполне хорошо. Саннуо здоров, пока его учат дома, но с третьего класса, наверное, отдадим в ту же школу, где Ласси. Мы встали в очередь, место за нами уже закреплено.

Лаон не стал спрашивать про Баллайну, но Саинна сама заговорила о ней:

– Представляешь, Баллайна с мужем вернулись в Уллинофароа. Господин Кассай получил место в департаменте внешних связей Императорского правительства.

– А он – дипломат?

– При столь знатном происхождении это не обязательно. К тому же его работа сводится к редким встречам с твоим знакомым инопланетянином и к ответам на запросы от Межгалактического альянса. Зато ему полагается служебный особняк, штат помощников, водитель байсуна и прочее.

– Да, мы, пожалуй, теперь совсем не ровня госпоже Баллайне Кассай.

– Она иногда навещает нас. Мне кажется, ей не очень радостно в этом браке.

– Детей, как я понимаю, нет?

– Пока нет. Я не рискнула расспрашивать, почему. Но выглядит она замечательно. Повзрослела и расцвела. И одета великолепно.

– Если сочтешь уместным, передай ей привет от нас.

– С удовольствием. Вы, я думаю, скоро увидите. Аллуэн собирается пригласить вас с Ласси к нам на семейную вечеринку в честь Дня Отечества.

– Если не пригласит, мы несколько не будем в обиде.

– Лаон, тебе не пристало избегать своих родственников! Хотя бы ради дочери ты обязан прийти! Связи, сам понимаешь, иногда значат больше, чем знания и таланты!

– Спасибо тебе за заботу, сестра. Пригласят – не откажемся.

Вечер вышел не самым удачным. Лаону было неловко и неприятно видеть, как его родители заискивали перед господином Эммуэном Кассаем – мужем Баллайны. Этот напы-

ценный молодой человек снисходительно отпускал заурядные реплики и почти откровенно скучал в дамском обществе. Аллуэн разговаривал с Ласси, задававшей ему недетски заковыристые вопросы по биологии, Баллайна старалась держаться подальше от Лаона, Саинна, наравне с госпожой Майвэй, хлопотала по дому, стараясь, чтобы гости были довольны хотя бы едой. Все оживились, лишь когда малыш Саннуо звонко продекламировал стихотворение «Наши сердца навсегда с Уйлоа» – классику старинной поэзии Лиеннской империи.

«Зачем я поддался на уговоры», – думал Лаон, поглощая вкусные яства и сокрушаясь о бездарно потраченном времени.

Между основными блюдами и десертом, как обычно, делалась пауза. Господин Эммуэн Кассай пожелал побеседовать с Лаоном и отозвал его в уголок гостиной.

– Насколько я понял, господин магистр Саонс, вы поддерживаете тесные отношения с нынешним консулом Виссеваны.

– Тесными, господин Кассай, я бы их не назвал. Мы изредка видимся и разговариваем как коллеги. У нас общие научные интересы.

– Однако вас приглашали в его резиденцию.

– Визит был сугубо частным, господин Кассай.

– Если бы вы заранее оповестили о ваших намерениях представителя Императорского правительства, хотя бы ме-

ня, мы бы вас попросили захватить с собой средства связи, позволяющие зафиксировать все подробности ваших бесед.

– Я бы скорее отказался от чести быть гостем консула, чем злоупотребил бы его доверием, уважаемый господин Кассай.

– Вы делаете слишком поспешные выводы, господин магистр. Ничего предосудительного не имелось в виду. Мы крайне заинтересованы в установлении связей с другими мирами, а значит, и желали бы выяснить, какие темы наших исследований приоритетны для наших коллег из Межгалактического альянса.

– Если вы спросите господина консула, он, несомненно, с удовольствием вам ответит, господин Кассай.

– Но сейчас я беседую с вами, господин Саонс. Как вам кажется, следует ли Императорскому университету упрочить связи на межгалактическом уровне?

– Безусловно стоит, господин Кассай. Иначе мы неминуемо останемся вне основных научных течений.

– Господин консул тоже так думает?

– Он готов поддержать начинания, способные изменить настоящее положение дел.

– Именно это мы и хотели узнать, уважаемый господин магистр Саонс. Благодарю вас за откровенность.

– Очень рад найти в вас столь понимающего собеседника, уважаемый господин Кассай.

Благотворительница

В начале каникул Лаон отвез Ласси к бабушке и бабушке на маяк. Отдохнув пару дней у Вайниров, вернулся в Уллинофароа. Наконец-то дочка достаточно выросла, чтобы не опекать ее с утра до вечера. Теперь она сможет сама помогать старикам. А он займется написанием очередной статьи для «Виссеванского вестника» и обдумыванием диссертации, которую от него постоянно требуют все, от родственников до начальства университета.

Выступления Лаона на ежегодных университетских конференция всегда вызывали дискуссии, хотя ему-то казалось, что его темы докладов звучали академично. *«Культ солярных божеств: сравнение древних империй Теллус и Уйлоанской империи»*. Нормальный компаративистский подход. Откуда такие страсти? Почему нельзя сравнивать цивилизации, разделенные в пространстве и времени, но обнаружившие общие черты в развитии, государственных институтах и концептуальных основах религии?.. Профессор Ойонай встал на сторону Лаона, и лишь после этого нападки на докладчика прекратились. Кому, как не главному иерофанту Императорского дворца, разбираться в подобных вещах?..

Внезапно Лаона вызвали на заседание ученого совета Императорского университета. Он удивился до крайности, од-

нако расспрашивать секретаря не осмелился. Вряд ли совет созывали ради него. Возможно, он был там нужен просто для представительства. Исторический факультет во время каникул почти опустел, а в ректорате знали, что Лаон Саонс находится в городе.

Заседание проходило в овальном зале с зелеными стенами, украшенными золотистым орнаментом и узкими зеркалами.

Лаон почтительно поприветствовал старших коллег и выбрал место слегка в стороне. По рангу ему совершенно не полагалось заседать в столь видном собрании.

Дверь со стороны ректората открылась, и в сопровождении ректора, господина Саллео Уймара, вошли господин Хранитель – профессор Варданассир, и супруги Кассай. Господин Эммуэн и Баллайна.

После званого вечера в доме Майвэй они не встречались, а там едва перекинулись парой вежливых фраз. Лаон думал, что Баллайна испытывала неловкость от воспоминаний о своем безрассудном поступке и поэтому держалась подчеркнуто отстраненно.

Господин Уймар, виссеванец и супруги Кассай встали рядом, намереваясь сделать важное заявление.

Начал ректор. Он сообщил, что правительство Лиеннской империи открывает программу по сближению Императорского университета с аналогичными межгалактическими учреждениями. Со стороны Межгалактического совета по

научным связям разумных миров программу курирует господин профессор Варданассир, консул Виссеваны на Лиенне.

Заниматься осуществлением программы будет ректорат Императорского университета под руководством специального уполномоченного Императорского правительства по внешним связям, господина Эммуэна Кассая. Но, помимо официальных инстанций, при университете создается и частный благотворительный фонд, возглавить который согласилась distinguished госпожа Баллайна Кассай. Финансирование университетских программ и мероприятий осуществляется по указам Императорского правительства и не может быть резко ускорено или в разы увеличено. Зато частный фонд обладает возможностью выдавать стипендии, гранты и премии по ходатайству университета или по собственному усмотрению. Все стороны намерены тесно сотрудничать на благо развития всех сфер науки и межпланетных контактов.

Потом выступили с небольшими речами и остальные важные лица. Эммуэн Кассай напомнил очевидную истину, буквально повторив слова Лаона, сказанные на вечере у Майвэев: вне связей с межпланетными организациями образование и наука Лиенны останутся периферийным явлением, и с течением времени отставание будет лишь нарастать. Поэтому следует освоить всё лучшее, что создано в дальних мирах, и попробовать предложить им нечто свое, благо, в Императорском университете нет недостатка в талантливых специ-

алистах.

Господин Варданассир сказал, что Межгалактический совет по научным связям разумных миров ни в коем случае не настаивает на немедленной перестройке всех образовательных и научных традиций Лиенны по внешним стандартам. Предлагаемые программы не затронут систему, сложившуюся в Императорском университете, а лишь помогут желающим расширить свои представления о том, как работают их коллеги в дальних мирах. Самый ближний из этих миров – Виссавана, и местный Межгалактический университет уже имеет некоторый опыт сотрудничества с уйлоанскими учеными. Нужно будет лишь сделать контакты постоянными и официальными.

Баллайна, явно волнуясь, говорила несколько сбивчиво. Она единственная из всех присутствующих не имела университетского образования, была младше всех и совсем не привыкла выступать перед публикой, да еще в таком качестве – дамы-благотворительницы. Поэтому она лишь заверила «достопочтенных господ ученых» в своей искренней заинтересованности проектом и обещала рассматривать каждую заявку на грант или стипендию с предельной ответственностью. Фонд сформирован сразу несколькими заинтересованными сторонами, и Баллайна ответственна перед ними всеми, так что ни о какой предвзятости речи тут быть не может. Помощь и вознаграждение получают самые достойные претенденты.

Ах, да... Для фонда выбрали символическое название «Маяк». Подразумевается, что он будет неустанно светить, привлекая стремящихся к знаниям, и показывая им надежный путь посреди космического океана.

Маяк?!.. Лаон был изумлен. Баллайна так хорошо запомнила свой давний вечерний приезд на мыс Морну?.. Или же образ горящего маяка снова всплыл в ее воображении после последней встречи в доме Майвэй, когда она спросила Илассиа, где та намерена провести каникулы, а девочка ответила – «Конечно, на маяке, как всегда!» – «И тебе не хотелось бы побывать в других местах?» – «Хотелось бы, уважаемая госпожа, но меня ждут дедушка с бабушкой. Мы не виделись с прошлого года. И вообще там я всегда свободна и счастлива. Океан, небо, звезды, птицы, рыбы – и огонь маяка, указующий путь кораблям»...

В школе за Ласси так и осталось прозвище «девочка с маяка». Она несколько не обижалась. Однако откликалась лишь на имя «Илассиа».

Собрание, созванное в столь неурочное время, шло своим чередом.

Ректор сообщил об уже предпринятых первых шагах.

На каждом из факультетов создается факультатив по соответствующей специальности. Работа профессоров и лекторов безусловно будет оплачиваться по ставкам, принятым в межгалактических учреждениях. Поскольку финансирование Императорского университета уже определено вперед на

три года, в настоящее время эти деньги поступят из фонда «Маяк». Желаящие подать заявки на грант должны представить программы факультативов к концу каникул, чтобы занятия начались синхронно с общими курсами. Можно даже сделать это прямо сейчас, если кто-то из преподавателей уже обдумывал новые темы.

Едва дотерпев до оглашения полного перечня дисциплин, Лаон одним из первых вызвался разработать в кратчайшие сроки предлагаемый факультатив по истории цивилизаций.

Теперь-то он понял, почему его, магистра и простого лектора, пригласили на это собрание. Профессор Вайянс давно знал, как Лаон жаждет прочесть этот курс, до сих пор не входивший в обязательные программы и дававшийся лишь в виде краткого и скомканного обзора перед углубленным курсом истории Уйлоанской империи. Если до сих пор изыскания Лаона вызывали у прочих коллег либо недоумение, либо протесты, то сейчас они оказались, наоборот, чрезвычайно нужными руководству университета.

Баллайна кинула на него понимающий и одобрительный взгляд, но тотчас переключилась на других собеседников.

Он быстро оформил бумаги и, естественно, получил и грант, и новую должность. Отныне он – «господин магистр Лаон Саонс, исполняющий обязанности профессора исторического факультета Императорского университета Лиеннской империи».

Каникулы, конечно, насмарку. Придется сидеть и штуди-

ровать литературу, составлять подробные планы по каждой теме, кое-что переводить с космолингвы на уйлоанский, подбирать иллюстрации, видеофайлы, консультироваться с господином Варданассиром...

Вдобавок некстати нагрывувшийся переезд. И родители, и профессор Вайянс, и Саинна, и коллеги настойчиво намекали Лаону, что квартирка, сносная для магистранта, совсем не годится для исполняющего обязанности профессора. Теперешнее жалованье позволяет снять жилье, достойное его нового статуса. Лаон держал оборону: им с Ласси места хватает, переезд причинит неудобства и отнимет время, которое он использовал бы для занятий.

Но тут вмешалось руководство университета. Квартира понадобилась другому сотруднику – лаборанту естественно-научного факультета. Господину Саонсу предоставят апартаменты поближе к месту работы, в так называемом профессорском доме. Плата будет, конечно, повыше, однако она, по меркам столицы, весьма умеренная.

Он сдался. Переехал и перевез лишь самые необходимые вещи. Занавески, коврики, покрывала оставил. Пусть пользуются или распродадут беднякам.

Новое жилье ему сразу понравилось. Последний этаж? При наличии лифта не имеет значения. Зато воздух почище, вид хороший, сбоку и сверху соседей нет, стены толстые, так что будет спокойно и тихо. Две спальни, однако в каждой, помимо кровати, стоит вместительный шкаф, ночной столик

и кресло. Мебель не слишком обшарпанная. Натереть мастикой – и будет блестеть, как новая. Кроме спален, ванной и кухни, здесь есть кабинет и большая гостиная. Можно даже принять небольшую компанию родственников или друзей. Госпожа Финнай кое в чем права: до сих пор они с Ласси вели слишком замкнутый образ жизни. Для ученого это нормально, а для девочки, почти уже юной девушки, нехорошо.

Сейчас звать сюда совершенно некого. Родители Лаона уехали в Меннао к старшему сыну. Одноклассники Ласси тоже отправились, кто куда.

Кое-как устроившись, Лаон погрузился в занятия.

Он блаженствовал. Никогда до этого у него не было собственного кабинета. Читал и писал, где придется. В гостиной, в спальне, в библиотеке университета, на кухне прежней квартирки, в архиве...

Мелодично звякнул звонок.

«Как тогда», – пронеслось в голове у Лаона. Но... с чего бы? Скорее всего, это служба доставки. Хотя он ждал заказанное ближе к вечеру.

Монитор над дверью ясно показал ему: гостья – женщина.

Он открыл.

– Дорогая Баллайна, вы уверены, что должны появляться здесь?..

– Неужели вы меня сразу прогоните, Лаон?

– Нет, ну как вы могли подумать...

– Тогда я зайду?..

– Окажите милость. Только в квартире еще совершенно не прибрано. Я обставил лишь кабинет. Остальное...

– После прежних ваших... апартаментов... эти комнаты – просто дворец.

– Мне неловко предлагать столь блистательной даме...

Не дослушав, Баллайна сама села в ближайшее кресло. Одета она была нарочито сдержанно. Темно-серое платье, чуть более светлый шарф, накинутый на голову как покрывало и затенявший ее лицо. Лишь туфли, браслет и сумочка выглядели дорогими, – для тех, кто разбирался в подобных тонкостях.

– Не бойтесь, я приняла все меры предосторожности, – сообщила Баллайна. – Водитель ждет меня у входа в университет. Я провела там недолгое время и вышла с другой стороны, через внутренний двор. У меня теперь есть пропуск во все здания. Схему кампуса я изучила. До вашего дома действительно очень удобно добираться, если знать все пути.

– И всё-таки, Баллайна, ваш поступок выглядит опрометчивым. При доме – камеры безопасности.

– Вы боитесь?... Даже если меня опознают, я скажу, что ходила к профессору Киннису. Он живет этажом ниже вас.

– Но его сейчас нет в городе.

– Значит, я его не застала.

Она произнесла эту фразу так равнодушно, будто каждый день привыкла проделывать нечто подобное. Убегать от мужа и сопровождающих, скрываться, путать следы, рядиться

в серое, прикрывая шарфом лицо...

– Лаон, вы, наверное, очень плохо думаете обо мне.

– Нет, Баллайна, что вы! Мне кажется, вы... несчастны и одиноки. Вам нужно с кем-то поговорить.

– Нужно, да. И не с кем-то. А с вами.

Он сел напротив:

– Я слушаю.

– Вы не врач. А я не больная.

– Конечно. Мы просто друзья. Всё останется между нами.

– Лаон, вы невозможны! Вы ничего – ничего – не поняли, не хотите понять, не поймете!..

– И всё же попробуйте объяснить.

– Неужели неясно? Я... люблю вас! Либо вы совершенно бесчувственны, либо я вам противна...

– Вы – чужая жена, Баллайна. Я обязан питать уважение к вам и вашему браку.

– А до этого? Какие еще отговорки вы себе приводили, чтобы выгнать меня?

– Выгнать?!.. Когда?!..

– Я уже приходила к вам. Туда, на прежнюю вашу квартиру.

– Но мы говорили о письмах к Звездному императору...

– Разве вы не почувствовали, что я была готова... остаться?

– Баллайна, это было бы сущим безумием.

– Из-за вашей дочери, да?

– Из-за вас. Я-то знаю, каково это – стать изгоем в семье по причине «неподходящего» брака. Но я всё же мужчина, я справился.

– А вы бы хотели... жениться на мне?

– В прошлый раз это было бы... преждевременно. Сейчас – слишком поздно.

– Просто вы не любили меня. И не любите. И не полюбите.

– Так, как любил Айлиссу – нет. Но любовь бывает разной.

– Скажите еще, что вы любите меня, как сестру.

– Это было бы близко к истине. Я сочувствую вам.

– И только?..

Он не стал отвечать.

– Извините, Лаон. Вы правы. Мне не стоило приходиться сюда.

– Не сердитесь, Баллайна. Ваше доверие для меня драгоценно.

– А я? Я сама?..

– Вы – тем более. Я не хочу разрушать вашу жизнь.

– И свою. И вашей дочери. Я понимаю. Только я одна виновата, что всё вышло... так.

– Ни в чем вы не виноваты, Баллайна.

– Я не должна была поддаваться напору родителей. Проще всего сказать, будто они меня заставили выйти замуж за Эммуэна Кассая. Заперли дома и не выпускали, пока я не согласилась.

– Неужели они это сделали?! – ужаснулся Лаон.

– Иногда я думаю: если бы я не сказала «да», чем бы всё кончилось? Вероятно, ничем. Не могли же они посадить меня под замок навсегда. Брат бы уговорил их смягчиться. Меня не морили голодом, не истязали, не унижали. Никаких мучений я не испытывала. Кроме отчаяния. Мне казалось, что, если я вам не нужна, то зачем противиться воле судьбы. Разве лучше остаться одной, чтобы все наши родственники и знакомые постоянно спрашивали – а Баллайна еще не замужем? Даже не обручена? Очень странно, такая приятная девушка, из такой уважаемой, знатной семьи... Неженатый мужчина не вызывает такого презрения, как незамужняя женщина, если она не вдова и не видный ученый. Я – ни то, ни другое. А надежды добиться вашей любви у меня тогда не осталось. Впрочем, как и сейчас.

– Муж совсем вас не любит?

– Поначалу я думала, он старается не задеть моих чувств и держится крайне предупредительно. Окружает заботой и роскошью, но не настаивает на супружеских ласках. Да, мы были близки... всего несколько раз. Безо всякого обоюдного удовольствия. Вероятно, его это вовсе не интересует. Он как-то обмолвился, что хотел бы наследника. Но... не слишком усердствует, чтобы тот появился. Зато придумал мне это занятие – возглавить благотворительный фонд. Ибо все благородные дамы так делают. Я сказала, что неимущим помогают многие фонды, а мне интересней было бы поддержать ученых, которым платят намного меньше, чем их труды то-

го стоят. Тут очень кстати появился ваш знакомый инопланетянин, господин... как его... Варданассир. Всё сложилось: и межпланетный проект, и правительственная программа, и моя никчемная жизнь, в которой, наконец, появился какой-то смысл.

– Дорогая Баллайна, ваша жизнь совсем не никчемна! Вы не можете знать, как она повернется. Справедливость – есть, вы достойны счастья и будете счастливы!

– Без вас?..

– Я останусь рядом. И если вам будет нужно поделиться с кем-то своими печальями, я всегда готов взять хотя бы часть из них на себя.

– Будто вам не хватает своих.

– У меня сейчас много забот, но печали давно позади. Или где-то в будущем. Не знаю. Сейчас мне открылись такие возможности, о которых я прежде не смел и мечтать.

– Я рада, что мне удалось помочь вам, Лаон. Пожалуй, мне вправду нельзя здесь задерживаться. Всего доброго вам.

– До свидания, дорогая Баллайна.

Она ушла, сделав знак, запрещающий ему даже самое беглое прикосновение. Теперь он мог бы где угодно поклясться, что ни разу не дотрагивался до Баллайны Кассай – ни публично, ни наедине.

На душе от этого было не легче. Лаон не мог понять, правильно ли он с ней себя вел. Не обидел ли своей сдержанностью. Но любая вольность могла привести к катастрофе. Ра-

зумеется, даме такого ранга нельзя пятнать свое имя никакими двусмысленными историями. Пострадала бы честь семей Кассай и Майвэй, Саонсы бы попали в немилость всем кланом, включая Саинну, а программа фонда «Маяк» оказалась бы свернутой.

И... как бы восприняла Ласси, если бы в его жизни появилась другая женщина? До сих пор они с дочерью составляли нечто двойной планетной системы. Ничто не могло разрушить их душевной гармонии. Ласси знала, что папа принадлежит только ей. А он гордился своей ненаглядной девочкой, восхищенно следил за раскрытием ее незаурядных способностей, радовался постепенно расцветающей прелести...

Нет. Ни мачехе, ни любовнице в их союзе не место. И хотя Баллайна ему нравится, сам-то он понимает, что не может ответить на ее любовь так, как она того жаждет. Айлисса останется в его сердце единственной.

Возмутитель спокойствия

Курс истории цивилизации, заявленный как факультатив для студентов-историков, неожиданно собрал столь многочисленную публику, что пришлось отвести под него просторную аудиторию.

План, заранее вывешенный на сайте, включал в себя темы, которые Лаон не считал оригинальными, но для Императорского университета они оказались новыми:

«Типология цивилизаций»; «Разновидности социального устройства разумных миров»; «Вклад отдельных разумных миров в законодательство Межгалактического альянса»; «Древние цивилизации Теллус в сравнении с институтами Уйлоанской империи»; «Межгалактические институты и инструменты общения».

По каждой теме – три лекции с последующей свободной дискуссией. Студенты исторического факультета могли посещать дополнительный семинар с углубленным изучением отдельных вопросов.

Параллельно Лаон читал свой обычный курс «История Уйлоанской империи в подлинных текстах». Все тома «Комментированных источников» он знал теперь почти наизусть и мог цитировать целыми параграфами на память.

Нагрузка резко возросла, зато и отдача ощущалась как ни-

когда до этого. Раньше его воспринимали как бывшего ассистента профессора Вайянса, иногда замещавшего учителя на занятиях. Теперь он стал «тем самым Саонсом, который преподает историю цивилизаций», и даже на рутинных лекциях места были заняты. Жалованье тоже радовало. В кои-то веки Лаон мог не ограничивать себя и Ласси в текущих расходах. Он сменил гардероб, придел растущую дочь, обновил обстановку квартиры (в профессорском доме разрешалось отказаться от мебели с инвентарными номерами), разъезжал по Уллинофароа в байсуне, не экономил на вкусной еде. И при этом откладывал деньги на будущее.

Дискуссии после лекций становились всё оживленнее, вопросы перерастали в споры.

О чем его только не спрашивали.

– Скажите, профессор, а почему Лиенну не посещают представители цивилизаций, относящихся к категориям выше четвертой и ниже второй?

– Потому что те, что ниже второй, неспособны совершать ни межгалактические, ни даже межзвездные перелеты, и не заинтересованы в них. Однако, входя в содружество разумных миров, они пользуются всеми благами, предоставляемыми Альянсом. Цивилизации, относимые к самым развитым, созданы существами иной физической конституции, они контактируют с другими мирами преимущественно виртуально, иначе может возникнуть предубеждение против их внешней формы.

– А зачем этим высшим цивилизациям членство в Альянсе, если они намного нас превосходят и могут без нас обойтись?

– Технически – да, но всякому разуму нужен контакт для познания нового. Мы способны им дать то, чего у них нет, или то, что они успели утратить.

– Что именно, господин профессор?

– Сокровища нашей культуры: язык, поэзию, способ нашего восприятия мира.

– Не опасно ли раскрывать перед всей вселенной тайны нашей Империи?

– Этого, господа мои, никто от Лиенны не требует. Мы стараемся показать им лучшие свойства нашего ума, воспитания и характера. Так и цивилизации – каждый делится тем, что полезно и необходимо другим.

– Вам внушили подобные мысли кураторы из Межгалактического альянса, профессор Саонс?

– У Лиенны, дозвоьте напомнить, нет куратора. Есть представитель Альянса, господин профессор Варданассир, он входит в комиссию по координации учебных программ Императорского университета со стандартами Межгалактического совета по научным связям разумных миров. Всё, что я излагаю, вытекает из общих принципов и устава этих организаций.

Несмотря на подчеркнутую осторожность в формулировках, Лаон Саонс вскоре прослыл воплощением вольномыс-

лия, за которое одни порицали его, а другие им восхищались.

Наиболее жаркие страсти, как всегда, возбудило сравнение социальных практик Уйлоанской империи с обычаями древних жителей Теллус, где имперское устройство было очень распространено почти на всех континентах, кроме труднодоступных и необитаемых по причине сурового климата.

– Разве можно ставить рядом нашу Империю, даже в ее прежнем виде, и то, что творили у себя на планете эти дикие полуживотные? – негодовали пожилые коллеги и не слишком осведомленные слушатели. – Уйлоанцы – носители высочайшей цивилизации, достигшей вершины могущества без истребления тысяч себе подобных, без безумного ожесточения, без кровавых обрядов, без попрания прав своих подданных!

Лаон им возражал:

– Господа мои, наша Империя развивалась тысячу лет, а империи Теллус обычно существовали гораздо меньше и либо погибали от собственных пороков, либо превращались в нечто другое. Я провожу все различия аккуратно и тщательно, нужно внимательно слушать лекцию! Никакого знака равенства между ними и нами я не ставлю, речь идет лишь о типологическом сходстве!

– От таких союзников нам надлежит держаться подальше!

– Не тревожьтесь, они и так далеко – Теллус в другой галактике, на Лиенне представители этой планеты, вероятно,

никогда не появятся.

– А скажите, уважаемый господин профессор, почему они выглядят так ужасно, но при этом по-разному?

– Физиология, если верить справочникам, у них везде идентична, различается лишь цвет внешних покровов.

– Всё равно уроды уродами...

– Представления о красоте совершенно не схожи в мирах. Это нужно понять и принять.

– Вы уверены, господин профессор, что они в самом деле разумны?

– Безусловно! Иначе их не приняли бы в Альянс. У них есть великолепные ученые и поэты, искусные математики и космоплаватели. Структуры Альянса дают нам возможность изучать их культуру, не вступая в близкий контакт.

Каждый раз он твердил примерно одно и то же. Нет, инопланетяне не представляют для Лиенны опасности. Нет, никто не намерен ни покорять нас, ни навязывать нам свои нравы, законы и идеалы. Нет, величие нашей Империи в прошлом и настоящем не подвергается никакому сомнению. А проводимые Лаоном параллели лишь яснее показывают все достоинства уйлоанской цивилизации.

По материалам прочитанных лекций он опубликовал три статьи, которые тоже вызвали споры не только в профессиональной среде. Лаон Саонс, сам того не желая, прославился. О нем говорили в светских кругах (Баллайна, похоже, сама поощряла такие беседы), с ним записывали интервью, кото-

рые транслировали по ИССО.

Так прошло три года – трудных, но плодотворных.

Оставалось лишь защитить диссертацию. Ведь за ним уже закрепилось обращение «господин профессор». Лаон пытался отнекиваться, но пришла пора привести суть и форму к полному соответствию.

Значит, придется пожертвовать еще одними каникулами?

Оба старших научных наставника, профессор Каллео Вайянс, относившийся к Лаону почти как к сыну (у Вайянса не было сыновей, лишь три взрослых замужних дочери), и профессор Нион Ойонай, ожидали, что он напишет сравнительную историю Уйлоанской и Лиеннской империй, раз уж его так увлекает компаративистика. Но Лаон, пытаясь заниматься этой темой, всякий раз натыкался на непреодолимые трудности. Хронология Уйлоанской империи выглядела совершенно расплывчатой. Можно, конечно, оправдать это скудостью сохранившихся на Лиенне источников и невозможностью исследовать артефакты, оставшиеся на погибшей планете. Однако, похоже, изъян коренился в самом представлении о неизменности и незыблемости императорской власти. Все императоры носили одно и то же тронное имя – Уликен (в старинной орфографии – Улликен). И, в отличие от монархов Теллус, не добавляли к имени ни порядкового номера, ни официального прозвища, вроде «Мудрый», «Грозный», «Милостивый», и так далее. А все принцы именовались Ульвенами, различаясь постоянно повто-

рваннымися дополнительными эпитетами – Фарион, Уллифар, Айофар, Киофар. Запутаться в поколениях уйлоанских правителей было нетрудно, и никто не стремился соотнести традиционную ономастику с хронологией. Создавалось впечатление, будто император един и бессмертен, меняется лишь его материальная оболочка, но суть остается одной и той же, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие. И как с такими исходными данными работать историку, для которого крайне важно расположить события в верной последовательности?..

С Лиеннской империей кое в чем проще – ее история намного короче, никаких императоров нет, все источники здесь, под руками. Но... к некоторым архивам не подберешься, всюду какие-то ограничения, продиктованные интересами государства, внутренней безопасностью и запретами на разглашение многих сведений. К тому же концепция любого исторического труда на Лиенне может быть только апологетической по отношению и к Уйлоанской, и к Лиеннской империи. Критиковать допустимо лишь отдельные проявления крайностей и единичные поступки конкретных лиц, да и то, желательно, не имеющих отношения к ныне живущим правителям.

Познакомившись с работами инопланетных историков цивилизаций, Лаон понял, что те ученые обладают полнейшей свободой. Пытаться привить их методологию здесь – затея, заведомо обреченная на неуспех, но, если уж писать дис-

сертацию, то лучше на очень широкую тему.

Ситуация с получением Лаоном докторской степени разрешилась внезапным образом.

Накануне каникул его вызвали в ректорат и поставили перед фактом: ученый совет постановил присудить ему степень по совокупности академических достижений и имеющихся публикаций. Да, такое возможно, но практикуется очень нечасто. Как правило, молодые ученые предпочитают сразу написать диссертацию. В отношении Лаона Саонса ни у кого нет сомнений: он уже заслужил право именоваться доктором наук и профессором. Три статьи в межгалактических сборниках, десять – в университетских, популярная монография на солидную тему, разработанный им оригинальный курс лекций по истории цивилизаций... Всего этого более, чем достаточно. От него нужно только прошение, список работ, сами тексты в электронном виде и рекомендации трех известных ученых старшего возраста. Профессор Варданасир подойдет, хотя он инопланетянин.

Относительно двух других Лаон определился мгновенно. Конечно, профессор Каллео Вайянс и профессор Нион Ойонай, его критики и наставники.

Степень была присвоена очень быстро, без привычной университетской волокиты, однако и без традиционного ритуала. Собрали ученый совет, секретарь огласил документы, Лаон сделал доклад, три профессора выступили с оценками его достижений. Спустя несколько дней он получил диплом

со всеми подписями и печатями.

Всё это выглядело слишком прекрасно, чтобы Лаон поверил в естественный ход событий. Судьба крайне редко преподносила ему такие подарки. Он всего добивался сам.

Кто стоял за его внезапным скачком по карьерной лестнице? Профессор Вайянс считал, что дела должны идти своим чередом. Напишет Лаон, наконец, диссертацию – хорошо, не напишет – винить больше некого. Дворцовый иерофант вообще не преподавал в Императорском университете, хотя его иногда приглашали на обсуждения в качестве учебного оппонента.

Баллайна – через начальство университета или через своего сановного мужа?.. Вряд ли она бы стала так откровенно вмешиваться в процесс присуждения званий и степеней. Как дама из высшего света, она прекрасно осознавала границы своих возможностей. Отказ повредил бы ее репутации и заставил бы сплетничать о неких особых отношениях между нею и ее дальним родственником господином Саонсом. Муж Баллайны занимался вопросами внешних связей и не вникал в текущую жизнь университета.

Оставался лишь виссеванец.

Предложение

Лаон поблагодарил профессора Варданассира за лестное мнение о своих трудах – и немедленно получил приглашение на обед в резиденцию консула. Их звали, как обычно, вдвоем, вместе с Ласси. Но дочь готовилась к школьным экзаменам – ей трудновато давалась словесность. Писала она легко и даже изящно, однако старинные уйлоанские тексты с их высокопарным архаическим слогом часто были ей непонятны. Она могла зазубрить их на память и бездумно продекламировать в классе, а вопросы, касающиеся конкретного содержания, могли ее смутить и заставить надолго замолкнуть.

Оставив Ласси наедине с хрестоматией по литературе Уйлоа, Лаон отправился к супругам Варданассир.

Во время обеда они обсуждали лишь нейтральные темы. Затем хозяйка дома удалилась к себе, а Хранитель повел Лаона в свой кабинет.

Там профессор Варданассир сделал ему неожиданное предложение.

– Господин профессор, присвоение ученой степени, несомненно, давно заслужено вами, и я лишь помог немного ускорить ход бюрократических механизмов. Однако должен несколько остудить вашу радость: для признания высшего академического статуса на межгалактическом уровне всё-та-

ки потребуется диссертация. И совсем другая процедура защиты.

– Вы полагаете, господин Варданассир, мне это в самом деле необходимо?

– Если вы не намерены продвигаться дальше, то нет. Но мне кажется, ваши способности могли бы найти примерение и за пределами этой планеты.

– Я же публиковался в «Виссеванском вестнике», не имея еще никаких регалий.

– Это совсем другое, господин Саонс. Я имею в виду ваше возможное приглашение в Виссеванский межгалактический университет. Если бы это зависело целиком от меня, никаких препятствий бы не возникло. Однако у нас существуют свои условности. Межзвездные перелеты дороги, Совет по научным связям разумных миров оплачивает лишь перемещение ученых высшей квалификации, либо студентов, принятых в межгалактические университеты и колледжи. Веский повод – участие в личной защите уже представленной в наш совет диссертации. Конечно, защита возможна и без присутствия кандидата, но это обычно касается представителей точных наук – математиков, физиков, астрофизиков, астрономов. Там обычно всё ясно из формул: насколько новы открытия и насколько точны расчеты. История цивилизаций, словесность, космолингвистика, космопсихология требуют развернутых текстов с подробной аргументацией. Авторы подобных работ, как правило, предпочитают живую

дискуссию. Но всё это требует тщательной подготовки. Текст должен быть написан на космолингве, соответствовать нашим научным стандартам, а его рецензирование всегда анонимно. Кандидат не знает имена оппонентов вплоть до часа защиты, а они не знают имени автора. Ничто не должно влиять на оценку: ни имя, ни внешность, ни происхождение, ни былые заслуги, ни должность.

– В Императорском университете такое, увы, невозможно, ученых не так уж много, все легко догадались бы, кто диссертант.

– Поэтому я и объясняю вам наши правила, профессор Саонс. Если бы вы пожелали стать специалистом на межгалактическом уровне, вам бы стоило выбрать тему соответствующего масштаба. Локальные исследования допустимы, если в них содержится абсолютно новая информация. История Уйлоанской империи, насколько я понимаю, исследована достаточно хорошо, насколько это позволяют сохранившиеся источники. С Лиеннской империей всё сложнее: вы сами знаете, что не все архивы открыты для изучения. Стало быть, объективной картины мы не получим ни в первом случае, ни во втором. Я нисколько не принижаю достижения лиеннских коллег. Все они очень серьезные специалисты. Но их работа связана со множеством внешних и внутренних ограничений.

– А в вашем университете – не связана?

– Нет. Межгалактические учреждения автономны. Они не

зависят от правительства данной страны или данной планеты. Конечно, местные власти участвуют в субсидировании университетов и колледжей, а также обеспечивают их необходимой инфраструктурой. Однако никакое правительство не имеет возможности что-либо предписывать преподавателям. Они сами решают, какие курсы читать, как их строить, какие источники рекомендовать студентам.

– Мой курс истории цивилизаций тоже отдан на мое собственное усмотрение, господин Варданассир!

– Это сделано в порядке эксперимента. Вы участвуете в программе, которую курирует и Межгалактический совет по научным связям, и Императорское правительство, и ректорат. От успеха программы зависит размер финансирования Императорского университета и его репутация на межгалактическом уровне среди аналогичных учреждений. Поэтому вам предоставили определенную меру свободы, быстро приобрели должный статус и заметно повысили жалованье. Но вы ведь сами видите, что некоторые идеи не встречают полного одобрения ваших коллег и вашей аудитории.

– Просто им они непривычны.

– Либо выглядят неприемлемыми. Вам приходится выражаться как можно более осторожно, обставлять свои тезисы оговорками, постоянно подчеркивать превосходство Лиеннской империи...

– Я в нем искренне убежден, господин Варданассир!

– Мне ни в коем случае не хотелось бы оспаривать ваше

мнение о том, что вам дорого, господин профессор. Я лишь призываю вас подумать о будущем. И, возможно, выбрать тему для диссертации, которая не соприкасалась бы с проблематикой прежних работ.

– То есть, начать всё с начала?

– Вам решать.

– Допустим, я рискну и представлю некий труд к защите в Виссеванском университете. Что дальше?

– В случае одобрения текста анонимными оппонентами вам оплатят дорогу туда и обратно. Но, поскольку вы – редкий специалист по культуре Уйлоа, ректорат, вероятно, предложит вам должность приглашенного профессора с трехлетним контрактом, который при обоюдном согласии может быть продлен.

– Нет. Без дочери я лететь никуда не хочу. И оставить ее здесь одну не могу. Нам обоим будет друг без друга так плохо, что лучше я откажусь от межзвездной карьеры.

– Господин профессор, я тоже думал о вашей необычайно талантливой дочери. Пока она учится в школе, вы можете, не торопясь, писать диссертацию. А потом... Почему бы ей не попытаться поступить в Виссеванский межгалактический университет?

– Но у вас до сих пор не бывало студентов с Лиенны?

– Кому-то нужно стать первым.

– Это так неожиданно, господин профессор Варданасир...

– Поэтому я завел такой разговор с вами сильно заранее. Ни просто, ни быстро подобные планы не осуществляются. Вам придется много работать. Обоим. Если только ваша дочь отнесется к моей идее с должной серьезностью.

– А экзамены ей придется держать тоже очно или дистанционно?

– Связь между нашими планетами происходит с задержками из-за огромного расстояния и различий во времени. Ей пришлют набор письменных тестов, которые она выполнит здесь и переправит на Виссевану по каналам Межгалактического совета по научным связям. Как только придет ответ о ее зачислении, вы сможете вместе ехать на космодром и дожидаться там звездолета.

– Но путь отнимет... несколько лет?...

– Столь медленно перемещаются только грузовые суда, господин профессор. И то, если грузы не помечены знаком «срочно». Впрочем, некоторые путешественники сами предпочитают этот способ преодоления межзвездных пространств, особенно астрономы и астрофизики. Часть рейса они проводят в биокамерах, а часть – бодрствуя и следя за космосом по мониторам.

– А бывает иначе?

– В Межгалактическом альянсе немалую роль играют выходцы с планеты Аис. Они умеют покорять пространство и время за очень сжатые сроки, почти мгновенно. Но не всем белковым существам, вроде нас, по нраву их устройства, на-

зываемые транскамерами. Вас туда погружают, отключают – и вы фактически умираете. А потом воскрешают в месте прибытия.

– Это не телепортация?

– Нет. Раздвоения организма и личности не происходит. Скорее, разборка и сборка с полным сохранением самосознания, памяти и физической идентичности.

– Чудеса.

– Мы не знаем, как они это делают. Аисяне не раскрывают секретов своей технологии. Однако я сам сюда прибыл на их корабле. Как видите, ничего со мной не случилось.

– Почему мы здесь на Лиенне никогда не встречали жителей Аис?..

– Они редко сюда прилетают. И стараются избегать контактов с непосвященными. Если уж моя внешность кажется вашим согражданам странной, то облик аисянина может их испугать не на шутку.

– В видеоматериалах, которыми вы снабдили меня, я не нашел ни одного изображения представителей этой цивилизации.

– Я храню их в особых файлах. Желаете посмотреть?

– Да, если вы позволите, господин Варданассир!

Виссеванец включил монитор.

Поначалу Лаону показалось, что он аппаратура испортилась. Сквозь туман едва проступали смутно искрящиеся очертания непонятно чего. Затем эти сполохи искр превра-

тились в свечение фиолетовой, синей и радужной плазмы, нестерпимо слепившей глаза.

«Это их настоящий облик», – произнес Хранитель. – «Но встречаются и варианты».

Картина сменилась. Серые тени сгустились в фигуры крошечного мрака, напоминающего снимки космических войдов – огромных прогалин в пространстве, где зарождаются новые, пока еще не светонесные, звезды. Казалось, тьма не просто концентрируется в размытой абстрактной фигуре, а вылезает за рамки экрана, давит на мозг и на психику...

«Чтобы избежать интуитивного отторжения, они придают себе облик, похожий на прямоходящих существ вроде нас. Но некоторых это лишь сильнее пугает».

Третий файл содержал изображения неких фигур в скафандрах, балахонах с капюшонами и сплошных комбинезонах с отверстиями для глаз. Издали их в самом деле можно было принять за уйлоанцев, виссеванцев или жителей Теллус. Однако почти сразу же становилось ясно: это лишь видимость. Оболочка. Внутри которой – неизвестно что. Совершенно непостижимое, чужеродное, жуткое как аберрация разума, когда сам понимаешь, что сходишь с ума, но удержаться в пределах здравого взгляда на вещи не можешь.

– На первый раз, вероятно, достаточно, – сказал Варданассир.

– Благодарю вас, – пробормотал Лаон, не узнавая свой собственный голос.

– Представляете себе, господин профессор, что будет, если наши друзья и коллеги с Аис начнут свободно перемещаться по этой планете?

– А они точно не творят в других мирах никакого зла?

– Ни малейшего, господин профессор. Аисяне всегда соблюдают законы и в точности выполняют все договоренности. Они не нуждаются в наших материальных ресурсах, не едят нашу пищу, не пленяются никакими соблазнами. Живут почти бесконечно долго, не подвержены радиации и другим губительным излучениям. Поэтому Межгалактический альянс часто назначает их кураторами и координаторами.

– А зачем им чужие миры?

– А зачем они вам или мне? Из научного интереса. Познание, как мы с вами знаем, куда более мощный двигатель наших поступков, нежели любой из первичных инстинктов.

– Они тоже пишут труды и защищают диссертации?

– Да, конечно. Один из них – наш коллега, весьма уважаемый. Вы читали его монографии. Профессор Уиссхаиньщц.

– Я удивился столь странному имени, но не думал, что он аисянин. Тексты его книг – обычные, строго академические, на ясной выверенной космолингве. Он тоже работает в Виссванском университете?

– Работал, но очень давно. Еще до моего рождения. Сейчас он преподает историю цивилизаций в Межгалактическом Колледже космолингвистики на Тиатаре.

– Даже не представляю себе, где это.

– Заведение знаменитое. Колледж не имеет статуса университета лишь потому, что готовит специалистов в одной сфере, хотя и по многим специальностям. Переводчики, лингвисты, программисты, эксперты по лингвистической гносеологии, семиотике, психолингвистике и другим подобным вещам.

Лаону показалось, будто профессор Варданассир чего-то не договаривает, однако задавать ему дополнительные вопросы постеснялся. У дипломатов таким путем все равно ничего конкретного не узнаешь.

– Ну что же, дорогой профессор Саонс, вернемся к столу, насладимся десертом. А вы обдумайте мое предложение. Только не торопитесь с ответом. И лучше избегайте огласки. Это может вам навредить, и тогда все планы сорвутся.

– Я могу посоветоваться с Илассиа?

– Убедитесь, что ваша дочь не начнет откровенничать с одноклассниками или родственниками.

– Это я обещаю. Всё останется только между нею и мной.

– Я вполне полагаюсь на вас.

Соблазны

Илассиа восприняла невероятную новость с радостным воодушевлением.

«Папа, это прекрасно! Увидеть другие миры! Познакомиться с разными существами! И... может быть... нет, не хочу говорить, а то вдруг не сбудется»...

Лаон догадывался о ее заветной, совсем еще детской, мечте: стать первой, кому суждено отыскать во вселенной Звездного императора. В Межгалактическом университете, наверное, есть такие средства космической связи, каких нет на Лиенне?..

«Доченька, нам обоим предстоит серьезно готовиться. Всё это может получиться очень нескоро. Если вообще получится. Мне нужно написать хорошую диссертацию. А тебе – получить список тем и учебных пособий для сдачи тестов. Здесь ты до сих пор изучала лишь нашу природу и биологию местных живых организмов. В Межгалактическом университете тебе придется иметь дело с совершенно другими явлениями, в том числе с неизвестной терминологией на нескольких языках».

Значит, нужно учить инопланетные языки. Космолингва – само собой разумеется, а вдобавок – виссеванский, универсальный английский и один из древнейших языков Теллус,

lingua latina, на котором существует очень развитая биологическая и медицинская систематика.

Учебники и программы для поступающих в Межгалактический университет Лаон вскоре добыл у Хранителя. Ласси погрузилась в них с головой, и отцу приходилось заставлять ее прерываться хотя бы на еду и прогулки, но и в парке она на ходу повторяла грамматические парадигмы, бормоча какие-то диковинные слова, которые можно было принять за магические заклинания. Вечерами они вдвоем пытались разговаривать на этих языках, сбивались, поправляли друг друга, веселились, шутили, спорили, сочиняли длинные фразы (возможно, с ошибками) – и постепенно продвигались вперед.

Все мелкие огорчения, трения с окружающими, замечания старших стали выглядеть совершенно ничтожными и никак не влияющими на их будущую невероятно прекрасную жизнь. Ласси очень гордилась отцом, а он – своей умной, благовоспитанной, очаровательной и при этом скромной, отзывчивой и чуткой дочерью.

Родители Лаона и семейство Майвэй смотрели на своеобразное воспитание Илассиа как на профессорскую причуду, однако втайне гордились талантами «девочки с маяка». Аллуэн подарил ей еще один микроскоп – на сей раз электронный. А Баллайна обещала повышенную стипендию, если Ласси успешно поступит в университет. Правда, Аллуэн пытался соблазнить ее медицинским факультетом, ведь

женщин-врачей очень мало, и они безусловно нужны, потому что в некоторых случаях пациентки предпочитают именно их, да и к детям они умеют найти особый подход – малыши их меньше боятся. Врачи зарабатывают гораздо больше обычных ученых, а защитить диссертацию, если уж Илассиа сочтет это нужным, можно и по медицине. Практику он обеспечит ей в своей клинике, так что ко времени окончания университета Илассиа станет опытным специалистом.

Но Ласси твердо определилась с профессией. Лечить себе подобных – благородное дело, однако ей хочется изучать все виды живых существ в их взаимодействии с друг другом и с окружающим миром. Особенно – тех существ, что живут в океане, ведь там еще так много всего неизведанного...

Синнан и Ассона с изумлением слушали разговоры не по летам ученой внучки на непонятные темы с еще более учеными и вдобавок знатными родственниками. С точки зрения старших Саонсов, это выглядело вызывающе и совершенно неправильно. Впрочем, коль скоро манеры Илассиа отточены ныне до блеска, образованность станет для девочки дополнительным преимуществом: несмотря на сомнительное происхождение по материнской линии, она сможет занять высокое положение в обществе – вроде того, которое занимает ныне госпожа Баллайна Кассай. Будущий муж несомненно порадует, получив ее в жены. Только бы при выборе жениха для Илассиа ее сумасбродный отец не наделал непоправимых ошибок и не пошел бы на поводу у неопытной,

зато крайне упрямой дочери.

«Ей бы надо было родиться мальчиком», – вздыхали и Вайниры, и Саонсы. «Зачем?» – удивлялся Лаон. – «Я счастлив, что у меня такая чудесная девочка!» – «Нелегко ей придется», – вторили друг другу и обитатели маяка, и столичные родственники. – «Почему? Илассиа не придется выбираться из бедности и безвестности, она дочь уважаемого профессора»...

Однако Ласси и в самом деле приходилось совсем нелегко.

По мере взросления и превращения в настоящую барышню на нее уже не только оценивающе посматривали, но и пытались сблизиться с нею – кто как мог или осмеливался.

Она считалась не только самой талантливой, но и самой красивой из учениц. Стройная, сильная, с необычным цветом серо-голубых сияющих глаз, с изысканным серебристым оттенком кожи, с гибкими тонкими пальцами, достойными аристократки – она и сейчас, подростком, не выглядит забавно нескладной, а в будущем обещает стать украшением любого, самого знатного, дома.

Одноклассницы начали ей втихомолку завидовать. Ласси давно привыкла, что никто из девочек не садится с ней рядом и не встает с ней в пару во время спортивных игр. У нее нет подруг, и никто не зовет ее в гости, хотя все знают о ее родстве с благородной семьей Майвэй.

Зато мальчишки уже неоднократно старались привлечь ее

внимание какими-то нелепыми выходками или поползновениями на вольное обхождение. Конечно же, она сразу оживала смельчаков, отвечая подчеркнуто вежливо и рассудительно. Перейти границу дозволенного ученики не могли – в школе при Императорском университете в каждом классе, помимо учителя, присутствовал и воспитатель, а вдобавок во всех помещениях, кроме колло, имелись камеры безопасности. Приставания ограничивались словами, намеками или шуточками – или якобы случайными прикосновениями во время танцев и спортивных занятий. Всё это было достаточно безобидно, но Илассиа Саонс завоевала себе репутацию горячки и недотроги, с которой лучше не связываться.

А совсем без друзей она чувствовала себя ущемленной. Раньше с ней избегали водиться потому, что она – какая-то «девочка с маяка», неизвестно зачем затесавшаяся в класс, где дети – сплошь из богатых и именитых семей. Теперь же ее упрекали в том, что она кичится своим особенным положением. Надо же, ездит в гости кинопланетянам, имеет собственный микроскоп, а сиятельная госпожа Баллайна Кассай – ее родственница... Всякий раз она оказывалась не такой, как все, непонятной чужачкой, лишней в любой компании.

Ласси начала искать общения со студентами Императорского университета. Первым делом выпросила себе позволение посещать биологическую лабораторию – делать там любую порученную работу, мыть пробирки, ухаживать за подопытными рыбами, животными и растениями, слушать лек-

ции преподавателей, помогать в ходе экспериментов, вести журналы учета...

Один из экспериментов по искусственному размножению панцирных головоногих проводил сын ректора – Маллио Уймар, работавший над магистерской. Обнаружив, что Илассиа знает все названия и все особенности биологии океанических жителей, в том числе и на космолингве, он доверил ей роль ассистентки, обещав упомянуть ее имя в перечне благодарностей при защите своей диссертации. Ласси не гналась за подобными почестями, она просто увлеклась самим экспериментом. В условиях дикой природы увидеть нечто подобное было нельзя, если ты не живешь под водой или не дежуришь там круглые сутки в батискафе.

Маллио хвалил ее. Советовал почитать незнакомые Ласси статьи или книги. Просил задержаться вечером, чтобы закончить какие-то наблюдения. Окружающие привыкли, что молодой господин Уймар опекает дочь профессора Саонса и гадали, когда он с ней обручится. Они выглядели подходящей парой – молодые биологи, сын ректора и дочь профессора. Чтобы им не мешать, заведующий лабораторией и старшие сотрудники старались не мелькать лишней раз у них на глазах. С пониманием относились к тому, что Маллио иногда прикасался к Илассиа, говорил с нею доверительным тихим голосом, угощал ее фруктами или сладкими крендельцами.

Она относилась к нему как к наставнику и доброму другу. И безмерно изумилась, когда однажды он, оказавшись с

нею в закутке между аквариумом и шкафом с лабораторной посудой, вдруг властно прижал ее к себе и засунул руку под платье.

– Отпустите, пожалуйста! – строго сказала она. – Так нельзя!

– Илассиа, девочка, не пугайся, я ничего плохого не сделаю...

– Маллио, вы не должны, я вам не разрешаю!

Он попытался, стиснув ее запястья, проникнуть своим языком в ее губы.

Илассиа резко вывернулась, освободив свои руки и ударив коленом в самое чувствительное место Маллио – этому приему научил ее дедушка Кайс прошлым летом: «Если кто начнет приставать, ты хоть сможешь отбиться»...

Выбежала в хорошо освещенное место, где, как она знала, работали камеры, и, быстро собравшись, ушла.

Вскоре Маллио написал ей письмо с почтительными извинениями. Уверял, будто виной случившемуся были некие препараты, которые он принимает по назначению медиков ради поддержания умственной и физической работоспособности. Их воздействие вызвало повышенную чувственную возбудимость. Клялся, что ничего подобного больше не повторится. Он, дескать, позволил себе забыть о ее совсем еще юном возрасте, ведь она уже выглядит как настоящая барышня, а по уровню знаний превосходит и многих студентов. Приглашал вернуться в лабораторию, ибо он привык к

их совместной работе: «Ты меня вдохновляешь, Илассиа, и даешь мне советы, которым я с удовольствием слеую».

Она предпочла поверить ему и простить. Ее визиты в лабораторию продолжались. И некоторое время Маллио Уймар держался с Илассиа Саонс подчеркнуто вежливо. А потом...

Вновь настиг ее в полутемной подсобке.

– Илассиа, погоди, нам нужно поговорить...

– В другом месте, Маллио!

– Там камеры. Мне не нравится говорить под запись.

– А мне всё равно, если я не делаю ничего нехорошего.

– Я тоже не делаю! Просто хочу спросить тебя: ты в самом деле.. такая?..

– Какая, Маллио?

– Колючая и ледяная, как горный файлир.

– Я, кажется, со всеми общаюсь ровно и вежливо.

– Этого мало. Ты девушка. Неужели тебе безразличны... мужчины?

– Маллио, я не хочу отвечать. Разговор закончен.

– Постой! Признайся: ты любишь кого-нибудь?

– Да. Отца.

– Издеваешься? Ты ведь знаешь, что я имею в виду! Разве ты перед тем, как заснуть, не мечтаешь, чтобы тебя называли любимой, обнимали, ласкали в потаенных местах...

– Перестаньте произносить непристойности! Не хочу это слушать!

– Разве ты наивная барышня из старомодной семьи, а не биолог? И ничего не слышала про созревание, про половое влечение, про...

– Я читала университетский учебник по физиологии, если вы об этом.

– Там лишь теория! Пока ты не почувствуешь мужчину... совсем близко... внутри... ты совсем еще... непросвещённая... Ну, не бойся, доверься мне...

– Нет.

– Если хочешь, мы обручимся...

– Нет.

– Я готов попросить тебя в жены у твоего отца...

– Нет, Маллио.

– Почему же всё время «нет»?

– Потому что я вас не люблю.

– Дурочка. Ты не представляешь себе, от чего отказываешься!

– Нет.

Он еще раз попробовал добиться ее покорности силой. Но теперь она была начеку. В кармане платья Илассиа нашелся ножичек для разделки коамсов. Убить им никого невозможно, однако поранить – легко.

– Сумасшедшая! – ругнулся Маллио, слизнув кровь с руки. – Да я тебя...

– Что?..

– Ничего. Увидишь. Убирайся отсюда!

Илассиа убежала и больше не возвращалась в лабораторию. Папе сказала, что эксперимент закончен, ее помощь больше там не нужна, и вообще у нее другие заботы, на сей раз со школьной программой.

Сплетни

По словесности они проходили «Песнопения уйлоанских океанид» – «Уйлоаа алуэссиэй инниа», чрезвычайно старинный и крайне трудный для понимания сборник то ли песен, то ли стихов на архаическом языке, в котором часть слов вообще была непонятна, а другая часть сочеталась между собою так, что смысл ускользал.

Эти тексты считались великим памятником уйлоанской поэзии. Учить наизусть весь сборник не требовалось, спрашивали лишь фрагменты. Но даже их никто из учеников школы при Императорском университете толком не понимал. Чтобы зазубрить необходимый минимум и получить зачет, ученики изощрялись, приспособливая стихи под мелодии нынешних песен, иногда легкомысленных. Однако в классе требовалось декламировать гимны с серьезным торжественным видом, слегка нараспев. И, как только кто-то пытался такое проделать, прочие закрывали руками лицо, ибо им становилось невыносимо смешно и неловко.

– Папа, зачем нас этим мучат? – недоумевала Ласси. – Какой смысл в бесполезном знании?

– Доченька, никакое знание не может быть бесполезным. «Алуэссиэй инниа» – часть нашей великой истории и культуры.

– Пустые слова! Ты можешь мне объяснить, кто такие те самые алуэссы?

– Певчие океаниды Уйлоа.

– А конкретнее? Амфибии? Земноводные?

– Ласси, откуда нам знать?

– Если они жили в море, у них были жабры? Дыхала? Плотная жировая прослойка? Плавники – рулевые и хвостовые?

– Не думаю. Судя по текстам, алуэссы могли подолгу находиться на глубине, однако не имели ничего общего с рыбами, гихорнами и улликанами.

– И при этом отлично пели, да? Тебе не кажется, папа, что это нелепо? Когда я плаваю на маяке, мне совсем не до песен. Под водой вообще не споёшь, захлебнёшься. Наверху звуки голоса глушит шум волн и крики птиц. Они кричат куда громче, чем мы можем петь. Ниссоа, илассиа, эйва, флайо...

– Дорогая моя, скорее всего, в этих текстах – красивый вымысел. Сказки. Ведь ни в одном историческом документе нет ни слова об алуэссах.

– Почему же тогда нас заставляют учить наизусть стихи про существ, которых никогда не бывало?

– Потому что от древней уйлоанской словесности сохранилось очень немногое. Лишь то, что попало в школьные хрестоматии. Несколько гимнов в честь Императора, «Летопись Уллинофароа», «Повесть о мудрой деве с Сеннара»...

– И молитвословия церемонии у очага, которые нельзя разглашать. Хорошо бы и тексты «Алуэссиэй инниа» отнести к сакральным – всё равно их никто понять неспособен, даже профессора словесности или господин дворцовый иерофант.

– Всё-таки, милая, выучи заданное.

– Ладно. Выучу и забуду.

– Никогда не знаешь, в какой момент оно тебе может понадобиться. Помнишь, как на вступительном испытании в школе ты блеснула словами «архитектура», «пропорция» и «симметрия»?

– Убедил. Но там всё логично. А этого я никогда не пойму.

Ласси едва ли не единственная из учеников сумела получить за декламацию выученного отрывка высший балл. Потом все писали эссе «Как я представляю себе алуэсс». У нее получилось эссе на другую тему: «Почему алуэссы – фантастический вымысел». Она четко аргументировала свой тезис данными из биологии и физиологии. По ним выходило, что подобных существ природа породить не могла, а значит, они – плод воображения неизвестного автора, и потому каждый волен представлять их себе какими угодно. За эссе поставили «хорошо», с примечанием: «отклонилась от заданной темы, но обнаружила оригинальный взгляд на предмет».

После разрыва всех отношений с Маллио Уймаром она побаивалась, что взбешенный сын ректора попытается ей отомстить, и поэтому, когда Лианнон Каннейс вызвался проводить ее из школы до дома, Ласси не отказалась.

Они мило болтали о том и о сем. Лианнон собирался поступать на экономико-юридический факультет. Им в семейном деле нужен специалист с университетским образованием. Каннейсы – богатые судовладельцы, теперь они наладили трансокеанское сообщение с Лиолланом. Пока оно не приносит больших доходов, поскольку велики затраты на страховку и путевые издержки. Но перспективы прекрасные, скоро откроется филиал компании, и даже если со временем на Лиоллан полетят суннолуллы, многие пассажиры предпочтут куда более долгий, но надежный и увлекательный путь по воде.

Возле дома Лианнон спросил, не пригласит ли Ласси его к себе, чтобы продолжить их разговор в домашней обстановке. Она сказала, что не собиралась принимать гостей, и вообще, если папа дома, они помешают ему заниматься, а если его нет, то порядочной девушке неприлично звать к себе юношу и оставаться с ним наедине.

– Ты так боишься недовольства отца?

– Я просто следую правилам, принятым в нашем обществе, Лианнон.

– И весьма дорожишь своей честью?

– Конечно.

– А знаешь, что про тебя говорят?

– Мне нет дела до сплетен.

– Смотря каких, Илассиа.

– И... каких же?

– Тема, знаешь ли, щекотливая. Посреди улицы обсуждать ее явно не стоит.

– Лианнон, мы можем пойти... ну, хоть в парк.

Он кивнул. До парка недалеко. Посидеть вдвоем там приятно. Если следовать совсем уж строгому этикету, принятому в семьях аристократов, то это тоже не поощряется. Но к «девочке с маяка», «ученой бакланше» и «подруге инопланетян» таких требований предъявлять не будут.

Ласси решительно отказалась устроиться на скамейке под тентом, огражденной с обеих сторон густыми кустами. Другая скамейка стояла почти у дорожки, по которой постоянно ходили гуляющие. Наконец, обнаружилось идеальное место: отдельные складные стулья, стоявшие у декоративного прудика. Можно было сесть поближе друг к другу, но не вплотную, дабы не провоцировать любопытных взглядов.

– Так что ты хотел сказать, Лианнон?

– Илассиа, ты... мне нравишься.

– Благодарю тебя.

– Но ты временами невыносима.

– Разве я тебя чем-то обидела?

– Ты изображаешь из себя высокоблагородную даму.

– Я стремлюсь ею стать.

– Ничего не получится.

– Почему?

– Из-за слухов.

– Слухов?!..

– Илассиа, я не хочу в это верить.

– Во что?!..

– Говорят, ты холодная и надменная – лишь для видимости, напоказ, чтобы скрыть свой позор.

– Какой позор, Лианнон?!.. Ты о моих отношениях с Маллио Уймаром? Там не было ничего позорного. Я ходила в лабораторию, помогала с экспериментом. Работа закончена, больше я там не появлялась, господина Уймара давно не видела. Что там насочиняли про нас, я не знаю. Моя совесть чиста.

– Всё намного хуже, Илассиа.

– Говори, если ты в самом деле мой друг, Лианнон!

– Ходят всякие разговоры, будто ты... мне даже выговорить такое противно...

– И всё же?..

– Будто ты... спишь с отцом.

Илассиа потеряла дар речи. Ей казалось, будто она заискрилась от гнева, как менявший цвета виссеванец.

Кто такое придумал?!...

Она уже знала, кто. Ведь он угрожал ей: «Да я тебя!»... Илассиа думала, Маллио подстережет ее где-нибудь и попробует совершить насилие. Но нет, такой поступок не остался бы без последствий. А чудовищная клевета – материя неуловимая. Экспертизу не проведешь. На камеру не зафиксируешь. Кто кому нашептал, в каких выражениях, в какой момент злые, но пустые слова превратились в якобы общеиз-

вестную истину – невозможно установить.

И как с этим бороться?

Прежний путь – рассказать всё папе – сейчас не подходит. Папу нужно беречь. Ради Ласси он решится на что угодно. Но докажет этим лишь существование между ними той любви, о которой судят превратно.

Обратиться к кому-то из их могущественных друзей? У Ласси нет ничего конкретного против того, кто запустил гадкий слух. Она не может сослаться даже на Лианнона, который не захочет быть в этом замаранным ни с какой стороны. А спрашивать каждого из одноклассников и знакомых – «вы знаете, какие безумные глупости про меня говорят?» – совсем идиотский поступок. Тем самым она лишь расширит круг сплетников.

Побеседовать с классным психологом, госпожой Финнай? Ласси заранее предполагает, каковы будут рекомендации. Постараться держаться со свестниками более ласково и дружелюбно, обзавестись друзьями, почаще звать их к себе в гости. «Вы, милая, слишком рано развились, общаясь только со взрослыми. Вероятно, поэтому интуитивно ищете избранника старше себя, который мог бы в какой-то мере заменить вам отца. Если вы сами настаиваете на своей непохожести на остальных, что они могут думать о вас?»..

Она почувствовала, как Лианнон осторожно взял ее за руку.

– Илассиа. Я поверю только тебе.

– Спасибо. Но, раз говоришь «поверю», значит, сейчас не веришь. А я не намерена перед тобой ни отчитываться, ни оправдываться.

– Какая ты гордая.

– Так меня воспитали.

– Твой отец?

– И дед, и бабушка. Кайс и Файя Вайнир с маяка. Честь для них – не пустое слово.

– Илассиа, ты... совершенно необычайная девушка. Я... я люблю тебя.

– Очень тронута, Лианнон. Но лгать не буду. Не рассчитывай на взаимность.

– У тебя есть другой... возлюбленный?

– Почему я должна отвечать тебе на такие вопросы?

– Я хотел бы помочь тебе выпутаться из нынешней неприятной истории.

– Каким образом?

– Может, будем просто встречаться, чтобы прекратить эти слухи? Ничего такого, не думай. Иногда погулять, посидеть в открытом кафе, если хочешь, ходим в музей...

– Нет. Спасибо. Чтобы положить конец одной сплетне, совершенно не обязательно сочинять другую. Так можно запутаться и заиграться.

– Какая ты всё же... холодная.

– Я мыслю рационально, Лианнон. И веду себя честно. Со всеми.

– Ну, ладно. Как знаешь.

Он встал и ушел. Несомненно, обиженный.

Услышь хоть частицу этой беседы бабушка Ассона Саонс, она бы вознегодовала: «Илассиа, ты с ума сошла! Юноша из такой богатой семьи, с такими прекрасными чувствами и намерениями – как ты смела с ним говорить столь резко? Вы оба с отцом постоянно разрушаете свое собственное будущее, свое счастье, свое благополучие!»...

Ласси думала о другом.

Вероятно, действительно, она в чем-то вовсе не женщина. Пока Маллио, Лианнон и другие, кто пытался за нею ухаживать, говорили с нею как с равной, они ей нравились и были приятны. Но, как только переходили к жадным прикосновениям и откровенным словам, она сразу отшатывалась. Нет и нет! Будто что-то внутри срабатывало. С лязгом опускалась перегородка. Закрывалась наглухо дверь. Схлопывались, как у коамса, створки раковины.

Видимо, в самом деле она не такая, как все.

««Его императорскому величеству от Илассиа Саонс, ученицы школы при Императорском университете.

С неизменным благоговением поздравляю Ваше императорское величество с Днем отечества. Рада сообщить, что я скоро закончу школу, и в моем аттестате, надеюсь, будут лишь высшие баллы по всем предметам, кроме, возможно, словесности. Мы все очень Вам благодарны за то попече-

ние, которым Вы из невообразимого далека окружаете нашу планету – оно ощущается, несмотря на очевидную невозможность для Вас ответить на каждое из обращаемых к Вам посланий.

Обычно, Ваше императорское величество, я ничего у вас не прошу, понимая, насколько ничтожны все мои надобности перед Вашими помыслами и делами. На сей раз я позволю себе нарушить свои же правила, ибо положение, в котором я оказалась, чрезвычайно меня тяготит, хотя вины моей в этом нет. Некие тайные недоброжелатели нашей семьи распространяют по Императорскому университету совершенно непристойные слухи, касающиеся моей чести и чести моего любимого и уважаемого отца, профессора Лана Саонса. Снизойдите к моей почтительной просьбе, Ваше императорское величество, и сделайте так, чтобы гнусной молве не верили, и чтобы наши клеветники усовестились и раскаялись. Мы с отцом, убежденные в Вашем всеведении и могуществе, вручаем Вам наши судьбы. В нас обоих Вы всегда найдете самых верных и преданных почитателей. Будьте благословенны, да хранит Вас бескрайний космос, и всех Вам благ. Бесконечно преданная Вашему императорскому величеству Илассиа Саонс».

Илассиа аккуратно написала текст в двух идентичных копиях. Изящным каллиграфическим почерком, на старинный уйлоанский манер. Одну копию отдала учителю, дождав-

шись, пока все остальные ученики вручат ему свои вымученные послания, написанные по установленной форме. Другую унесла с собой и опустила потом в особый ящик при Императорском архиве. Она знала, что почту из этого ящика вынимают служащие и читают очень внимательно. Стало быть, господин дворцовый иерофант текст увидит. А там... пусть сбудется воля Звездного императора.

Повзрослев, она, конечно, не верила, что до Его величества, даже если он где-нибудь существует, доходят письма от десятков тысяч его подданных с далекой Лиенны. И всё же эффект от них, несомненно, порою был, а значит, обращаться за помощью к Звездному императору вовсе не бесполезно. Пусть даже нужные меры принимают исключительно местные власти, однако – от имени Императора, и ради сохранения всеобщей веры в его небесное покровительство.

Меры вскоре последовали.

Лаон с удивлением рассказал Ласси о внезапном визите к ректору Уймару господина дворцового иерофанта, Ниона Ойоная, и госпожи Баллайны Кассай. Что там произошло, никто не знает – они говорили при закрытых дверях и полностью отключенных камерах безопасности. Но через час на сайте Императорского университета появилось заявление ректора Саллео Уймара о добровольной отставке. Временно исполняющим обязанности ректора назначен профессор Вайянс. Однако и для него всё случившееся оказалось полной неожиданностью. Согласно досужим домыслам, по-

водом могло послужить недостойное поведение Маллио Уймара, на которого пожаловалась в деканат одна из студенток биологического факультета. Якобы, он обещал обручиться с нею, но не выполнил своего обещания, а она между тем отказала предыдущему жениху, и из-за всех этих переживаний забросила лабораторные опыты и не смогла сдать экзамен.

Случай вполне заурядный. У многих девушек, и старшеклассниц, и студенток, на уме в первую очередь поклонники, женихи и надежды на счастье в браке. Естественно, бывают и обиды, и ссоры, и разрывы помолвки. Но какое отношение к этому могли иметь господин иерофант и Баллайна? Какое им дело до походов Маллио? И почему ректор счел инцидент настолько серьезным, что предпочел уйти со своего поста? Или... были другие причины?

Илассиа делала вид, будто ее эти перестановки в верхах не касаются. «Какая нам разница, папа? Мы с тобой всё равно улетим в Виссеванский университет». А семейство Уймар не пропадет: господину Саллео уже предложили пост при правительстве – курировать учебные заведения всех городов. Маллио, спешно защитивший магистерскую, получил работу в Императорском Океанариуме Каллисона. Со столичной лабораторией у него ничего не вышло, однако новая должность сулит и хороший доход, и известность, и научные перспективы.

Сплетни стихли так же быстро, как начали некогда распространяться. Словно бы иссяк источник, питавший чью-

то неутоленную злобу.

И настала радость: приглашение в Межгалактический Виссеванский университет получили и отец, и дочь. Илассиа успешно сдала тесты для поступающих, а диссертацию Лаона приняли к защите на известных ему условиях.

Оставалось последнее лето на маяке. Прощание с детством, с дедушкой, бабушкой, океаном, птицами, рыбами...

А потом – мгновенная смерть. И совершенно новая жизнь: Виссевана.

Ночь на маяке

Лаону казалось, что время вокруг него сжимается в бешено завертевшуюся воронку. Как успеть завершить все дела до отлета с Лиенны? Уладить формальности в Императорском университете (путешествие на Виссевану считается длительной командировкой без сохранения жалования), сдать квартиру в профессорском доме и временно переместиться к родителям. Разобрать накопившийся электронный архив, уничтожить ненужные файлы и тщательно заархивировать нужные. Встретиться с господином Варданассиром. Взять необходимые документы в министерстве внешних сношений. Съездить в Меннао и Меннавар – попрощаться со старшими сестрой и братом, которых Лаон годами не видел, но неприлично покидать своих родственников насовсем, не сказав даже нескольких вежливых фраз. Наконец, побывать у Вайниров, вдохнуть напоследок соленого океанского ветра, поблагодарить Кайса и Файю за всё, что они сделали для него и для Ласси – и вернуться с дочерью в Уллинофароа. Оттуда – рейс в космопорт, предполетная подготовка и старт в неизвестное будущее.

Он сумел выкроить вечер, чтобы навестить семейство Майвэй. Саинна ждала второго ребенка, Аллуэн любовно ее опекал, Саннуо стал разумным и хорошо воспитанным

мальчиком, пожилые родители Аллуэна, господин Баллуэн и госпожа Эллайна, относились теперь к Лаону с уважением, как к знаменитости, хотя совершенно не понимали его желания бросить работу в Императорском университете, где после внезапной отставки ректора перед ним вырисовывалась должность главы факультета.

На семейный обед заглянула и Баллайна Кассай, извинившись за мужа, который очень занят по службе. За столом они говорили на самые общие темы. И Лаон не смог отказаться, когда она предложила его подвезти до дома на личном байсуне.

По дороге она сообщила, что собирается завтра лететь в Меннао – открывать там отделение фонда «Маяк». Уже разработаны программы для способных детей из бедных семей, кандидатов отбирают муниципальные школы, а фонд поможет им поступить в профессиональные колледжи или в Императорский университет, оплатив подготовительные курсы, дорогу и общежитие. Лаон выразил восхищение этим проектом. Ведь, не будь у Илассиа такого отца, она, при всех своих дарованиях, осталась бы «девочкой с маяка», и даже, возможно, никогда не училась бы в школе. Конечно, умных детей нужно выявлять и поддерживать, иначе все высшие должности в Лиеннской империи окажутся в распоряжении очень узкой группы знатных, богатых и хорошо образованных сограждан. Собственно, оно давно уже так, только вряд ли таланты рождаются исключительно в этих семействах.

«Ах, простите, дорогая Баллайна», – опомнился он, преврав свои рассуждения. – «Я забыл, что вы принадлежите к высшей страте»...

– Мы с вами родственники и друзья, – возразила она очень мягко. – Со мною вы можете говорить откровенно. Кстати, вы не хотели бы выступить на открытии фонда в Меннао?

– Боюсь, это никак не впишется в мое расписание. Я еду за дочкой, и почти сразу – назад.

– Вы собираетесь путешествовать поездом?

– Да, Баллайна.

– А если я приглашу вас лететь со мной иссионом? Вы сэкономите время. Я могу задержаться в Меннао, побыть на море. И затем отвезти вас с Илассиа в Уллинофароа.

– Мне неловко обременять вас...

– Иссион уже нанят, а сколько будет внутри пассажиров, неважно.

– Если ваш муж не выразит недовольства...

– Ему всё равно.

Он согласился. Это значило провести на маяке на два дня больше. Теперь он уже дорожил каждым часом, оставшимся в его распоряжении на Лиенне.

Лаон был включен в состав официального представительства фонда «Маяк» как почетный гость и приглашенная знаменитость: «Профессор Саонс, историк цивилизаций». Он действительно выступил с речью перед школьниками Меннао, рассказав им и про свой собственный путь к профес-

сорству, и про Илассиа – «девочку с маяка», а ныне студентку Межгалактического университета. «Никакие пути не закрыты, если вы талантливы, трудолюбивы, упорны, и если вам освещает дорогу к знаниям фонд «Маяк», сотрудничающий с Императорским правительством и Императорским университетом!» – напутствовал Лаон юных слушателей, восхищенно смотревших на него, настоящего профессора, и молодую, изящную, великодушную благотворительницу, высокородную госпожу Баллайну Кассай.

Потом они пообедали в ресторане вместе с Баллайной, ее секретарем и другими официальными лицами. Далее каждый следовал своему расписанию. Баллайна выразила желание погулять по Меннао в сопровождении Лаона, уроженца этого города, и он не мог ей отказать. Секретаря она отпустила, попросив оформить бумаги нынешнего мероприятия, а затем свободно располагать своим временем. Это был молодой человек, модно одетый и явно склонный к светскому образу жизни, так что он нашел бы, чем заняться в городе, где, помимо порта, имелись всякие увеселительные заведения, в том числе и такие, каких не увидишь в Уллинофароа: театр на воде, бассейн-ресторан и танцевальная площадка между подсвеченными фонтанами. Лаон несколько успокоился: если муж Баллайны не ревновал ее к этому юному щеголю, то прогулки почтенной дамы в обществе старшего родственника, и вдобавок профессора, не вызовут никаких нареканий.

Они посетили так называемую Морскую ратушу – точную

копию башни, украшавшей когда-то подлинный уйлоанский город Меннао, затем прошли насквозь приморскую набережную, посидев в открытом кафе и насладившись фруктовым мороженым. Набережная утыкалась в гостиницу очень среднего качества, а за ней находился вокзал и остановки наземного транспорта, на котором можно было доехать в любом направлении. В том числе в соседний пригород Меннавар, расположенный за грядой невысоких гор – а там уже и до маяка рукою подать...

«Знаете, Лаон, о чем я давно мечтала?» – спросила Баллайна, беря его за руку.

– Нет, откуда мне знать? Фантазии девушек бывают довольно причудливыми.

– Мои ограничивались достижимыми целями.

– Помню. Новое длинное платье для девятилетней барышни.

– Или... ночь в вашем домике на маяке.

– Неужели?

– Да. В тот единственный раз, когда мы там были, мне страшно хотелось там заночевать.

– Я думал, вас поразила убогость жилища моей родни.

– Скорее, суровость. Убогость – когда нищета, беспорядок, грязь, запахи.

– Матушка Файя следит, чтобы всё было чисто.

– И она так радушно нас приняла, хотя мы явились незванными. Теперь я понимаю, насколько это выглядело

некрасиво и бесцеремонно.

– Днем туда приплывает немало гостей. Иногда – катер за катером. Вайниры привыкли встречать всех приветливо. Для семьи это – приработок. Сейчас никакой необходимости в мелкой выручке нет, однако Файя и Кайс привыкли чувствовать себя хозяевами маяка. Правда, в дом они посторонних не пускают. Вы – мои родственники, вас не могли не приветить и не угостить.

– Лаон... А если бы мы сейчас отправились с вами туда? И я бы там... осталась на ночь?

– Баллайна, вы ставите нас обоих в двусмысленное положение.

– Никто не узнает! В конце концов, могла же я поехать на маяк с экскурсантами?

– Наши вещи в отеле...

– За вашими можно послать курьера. А мои пусть останутся. Незачем никого заранее оповещать, что я заночую не в номере. Всё нужное я могу купить в любом магазинчике, тут или в Меннаваре.

Отказать ей Лаон не смог. В мельтешащей толпе у вокзала никто не обращал на них никакого внимания. Баллайна устроилась в зале ожидания, выбрав самый затененный угол, а он действительно позвонил в отель, велел забрать свои вещи и доставить их к камерам хранения у остановки байсунов. Примерно через час курьер прибыл, Лаон с ним расплатился, нанял водителя и вызвал Баллайну, которая успела

обзавестись легкой сумкой, наполненной какими-то свертками и пакетиками.

Из Меннавара он сообщил Вайнирам, что скоро придет, причем не один, а с гостьей, которой намерен уступить свою спальню.

На катере за ними примчалась Илассиа. Видимо, Файя спешно устраивала уборку в доме и готовила угощение, а Кайс спал перед вечерним дежурством.

Ласси вроде бы вовсе не удивилась, обнаружив рядом с папой Баллайну. Очень вежливо поздоровалась, помогла спуститься в катер, пристроила сумку. «Готовы? Вперед!»... Прав на вождение катера у Ласси не было, однако в Меннаваре все ее знали, и придирается к ней никто бы не вздумал.

Самой смущенной выглядела Баллайна. Всю дорогу она куталась в купленную на вокзале легкую, словно облачко, пелеринку, в каких спасаются от яркого света дамы, праздно гуляющие по набережной. Теперь она скинула этот покров. Великолепное бледнолиловое платье со множеством складочек и изысканные босоножки годились для выступления перед публикой, но рядом с полинялым платьишком Ласси и домашним нарядом Файи казались нелепыми. «Можно, я переоденусь?» – спросила она, едва успев поздороваться. – «Да, конечно, ваша комната тут, а через дверь – колло!» – любезно ответила Ласси.

Тем временем Файя вполголоса сказала Лаону: «Ты бы предупредил нас заранее». – «Матушка, я не мог. Так сло-

жилось само». – «Хорошо, дорогой. Я устроила тебе спальное место в сарае. Света нет, возьмешь с собою фонарик. И по нужде придется ходить за компостный ящик». – «Ладно, я же не благородная госпожа, одну ночь потерплю!»..

Он отнес кое-какие свои вещи в сарай. Там было даже просторней, чем в комнатке. Внутри размещались хорошо упакованные съестные припасы, рассчитанные на длительное хранение, огородные инструменты, мотки веревок, каната, проволоки, запасные шланги и прочая утварь – ничего особо пахучего. Файя освободила нижний ярус хозяйственного стеллажа, положила туда впритык два спасательных плотика, постелила поверх внахлест два старых плаща, а на них – матрас и зимнее одеяло. Подушкой служила набитая тряпками детская кофточка.

Вернувшись в дом, они застали Баллайну в скромном синем хитоне. Она помогала Илассиа расставлять на столе тарелки.

– Бросьте, госпожа Баллайна, не надо, вы гостья, вам не пристало! – воскликнула Файя.

– Я ваша родственница, – возразила Баллайна, – и я младше вас, так что мне приятно помочь вам в хлопотах. Кстати, я привезла с собой сладостей, вот, в пакете! И коробка с печеньем!

Женский щебет и звон посуды разбудил дремавшего Кайса.

Они сели за стол как одна семья. Всё делили поровну:

и похлебку из рыбы, моллюсков, кореньев и овощей, и лепешки с сырной начинкой, и фрукты, политые сладким соусом, и рассыпчатое городское печенье. Взрослые понемногу прихлебывали вино, Ласси – воду.

– Ну, спасибо, мои дорогие хозяйюшки, – сказал Кайс. – Мне пора на маяк.

– Можно, мы навестим вас? Немного попозже? – чуть заискивающе спросила Баллайна.

Он подумал и произнес:

– Госпожа, я ведь там не просто так сижу с сумерек до утра. Я работаю. По инструкции не положено допускать туда посторонних.

– Мы не будем мешать! Только взглянем и сразу уйдем!

– Хорошо. С обязательством: ничего не трогать.

Кайс ушел, Ласси вызвалась мыть посуду, Файя, как обычно, легла спать сразу после общей трапезы. Лаону же пришлось вести на прогулку Баллайну – любоваться закатными красками, которые после заката Маира еще долгое время сияли над морем. Чтобы Баллайна не простудилась на мысу, где всегда гуляет ветер, Ласси дала ей свой плащ. «Доченька, а ты не пойдешь с нами?» – «Извините, папа и тетя Баллайна, я очень устала. Уберу со стола, приму душ – и спать. Дверь мы не закрываем, только постарайтесь не сильно шуметь». – «Спокойной ночи, дорогая Илассиа».

Баллайна как будто бы превратилась в восторженного подростка, которому всё было внове, всё нравилось и вызывало

желание продолжать, пока силы души и тела окончательно не иссякнут. И Лаону передалось ее настроение. Только для нее эта ночь на маяке была первой, а для него – одной из последних. Он тоже впитывал все впечатления, но с совершенно другими чувствами: сохранить навсегда, ничего не забыть, не утратить, очнувшись в чуждом мире, под иными созвездиями, в окружении странных существ, говорящих на неизвестных языках.

Они долго стояли на мысу, над бушующими волнами прилива, созерцали тихо гаснувшее небо, медленно наползавший с моря лиловый туман, любовались мерцанием огней Меннавара...

Когда Баллайна начала кутаться в плащ, он понял, что она озябла, и повел ее вверх, в рубку Кайса. Винтовая лестница, виток за витком, шаги двух пар ног по железным ступеням... Пока залезли, согрелись. Кайс показал им приборы, объяснял, на что он обязан обращать внимание, в каких случаях справляться самостоятельно, а в каких – немедленно вызывать помощь с берега. Прямо при них позвонило начальство с проверкой. Он немедленно приободрился и зычно ответил: «Кайс Вайнир, смотритель, на месте. Дежурство проходит без происшествий. Сигналов бедствия не поступало».

Лаон и Баллайна затаили дыхание, чтобы не выдать свое присутствие в рубке. И, как только сеанс связи закончился, поблагодарили его, попрощались и осторожно спустились. Ступеньки автоматически освещались прямо под их ногами,

но сзади сразу же погружались во мрак, и такой же мрак зиял впереди.

Проводив Баллайну до дома, Лаон собирался пожелать ей спокойной ночи и пойти в свой сарай.

«Лаон!» – вдруг припала она к нему. – «Лаон, милый! Это наша последняя встреча! Пожалуйста, не гоните меня! Я хочу... я хочу быть с вами! Совсем, до конца!»...

– Дорогая Баллайна, я ночую в месте, которое вам совсем не подходит...

– Мне подходит любое место, где рядом – вы! Скалы, мокрый песок, колючки, голые доски – неважно!

– Неужели вы до сих пор меня любите?

– Даже больше, чем прежде, Лаон! Теперь я не так наивна, как в юности, я понимаю, чего я лишилась, отказавшись от вас! И поправить уже ничего нельзя, и скоро я вас навеки утрачу... Разве я так много прошу?

– Баллайна, милая...

– Я совсем вам не нравлюсь?..

Устоять он не смог. Повел ее в жалкий сарай, освещая тропинку фонариком. Она скинула плащ, он стянул с нее платье и понял, как сильно изголодался по женскому телу, по нежным изгибам податливой плоти, по жаркому шепоту: «Ах, еще, мой любимый, ещё»...

Рано утром он ужаснулся содеянному. Обесчестить чужую жену, причем – свою родственницу, изменить давней клятве – быть верным незабвенной Айлиссе, позволить себе

поддаться тупому инстинкту, поставить в ложное положение и себя, и Баллайну, и Ласси...

А если эта ночь повлечет за собою последствия? Кто будет расплачиваться? Баллайна? Ибо он, Лаон Саонс, улетит на другую планету, где его не настигнет месть семейства Кассай?

«Не тревожься», – сказала, медленно одеваясь, Баллайна. – «Ты еще не понял, почему у нас с Эммуэном нет детей?.. Он вполне откровенно намекнул мне, что я свободна спать, с кем хочу, лишь бы это осталось в тайне. И сам приставил ко мне своего любимчика в секретари. Дескать, пусть уж ребенок, если появится, будет красивым».

– Он настолько... не ценит тебя?!

– Очень ценит. Как украшение дома. Как дорогую вещь, которой можно хвалиться в свете. Как помощницу и как советницу. Но, Лаон, он никогда не любил меня. И никогда не хотел от меня любви. Женитьба требовалась ему для карьеры. Его совершенно устраивало мое равнодушие к этому браку. Я не понимала тогда, что я делаю. Он был старше, и он понимал. А теперь ничего не исправишь.

– Ты не можешь уйти от него?

– Не могу. Даже если бы ты здесь остался, я не стала бы разрушать твою жизнь. И закрывать все пути перед Ласси. Наверное, мне станет лучше, когда вы улетите. Я буду знать, что тебя больше нет. И в то же время помнить, что ты – есть. Где-то там, далеко-далеко. Вроде Звездного императора.

– Дорогая Баллайна, я никогда не забуду тебя.

– А я обещаю тебе, что не брошу без помощи твоих близких. Кайса и Файю Вайнир.

– Они не возьмут твоих денег.

– Можно, я скажу им, что деньги – от тебя?

– Пока нет надобности, Баллайна. Я оставил им сумму, достаточную, чтобы они не испытывали нужды.

– Всё равно. Будь спокоен, когда понадобится, я поддержу их.

Он прижал ее к сердцу. Любовь – не любовь, но Баллайна вошла в его жизнь навсегда.

Планета гроз

«Господин Саонс! Вы слышите? Можете говорить?»...

Где я, что со мною... Где Ласси?!..

«Поздравляю с благополучным прибытием на Виссевану!»...

А дочь?!.. Моя дочь?!..

«Ваша дочь в другом боксе. Она тоже в полной сохранности».

Существо, с которым Лаон вел диалог, говорило с помощью лингвочипа. И не походило совсем ни на что. Оно напоминало светящийся контур, гибко менявший свои очертания.

«Позвольте представиться: доктор Хьясс. Я с планеты Келлой. Штатный враг-реабилитолог орбитального центра над Виссеваной».

Покрутив головой, Лаон понял, что лежит, обнаженный, в капсуле, наполненной приятным по температуре раствором. К его телу подключены какие-то датчики, но никаких болезненных покалываний.

«Вы с дочерью удовлетворительно перенесли перемещение в транскамерах. Все ваши органы восстановлены в соответствии с исходными данными. Первую стадию реабилитационной программы вы пройдете здесь, а вторую, включая

обязательный карантин – на Виссеване».

Лаон сделал знак, подтверждавший согласие. Говорить было еще трудно. Собственно, они с Ласси заранее знали, что их ждет. Но всё равно ощущать себя беспомощным младенцем – непривычно и странно. Наверное, всё это ненадолго. Вскоре ему разрешат подняться, потом он вспомнит, как ориентироваться в пространстве, ходить, есть обычную пищу...

Отнюдь не любой звездолет мог безопасно сесть на космодроме Виссеваны. Аисянский – безусловно, мог бы, но рейс был транзитным. Их выгрузили на орбитальной платформе, служившей перевалочным транспортным пунктом. До поверхности планеты предстояло добираться на местном космическом челноке.

Жесткого расписания не существует, поскольку движение воздушных судов сильно зависит от атмосферных условий.

Виссевана – планета гроз. Они происходят здесь часто, почти каждый день, но мощностъ, длительность и конкретное время начала грозы предсказать очень трудно. Иногда небо просто темнеет и по нему проносятся громовые раскаты. Иногда разряды молний – спорадические, единичные и локальные. Иногда над планетой сияет немислимый фейерверк, продолжающийся час-другой.

Челноки рассчитаны на случайное попадание небольшого разряда, но всё же в разгар небесных катаклизмов стараются не летать. А большие межзвездные космолеты базируются

ся на орбите. Отсюда они стартуют к далеким мирам, и сюда же прибывают для разгрузки, осмотра, ремонта и смены команды.

Лаон в космических технологиях совершенно не разбирался. Из объяснений сопровождающих он понял только одно: последний этап путешествия им предстоит проделать в полном сознании, потому что от них потребуется точное следование командам опытного экипажа. А транскамеры, в которых они прибыли, уже адаптированы под других пассажиров. Бояться чего-либо поздно. Ни пути назад, ни выбора способа перемещения нет. Неясен лишь срок ожидания.

Коротая время на орбитальной станции, Лаон с дочерью созерцали из космоса Виссевану. Они уже многое прочитали об этой планете и посмотрели несколько видео, предоставленных господином Варданассиром. Но увидеть своими глазами, понимая, что скоро и ты окажешься там – особое ощущение.

Виссевана крупнее Лиенны. Год здесь длится четыреста двадцать шесть суток. Планета пережила две больших катастрофы и два вымирания. Три тысячи лет тому назад в нее врезался астероид, из-за чего один континент раскололся на два, еще один оказался затоплен, и климат полностью изменился. Тогда погибла древняя империя Ашшуманнар, а население окраинных областей, хоть и выжило, одичало. Еще через тысячу лет виссеванцы достигли индустриального уровня и не преминули повторить ошибки неведомых им

обитателей дальних миров: они начали воевать друг с другом, создали смертоносные типы оружия и в итоге едва не уничтожили сами себя. На довольно долгое время разумная жизнь на планете могла развиваться лишь в подземных убежищах или под рукотворными куполами. Зато выжившие виссеванцы приобрели способность переносить радиацию лучше многих биологических рас.

Посланцы Межгалактического альянса посчитали планету утратившей разумную жизнь и явились на Виссевану, чтобы на месте решить, нуждается ли местная биосфера в очистке и возможно ли переселить сюда каких-либо колонистов, ибо здесь в изобилии имелись вода, плодородные почвы и чрезвычайно густая растительность.

С удивлением они обнаружили на планете вновь воскресшую цивилизацию – на сей раз совсем не воинственную и строившую себя как часть природного мира. Виссеванская наружная архитектура подражала формам скал и деревьев, транспортные коммуникации прокладывались под поверхностью, морские пути – под водой. Воздушного сообщения в то время тут не существовало из-за постоянно бушевавших гроз.

Через несколько десятилетий объединенные полисы Виссеваны выразили желание войти в Межгалактический альянс разумных миров и позволили построить орбитальную станцию над планетой и космодром на поверхности. С помощью ученых Альянса были разработаны летательные ап-

параты, способные передвигаться в столь опасных условиях. На Виссевану одна за другой прибывали научные экспедиции, которые сооружали себе отдельные кампусы – обычно под куполами, дабы ливни и молнии не прерывали работу исследователей. Из этих кампусов, расположенных несколько в стороне от самого крупного города, Наиндрагарры, постепенно составилась межпланетный университет. Оставалось лишь достроить несколько крупных зданий общего пользования, объединить все возникшие здесь научные направления в единый проект, пригласить недостающих специалистов – и можно было открывать Межгалактический университет. Альянс поддержал предложение виссеванских властей, ведь в этой части вселенной подобных учреждений почти не существовало. Колледж космолингвистики на Тиатаре не имел статуса университета, равно как межгалактические научные институты на Арпадане.

Теперь Виссевана сделалась процветающей цивилизацией, совершенно самодостаточной в экономическом отношении, неконфликтной, устойчиво развивающейся, принимающей преподавателей и студентов из разных миров.

«Уйлоанцев, однако, здесь до сих пор не бывало. Мы станем единственными», – сказал Лаон.

«Папа, мы же готовились к этому. Хорошо, что мы вместе. И значит, никто из нас не одинок».

Университет

После следующего карантина, уже на самой Виссеване, Саонсов перевезли в университетский кампус. Там их встретила юная виссеванка: «Добро пожаловать! Я – Эннанаирра, студентка, ваш тьютор. Сейчас я помогу вам устояться, покажу вам, где что находится, отвечу на все вопросы, и в дальнейшем вы можете обратиться ко мне при любых затруднениях».

Саонсам по их просьбе предоставили блок в студенческом общежитии, а не в профессорской резиденции, где Лаон мог бы претендовать на квартиру со спальней и кабинетом. Блок же рассчитывался на двух проживающих и включал две спальни, между которыми располагались санузел и общая комната, служившая и гостиной, и местом занятий. Кухни не было: в общежитии запрещалось готовить самостоятельно, разрешалось лишь подогревать готовые блюда, заказанные в магазине. Зато гостиная имела выход на лоджию, стекла которой открывались и закрывались нажатием кнопки. Там можно было и отдыхать в раскладных шезлонгах, и работать за маленьким столиком, и любоваться изменчивыми виссеванским небом, которое то переливалось яркими красками, то внезапно меркло, то сверкало вспышками молний, то тонуло в сизом тумане. При избытке влаги и

ежедневных дождях воздух обычно сгушался до осязаемой плотности.

Эннанаирра сообщила им, что в настенном шкафу приготовлены два плаща и особая обувь, предназначенная для прогулок в такую погоду.

«Вы можете потом купить себе защитную одежду по собственному вкусу, господин профессор Саонс и госпожа Илассиа. Но общежитие соединено переходом с двумя корпусами, из которых легко попасть в другие здания кампуса или на подземную остановку транспорта, откуда можно доехать до Наиндрагарры, если у вас возникнет желание познакомиться с городом. Впрочем, всё, что вам требуется, имеется в кампусе, и на первых порах я советую вам ограничиться этим».

Дружелюбно искрясь, виссеванка проводила их в приемную администрации, где отец и дочь получили коды, дающие доступ ко всем сервисам университета. Питание в общей столовой – бесплатно, если меню стандартное. Любые особенные заказы – за свой счет. Услуги медицинского центра, все библиотечные службы, спортивный комплекс – тоже бесплатно, однако к медикам нужно записываться, если случай не экстренный. Развлечения? Список экскурсий – на сайте, он каждый день обновляется, выбирайте маршруты и время. Регулярно устраиваются публичные представления силами разнопланетных студентов; иногда это состязания, иногда – нечто вроде песен и танцев, иногда – мимодрамы и пьесы,

разыгранные по ролям. При профессорской резиденции есть ресторан, там довольно высокие цены, однако кухня необычайно изысканная, обстановка приятная, и туда приезжают даже гости из Наиндрагарры.

Лаон и Илассиа слушали любезные наставления, чинно поддакивали и молча переглядывались.

Всё это резко отличалось от Императорского университета Уллинофароа. Здесь четкие правила сочетались с немислимой для Лиенны свободой.

И система обучения тоже была устроена по-другому. Вместо разграничения факультетов – поощрение взаимодействия разных ученых и дисциплин.

Илассиа поступила на факультет биологии, однако, помимо обязательных для первого курса предметов, она должна была выбрать как минимум еще два из смежных сфер, и факультатив из совсем другой специальности.

Она выбрала космобиологию, экологию и юриспруденцию. И внезапно узнала, что все они могут объединяться в рамках такой дисциплины, как биоэтика.

«Папа! Это именно то, чем я хотела бы заниматься всю жизнь! Мне нужно столько наверстывать! Я совсем ничего не знаю!» – заявила она в первый же день занятий. – «Ласси, а что это?»...

В Императорском университете специальности «биоэтика» не обучали. Даже слова такого не слышали.

«Биоэтика, папа, это наука о том, как следует изучать и

использовать природу любой планеты в ее совокупности, ибо все организмы и все процессы взаимосвязаны». – «А экология – не то же самое?» – «Нет, не совсем. Экология – часть биоэтики. Конечный результат работы специалиста – формулировка экологического законодательства или экспертиза принимаемых местными правительствами законов, касающихся экосферы планеты. Для этого нужно разбираться в том, как функционируют разные экосистемы и знать основы космобиологии».

Илассиа с головой погрузилась в учебу. Первый курс – познавательно-ознакомительный, с массой лекций, лабораторных работ, семинаров, зачетов и выездов в краткие экспедиции. На втором году выбирается специализация и возможна самостоятельная работа под руководством опытного ученого. Затем – написание дипломного проекта или магистерской диссертации и окончание университета с квалификацией «специалист» или «магистр» – на межгалактическом уровне.

Близилась дата защиты докторской диссертации Лаона. Согласно правилам, он не знал ни имен своих оппонентов, ни подготовленных ими вопросов, и это его, разумеется, волновало.

По контракту он был обязан подготовить и прочитать курс лекций для историков и всех прочих желающих – «История Уйлоанской империи в сохранившихся артефактах и документах». Лаон договорился, что курс начнется сразу по-

сле защиты, поскольку ему нужно освоиться с местной техникой и переформатировать некоторые файлы. На самом деле он просто побаивался совершенно незнакомой аудитории, сплошь состоявшей из инопланетян. Из них лишь часть – виссеванцы. Остальные – существа самого невероятного вида. Об этом он мог судить по приему, организованному на факультете в честь его прибытия. Запомнить сходу, кто откуда и как кого зовут, Лаон даже не пытался, включив режим записи на выданном ему лингвочипе. Потом, на свежую голову, он всё просмотрит и выучит.

«Во что я ввязался!» – ужасался Лаон сам себе. Улететь неизвестно куда вместе с дочерью, представить к защите диссертацию на тему, лишь косвенно связанную с курсом будущих лекций... А вдруг неудача? Вдруг – отказ в присуждении степени?.. Или унижительно компромиссный вердикт: переделать работу и снова послать на рецензию оппонентам?.. Императорский университет казался отсюда совершенно провинциальным учреждением, обросшим массой косных правил, условностей, ограничений...

Наконец, день настал.

Теперь Лаон радовался тому, что защита в Межгалактическом университете – мероприятие не публичное. Никаких праздных слушателей, никаких трансляций. Протокол под запись ведется, но присутствуют только избранные: следящий за регламентом председатель, ведущий протокол секретарь, Лаон и три его оппонента.

Диссертация называлась мудроно: «*Типологические подоби́я и институциональные различия социального устройства древних и новых империй: на примере Теллус, Виссеваны, Уйлоа и Лиенны*». В Императорском университете Уллинофароа защитить такую работу было немислимо; любые сравнения с инопланетными аналогами вызывали недоумение, а то и возмущенное отрицание, хотя Лаон всегда завершал свои лекции провозглашением очевидного преимущества Лиеннской империи над всеми прочими, какие только известны историкам цивилизаций. Здесь, в Межгалактическом университете, он опасался, что именно этот тезис вызовет упреки в необъективности, и работа будет отвергнута.

В процессе защиты выяснилось, что одним из рецензентов, рекомендовавшим диссертацию Лаона к защите, был профессор Уиссхаиньщц (нашедший в ней, однако, немало изъянов), а другим – доктор Колин Маклеод, не имевший профессорского звания, но пользовавшийся всеобщей известностью как исследователь и автор нескольких монографий.

Оппонентов же Лаон увидел впервые.

Профессор Вишшамарран, историк и археолог из Виссеванского университета. В силу весьма пожилого возраста он уже не преподавал, но числился научным советником ректора по историческим дисциплинам.

Профессор Туан Юн – этнокосмопсихолог. Лаон понял, что это представитель цивилизации Теллус, однако не сразу

догадался, что Туан Юн – не мужчина, а женщина. Она носила костюм, подобавший скорее мужчине – широкую куртку и черные брюки. Поскольку многие выходцы с Теллус предпочитают стричь свою шерсть, растущую на голове, госпожа Туан Юн тоже носила очень короткие волосы, и вдобавок они были странного серебристого цвета. Лицо ее выглядело безвозрастным и бесстрастным, однако, приглядевшись, Лаон понял, что дама – уже пожилая и привыкшая наблюдать, а не вмешиваться в события.

Наконец, достопочтенное Сайюлло-Сайюлло, тоже профессор, специалист по исторической космолингвистике, выходец с планеты Алечуа. Как Лаон уже знал, алечуанцы – неопределенного гендера и настаивают на именовании себя в среднем роде, «оно». Внешность достопочтенного Сайюлло-Сайюлло казалась милой и безобидной: оно имело вид мягкой пухлой подушки с поперечными перевязками, облаченной в уютный синеватый футляр. Но алечуанцы весьма сильны в точных науках, они славятся как великолепные программисты и экономисты, а некоторые становятся даже хронавтами.

Почему оппонентами назначили не чистых историков, а представителей смежных специальностей, стало ясно из их выступлений. Каждый, не сговариваясь, подчеркивал своеобразие работы профессора Саонса, отсылающей читателя к нескольким сферам науки. Вишшамарран хвалил осведомленность Лаона в археологических методах, хотя указывал

на умозрительность самого подхода: коллега ведь никогда не участвовал в археологических экспедициях. Госпожа Туан Юн с одобрением отозвалась об анализе архаического и современного имперского сознания как метаформы светской религии, однако отметила некоторые нюансы, которые не были Лаоном учтены при сравнении древних восточных империй Теллус с Уйлоанской. И лишь достопочтенное Сайюлло-Сайюлло не высказало серьезных возражений. Напротив, оно подчеркнуло важность идей диссертанта, которые увязывали историю и космолингву. Лаон посвятил целый раздел вопросам терминологии социальной структуры обществ имперского типа и императорской титулатуры, причем дал все аутентичные термины не только в транскрипции, как обычно, но и в переводе, что позволило провести ускользавшие ранее семантические параллели. К тому же мысль о связующей и цивилизующей роли межгалактического языка, хотя и отнюдь не нова, приобрела здесь дополнительные аргументы, и на труд господина Саонса, несомненно, будут ссылаться и историки, и космолингвисты.

Лаон подискутировал с каждым из трех оппонентов, затем состоялся общий диспут, – и, наконец, его попросили на некоторое время покинуть аудиторию, дабы ученая коллегия могла взвешенно вынести должный вердикт.

Он вышел опустошенным, предчувствуя скорый провал всех надежд. В голове звенели голоса инопланетян, препарировавших его работу как некое мертвое тело и выскивав-

ших в нем слабые признаки жизни.

В холле его дожидалась Илассиа. Перед дочерью он не должен был показывать даже намека на неуверенность, но она понимала его без слов. Они обнялись. «Ждать, вероятно, недолго», – произнес он деланно бодрым тоном.

Минуты тянулись как осязаемое, очень плотное и тяжелое вещество.

«Господин профессор Саонс, прошу вас присоединиться к коллегам!» – наконец-то позвал секретарь.

Дальнейшее он воспринимал почти безучастно, хотя нужно было бы радоваться: ученую степень ему присудили, и уже через пару дней он сможет забрать в канцелярии свой диплом профессора исторических наук, признанный на межгалактическом уровне.

Открытие

На небольшом приеме с угощениями, организованном в специальном зале при общей столовой, Лаона поздравляли и оппоненты, и коллеги по историческому факультету, и допущенная в этот избранный круг Илассиа.

Он по очереди поблагодарил каждого из оппонентов за увлекательную дискуссию. Теперь многое можно было обсуждать без оглядки на протокол и не подбирая слова в поисках безупречных формулировок.

Достопочтенное Сайюлло-Сайюлло вдруг спросило: а почему многоуважаемый профессор Саонс не упомянул и не внес в библиографический список труды магистра Джеджидда? В оппонентском отзыве этот вопрос отсутствовал, как не имевший прямого отношения к сути дела, однако, по зрелому размышлению, алечуанец счел необходимым выяснить: было то следствием досадной неосведомленности или, напротив, сознательно выраженной позиции.

Лаон весьма удивился. Он не слышал ранее имени этого... магистра Джеджидда. Почему ему следовало ссылаться на его работы? Он кто, историк? – «Нет, многоуважаемый профессор Саонс, магистр Джеджидд – весьма известный космолингвист». – «Но, смею напомнить, моя диссертация, достопочтенное Сайюлло-Сайюлло, скорее исторического ха-

рактера, нежели лингвистического. Разве столь ценимый вами магистр Джеджидд что-либо писал о Лиеннской или об Уйлоанской империи?».. – «Нет, многоуважаемый профессор Саонс. Но всё-таки очень советую вам ознакомиться хотя бы со списком его трудов, начиная с магистерской – она представлена в нашем инфоцентре».

Космолингва и космолингвистика – это совершенно разные вещи, как давно уяснил себе Лаон. Первое – универсальный язык межгалактического общения, сконструированный логично и просто. Фонетика подходит для большинства космических рас, обладающих речевыми органами, а при отсутствии таковых легко моделируется любым лингвочипом. Грамматика не содержит никаких исключений. Сложность может представлять только лексика, включающая в себя огромный тезаурус, почерпнутый из разных миров и профессий. Но в обиходных ситуациях никаких изысков не требуется. И даже написать диссертацию на космолингве не так уж трудно, освоив принципы и нарастив необходимый словарный запас. Преткновение может возникнуть лишь в сфере изящной словесности и эмоционального взаимодействия: в космолингве нет места метафорам, поэтическим иносказаниям, каламбурам, сленгу или локальной идиоматике. Для науки же это скорее к лучшему: нет опасений, что тебя неверно поймут.

А космолингвистика – огромная сфера знаний и профессиональных умений, граничащих с виртуозным искусством.

Космолингвисты изучают все языки, обнаруженные в разумных мирах, создают всеобщую теорию языка как системы самовыражения интеллекта, переводят с одного языка на другой – включая крайне далекие друг от друга, пишут программы для лингвочипов и делают много других столь же невероятных и крайне нужных вещей.

Лаон Саонс выучил космолингву и пару других языков, необходимых для чтения исторической литературы, но никогда не считал себя космолингвистом даже на самом поверхностном уровне. Поэтому в этот раздел инфоцентра он действительно до сих пор не заглядывал.

Снедаемый любопытством, он, как только возможность представилась, набрал в поиске имя «Джеджидд».

И первое, что увидел:

«Магистр Джеджидд.

Культурное и языковое взаимодействие переселенческих общин Таттары: социальные практики, топонимика, ономастика.

Диссертация на соискание ученой степени магистра космолингвистики, защищенная в Межгалактическом колледже космолингвистики».

Да, пожалуй, тема довольно близка к историческим интересам Лаона. А что там за общины?.. Нужно выяснить.

Следующее название вогнало его в ступор:

«Баллаф Дозн.

Вводный курс уйлоанского языка для инопланетных студентов.

С дополнениями магистра Джеджидда.

Тиатара, Межгалактический Колледж космолингвистики».

Уйлоанский?!.. На Тиатаре?!..

Ну да, космолингвисты изучают самые диковинные языки, в том числе и мертвые, вроде *lingua latina*, и цвето-световые, и даже родной язык госпожи Туан Юн – «кореанский», на котором в этой части Вселенной никто больше не говорит. Тем не менее, в Виссеванском университете нашлось два студента, пожелавших выучить этот язык с живым носителем, и госпожа Туан Юн ведет соответствующий семинар. Зато уйлоанский язык преподает достопочтенное Сайюлло-Сайюлло, менее всего похожее не уйлоанца.

Однако имя первого автора «Вводного курса», – «Баллаф Дозн», – несомненно выглядит как уйлоанское. «Джеджидд» – разумеется, нет, в уйлоанском такие звуки вообще отсутствуют.

«Баллаф Дозн.

Краткая история Уйлоа.

Пособие для инопланетных студентов, изучающих уйло-

анский язык.

Новое издание с комментариями магистра Джеджидда. Тиатара, Межгалактический Колледж космолингвистики».

И опять эти двое! Кто они – ученик и учитель? Коллеги?.. Лаон немедленно скачал себе все три работы. А для полноты картины просмотрел, что еще они публиковали в соавторстве и по отдельности.

Открытия сыпались на него одно за другим.

«Песнопения уйлоанских океанид.

Перевод на космолингву Баллафа Доэна, перевод на английский Тессы Аллулу.

Редакция и комментарии магистра Джеджидда».

Неужели кто-то сумел перевести на нейтральную космолингву столь уникальный поэтический памятник, как «Уйлоаа алуэссиэй инниа»?!.. Но это ведь невозможно!.. И если – сделаем фантастическое допущение – Баллаф Доэн действительно уйлоанец, а не просто некто, взявший себе уйлоанское имя, то с какой стати инопланетянин, магистр Джеджидд, взялся бы редактировать и комментировать тексты, малопонятные даже профессорам уйлоанской словесности?..

А что он, собственно, сам написал уже после защиты ма-

гистерской диссертации?

Круг интересов этого космолингвиста оказался невероятно широким, хотя публиковал он чаще статьи, чем солидные монографии:

«Философия перевода: о трактовке термина «философия» применительно к принципам космолингвистики».

«Перевод поэтических текстов: сакральное, субстанциальное и субъективное».

«Этикетные формулы вежливости в мирах Межгалактического альянса и практика их перевода на космолингву».

«Грамматические парадигмы древних языков Теллус и их аналоги в архаичном варианте виссеванского языка».

«Гингосса как потенциальный центр изучения космолингвы. Речь на открытии секции космолингвистики при Гингосском университете».

«Язык драконоидной расы планеты Орифия. Грамматика, лексика, идиоматика, краткий словарь и рекомендации для переводчиков».

Вроде бы, ничего специфически уйлоанского.

Тем не менее, Лаон вновь разыскал достопочтенное Сайюлло-Сайюлло и подступился к нему с вопросами о Баллафе Доэне и магистре Джеджидде: откуда на Тиатаре такой интерес к Уйлоа? А главное, откуда эти двое могли почерпнуть информацию, которой не располагают даже историки Уйлоанской империи, родившиеся и учившиеся на Лиенне?..

Достопочтенное Сайюлло-Сайюлло отговорилось огромной занятостью и посоветовало обратиться за разъяснениями непосредственно к ректору, господину профессору Шаишшуассайшшиоу: он – историк цивилизаций, он постоянно поддерживает связи с межгалактическими учреждениями и безусловно ответит на все вопросы многоуважаемого профессора Саонса.

Ректор с непроизносимым именем Шаишшуассайшшиоу, которое официально позволялось сокращать до «господин профессор Шаишш», был аисянином. Лаон видел его лишь мельком и издали, не испытывая большого желания пообщаться вплотную. Он помнил свои впечатления от облика аисян во время демонстрации на мониторе у профессора Варданассира. Наяву этот облик внушал еще больший внутренний трепет, хотя никто в Виссеванском университете не мог бы сказать о господине ректоре ничего дурного.

И всё же, переборов себя, Лаон записался к нему на индивидуальный прием.

Аисянин был облачен в просторную серо-синюю мантию с капюшоном. Лица он фактически не имел, хотя из-под ка-

пюшона высвечивалось некое подобие глаз – вернее, потоков искрящихся микрочастиц, излучавших несильное и не раздражающее сияние. Говорил он с помощью лингвочипа, настроенного на тембр солидного мужского голоса с механическими интонациями.

– Рад вас приветствовать, профессор Саонс! У вас возникли какие-то затруднения со студентами или коллегами? Или проблемы у вашей дочери?

– Нет, господин ректор, у нас всё благополучно. Я хотел бы поговорить о другом. Вы не могли бы сообщить мне: почему в Тиатарском Колледже космолингвистики так пристально интересуются языком и культурой Уйлоа? И кто такой Баллаф Доэн, если он нигде не называется магистром или профессором?

Ректор выждал паузу. Испытующе просветил Лаона своим лазерным зрением. И произнес:

– Что же. Неизбежное произошло. Я обязан кое-что объяснить вам. Но надеюсь, вы сохраните благоразумие и не будете распространять информацию, способную нарушить развитие сразу двух цивилизаций.

– Даю вам слово, господин ректор Шаишш.

– На Тиатаре имеется еще одна диаспора уйлоанцев, господин профессор Саонс.

– «Солла»?!..

– Да. Тот самый звездолет, исчезнувший со всей командой.

– И... с единственным выжившим потомком Его величества Уликена Последнего?!..

– Принц Ульвен Киофар Уликеннс, к сожалению, скончался во время межзвездного перелета. В отличие от Лиеннской империи, на Тиатаре нет никаких императоров. Ни виртуальных, ни правящих. Если вы уже познакомились с историческим очерком освоения Тиатары, то вы, несомненно, знаете, что на этой планете сложилась система коллегиального управления, основанная на представительстве всех трех рас и на уважении их автономии. С имперской иерархической системой это не совместимо. Ни один из живущих на Тиатаре уйлоанцев не носит подобного титула и никогда бы его не принял – это противоречит всем местным обычаям и законам. Что касается интересовавшего вас Баллафа Доэна, то он был одним из основателей Колледжа космолингвистики, на тот момент еще не Межгалактического. Его сподвижницей и спутницей жизни стала госпожа профессор Тесса Аллулу, уроженка планеты Теллус.

– Как?.. Спутницей?.. В каком смысле?..

– В прямом, господин профессор Саонс. Их союз не мог быть признан официально, однако оказался весьма плодотворным для развития космолингвистики, причем не только в планетарном масштабе. Особенностью Тиатарского Межгалактического колледжа остается углубленное изучение там многих языков Теллус, невзирая на удаленность этой планеты. А также, естественно, уйлоанского, хотя больше нигде в

окрестных мирах на нем не говорят.

– А третья община?

– Уроженцы планеты Тагма.

– Той самой, которая некогда внушала безумный страх уйлоанцам?

– Страх, как выяснилось, не имевший никаких оснований.

Тагманцы отличаются дружелюбием и трудолюбием.

– Джеджидд – тагманское имя?

– Да. У них нет фамилий.

И вновь, как и при разговоре с профессором Варданаси-ром, Лаону показалось, будто ректор чего-то сознательно не договаривает.

Он решился задать совсем откровенный вопрос:

– Господин ректор, но почему бы двум диаспорам уйлоанцев не наладить между собою контакты? Да, Лиенна и Тиатара расположены в разных галактиках, однако просто знать друг о друге – неужели нельзя?..

– Господин профессор, Межгалактический альянс допускает, что в будущем эти связи могут возникнуть. Но пока считает их преждевременными. Вы, будучи уроженцем Лиенны и профессором Императорского университета, способны понять, какое воздействие может произвести на сознание обитателей вашей планеты известие о том, что социальная жизнь уйлоанцев может быть устроена совершенно иначе. Без принятой у вас иерархии страт, без множества ограничений, зато с наличием в непосредственной близости

нескольких инопланетных общин и с постоянным присутствием представителей самых далеких миров. В том числе – куратора от Межгалактического альянса.

– Вероятно, вы во многом правы, господин ректор. Но я общался с коллегой, профессором Варданассиром, он Хранитель Лиенны...

– Это не то же самое, что куратор. Он прежде всего дипломат и переговорщик, постепенно налаживающий нужные связи. Его влияние – самое мягкое из возможных. Однако, насколько нам известно, господин Варданассир уже сталкивался с определенным противодействием со стороны Императорского правительства.

– Все империи обладают огромной силой инерции, господин ректор, — заметил Лаон. – Это их типовая особенность. Стабильное функционирование всех институтов и медленное поступательное развитие воспринимаются как залог процветания и безопасности.

Ректор слегка засветился, что означало, наверное, нечто вроде усмешки. Он был историком цивилизаций, и ему не следовало напоминать о свойствах имперских сообществ.

– Поэтому, господин профессор Саонс, такие сообщества стараются вытеснить тех индивидуумов, которые воспринимаются как живая угроза их существованию. Возможно, останься вы на Лиенне, ваша судьба сложилась бы менее гладко, чем здесь. Диссертацию на такую тему вы там просто бы не защитили. Собственно, вам довольно поспеш-

но присвоили степень профессора Императорского университета во многом затем, чтобы вы ничего подобного не писали и не оглашали публично.

– Но ведь мне и моей дочери предстоит вернуться на Лиенну?

– Не обязательно, профессор Саонс. Выбор будет за вами. Степень профессора или магистра, присужденная на межгалактическом уровне, дает вам свободу работать, где угодно. Если ваши курсы получают признание у студентов, вы сможете задержаться на Виссеване. Или принять любое другое интересное предложение. Если за вами и вашей дочерью сюда последуют и другие ученые с Лиенны, здесь появится еще одна уйлоанская община, пусть небольшая. Мы сейчас над этим работаем, но стараемся действовать осмотрительно и не спешить.

– Вы?..

– Господин профессор, я вынужден вам открыться, однако не говорите об этом никому из третьих лиц, включая вашу дочь.

Ректор Шайшш принял его обещание хранить тайну и произнес:

– Перед вами – куратор Виссеваны. Я отвечаю здесь за соблюдение принципов и законов Межгалактического альянса. В настоящее время Альянс не считает возможным и нужным налаживать тесные связи между двумя уйлоанскими диаспорами, существующими во Вселенной. Развитие каждой из

них – важнейший эксперимент, за которым мы следим очень пристально.

– То есть... даже упоминать об уйлоанцах на Тиатаре нельзя?

– На Лиенне – не стоит. Здесь – можно, однако лучше обсуждайте такие темы с коллегами вашего уровня.

– А как же мой лекционный курс? Я его составлял, не учитывая тиатарских реалий!

– Вы можете сделать оговорку, что курс основан на лиеннских источниках.

– Но я не смогу теперь делать вид, будто публикаций Баллафа Доэна и магистра Джеджидда не существует!

– Включите их в библиографию. И оговорите, что, поскольку вы сами не были на Тиатаре и вряд ли когда-то там окажетесь, вы не можете ручаться за полную достоверность того, что написано в этих книгах. Колледж космолингвистики – не Межгалактический университет, а книги писали космолингвисты, а не историки.

– Благодарю вас за ценнейшие советы, господин ректор.

– Успехов вам, профессор Саонс. Мы возлагаем на вас большие надежды.

Оппонент

Лаон и Илассиа оказались настолько захвачены университетской жизнью, что удивились внезапному окончанию их первого учебного года на Виссеване. Он основательно готовился к каждой лекции и семинару, а между занятиями посещал курсы разных коллег – и историков, и археологов, и космолингвистов. «Учиться – это такое счастье!», – говорил он студентам, приводя в пример самого себя, который, даже сделавшись доктором наук и профессором, продолжал пополнять свои знания и пересматривать прежние взгляды. Ласси охотно соглашалась с отцом. И она ощущала себя счастливой: заниматься любимым делом в окружении единомышленников, работать в современных лабораториях, иметь доступ к любым новейшим исследованиям, посещать или слушать в записи лекции на смежные темы...

Связь с Лиенной была не прямой, только путем пересылки файлов, но периодически отец и дочь сообщали родным и друзьям о своих успехах и получали известия о том, что делалось в Уллинофароа и на маяке.

У Вайниров дела шли неважно. Кайс опять упал, спускаясь по лестнице в полутьме, и на сей раз сломал не ногу, а пару ребер. Его отвезли в больницу, а тем временем должность смотрителя решили всё-таки упразднить, сделав ма-

как полностью автоматическим. Жители Меннавара подали в администрацию Меннао петицию о сохранении маяка как туристической достопримечательности. Петицию поддержал фонд «Маяк», возглавляемый госпожой Баллайной Кассай. Компромисс был найден: домик у маяка был выкуплен благотворительницей и оставлен в пожизненное владение супругам Вайнир. Кайс, пострадавший на рабочем месте в рабочее время, получил страховку и пенсию. Вкупе с деньгами, оставленными Лаоном, им хватало на безбедную жизнь, однако оба они тосковали по «нашей птичке».

Новости о Кайсе и Файе сообщила Саинна, которая сама в Меннавара не ездила, но общалась с Баллайной. В конце письма сестра очень кратко обмолвилась, что у супругов Кассай наконец-то появился ребенок – мальчик. Его назвали Диллаф – в честь чрезвычайно влиятельного дяди Эммуэна Кассая, который теперь занимает пост министра Императорского правительства и заведует государственными финансами. Баллайна счастлива, все родные довольны. Дочка Саинны и Аллуэна – Веллоа – растет здоровенькой, забавляет всех в доме, Саннуо учится ровно и хорошо, хотя пока не определился с пристрастиями. Аллуэн настаивает, чтобы сын стал врачом, однако эта профессия – не для каждого.

И, конечно же, все, словно сговорившись, спрашивали, собирается ли Илассиа возвращаться в Уллинофароа, и не следует ли заранее подобрать ей достойного жениха или нескольких кандидатов в супруги. Самой Илассиа будет

трудно найти себе пару: она вернется ученой дамой, а не юной неискушенной девушкой, мужчины начнут сторониться ее, опасаясь, что она затмит любого из них и станет верховодить в семье.

– Ласси, они в чем-то правы, – заметил Лаон, передав ей очередное послание Саонсов и Майвэев. – Как ты представляешь себе свое будущее?

– Папа, милый, для начала я поеду в экспедицию на побережье. Всё решено. До сих пор я работала в лаборатории, оранжерее, виварии, инсектарии – а мне хочется специализироваться на водной фауне. Ты же знаешь, как я люблю океан и морскую живность!

– Хорошо. А потом?

– Потом я придумаю тему магистерской, выберу руководителя, договорюсь с ним – или с ней – и подам заявление на стажировку.

– И... никаких женских радостей?

– Папа, о чем ты? Мы здесь единственные уйлоанцы, мне не с кем встречаться, да и нет большого желания...

– У тебя ведь и в Уллинофароа не складывались отношения с юношами. Или я о чем-то не знаю?

– За мною пытались ухаживать, папа. Но делали это настолько неловко и даже грубо, что мне становилось противно или смешно. Возможно, я в самом деле неспособна влюбиться. Мой главный жизненный орган – мозг, а не то, что расположено ниже. Как только ко мне подступаются с опре-

деленными намерениями, я вижу это насквозь, анализирую все реакции и... не чувствую ничего, кроме лабораторного интереса.

– Я немного тревожусь, Ласси, что ты занята только наукой и живешь исключительно разумом, заглушая в себе голос сердца.

– О, то же самое говорила мне госпожа Туан Юн!

– Вы общаетесь? Я не знал.

– Иногда беседуем по душам. Знаешь, теперь мне уже не кажется, что жители Теллус ужасно уродливы. Она милая, только совсем не похожа на нас. И она здесь тоже одна. Собственно, госпожа профессор Юн решила предостеречь меня от ошибок, которые совершила сама. Отказалась от брака ради науки, она улетела так далеко от родной планеты, что вернуться назад уже невозможно. Здесь к ней прекрасно относятся, у нее есть всё – высочайшая репутация, деньги, ученики, свой собственный дом на окраине кампуса. Но поговорить по душам почти не с кем. Я – не ее студентка, поэтому нам с нею можно дружить, невзирая на разницу в возрасте и инопланетное происхождение.

– Она мудрая женщина и прекрасный специалист. К ней стоит прислушаться, Ласси.

– Папа, я хочу прожить – свою жизнь! Не чужую! И уж если наделать ошибок, то только своих! Чтобы потом упрекать было некого! Впрочем, лучше бы обойтись без спонтанных поступков, о которых придется, возможно, жалеть.

– Ласси, мне страшно подумать, что ты проживешь свою жизнь без любви.

– Но мне вправду некого тут любить. Знаешь, папа, если я вернусь на Лиенну, я устрою нечто вроде конкурса соискателей своей руки – посмотрю, кто мне нравится больше, заключу с ним брачный контракт из сотни пунктов с мелкими примечаниями – и выйду замуж, имея ясные представления о последствиях этого шага.

– Ты шутишь, девочка? – изумился Лаон.

– Может быть, и шучу. Но, возможно, проблеме придется решать сугубо рационально.

– Ладно, милая. Не буду разубеждать тебя. Обсуждать твое замужество пока преждевременно. У тебя впереди два учебных года. И ты совсем еще молода.

– Да, папа. И я, поверь мне, так счастлива!

Ласси уехала в экспедицию с биологами и биоэтиками, а Лаон попросился к археологам – ему запомнилось замечание профессора Вишшамаррана об умозрительности его представлений об этой науке.

Он возился в грязи под дождем, уже не обращая внимание на постоянные виссеванские грозы – если они бушевали не прямо над головой, археологи даже не прекращали работы, ибо раскоп был прикрыт легким куполом или тентом.

Вынимая и бережно расчищая древнейшие артефакты, Лаон начал мечтать о совсем несбыточном: о снаряжении экспедиции на Уйлоа. Да, планета погибла, жизни там боль-

ше нет, атмосферы нет, но ведь что-то осталось? Руины великой империи... Сколько там осталось сокровищ, сколько важных памятников уйлоанской культуры, сколько произведений искусства!

Нужно хотя бы попробовать составить заявку и подать ее в фонд Межгалактического совета по научным связям разумных миров. Вероятно, лучше – через здешний университет. Вряд ли Совет рассматривает заявки отдельных ученых, за которыми не стоят никакие организации. А Императорский университет Уллинофароа – чересчур далеко, одна переписка с ним займет не менее года, и нет никакой уверенности, что ректорат захочет во всё это ввязываться. И, конечно же, у Лиенны просто не хватит средств на межзвездную экспедицию. Даже и говорить бесполезно.

Лаон вернулся в кампус раньше Ласси. Разобрался со счетами и письмами, позволил себе пару дней отдохнуть, вволю выспавшись и наплававшись в опустевшем во время каникул бассейне. Составил план занятий на следующий триместр. И начал прикидывать текст заявки на экспедицию...

Внезапно позвонили из ректората.

Звучный искусственный голос профессора Шаишша поприветствовал Лаона и сообщил:

– Профессор Саонс. К нам поступила диссертация, которая могла бы вас заинтересовать. Текст успешно прошел анонимное рецензирование и принят к защите. Мы надеемся, что вы не откажетесь стать оппонентом. Вознаграждение

стандартное. Срок – примерно три здешних месяца. Соискатель – с другой планеты.

– С удовольствием возьмусь, господин ректор Шайшш. Тема связана с историей цивилизаций?

– Отчасти. Но вы же интересовались историей космолингвы и хорошо владеете терминологией. Нам нужен специалист широких взглядов, мыслящий неординарно.

Искушение, вызов, риск... Лаон вошел во вкус неожиданных поворотов в своей научной карьере. Оппонировать на защите докторской диссертации в Межгалактическом университете – это честь, особенно для того, кто совсем недавно сам прошел через такую же процедуру.

– Я согласен! – сказал он, еще не зная названия диссертации.

Когда Ласси вернулась из своей экспедиции в их прибежище, она застала отца, с головой погруженного в чтение распечатанных страниц с графиками и формулами.

– Папа, – удивилась она. – Ты решил заняться статистикой, экономикой или аэродинамикой?..

– Нет, моя милая, это космолингвистика.

– Да?..

– На самом деле, ничего особенно страшного. Так нагляднее. Не нужно многословных комментариев, достаточно одной таблицы, графика или схемы.

– А зачем тебе такая премудрость?

– Я взялся оппонировать автору. Мне нужно основательно

вникнуть в ход его мыслей.

– И как? Получается?

– Ласси, он – гений. Или она, – я не знаю, кто это и откуда. Исключительный интеллект. Невероятная эрудиция. Текст непрост, но я наслаждаюсь каждой фразой и каждым параграфом.

Илассия попыталась читать, но вскоре сдалась:

– Ох, папа, мне это вряд ли доступно. Однако видно, что писал некто чрезвычайно умный и знающий.

– Интересно, что моя диссертация содержала экскурсы в космолингвистику, а здесь, наоборот, космолингвист рассуждает об истории цивилизаций. Понятно, почему меня попросили стать оппонентом. Это как две окружности с одним смежным сектором.

– А какая тема?

– *«Процесс развития космолингвы как живого разговорного языка».*

– Неужели? Язык ведь искусственный?

– Автор доказывает, и весьма убедительно, что вследствие взаимодействия различных цивилизаций космолингва обнаруживает тенденцию обрастать диалектами, региональными особенностями в фонетике, лексике и идиоматике, что постепенно делает ее живым языком – по крайней мере, таковы наблюдаемые закономерности. Поэтому в работе так много графиков, схем и таблиц. Всё основано на подсчетах, а не на голословных утверждениях.

Илассиа удовлетворилась ответами Лаона и занялась своими делами: писала отчет об экспедиции, пропадала в лаборатории, проводила какие-то опыты в местном аквариуме, выступала на студенческой конференции с докладом об фауне моря Валлойн на Лиенне...

Три месяца пролетели почти незаметно. Лаон едва успел составить и тщательно отредактировать свой оппонентский отзыв. Он решил читать его, не отклоняясь от текста, дабы не сбиться из-за волнения.

Дочь помогла ему выбрать костюм, подходящий для столь ответственного заседания, а сама, воспользовавшись свободным вечером, села дописывать очередной реферат – на сей раз, по юриспруденции.

«Возможно, я буду поздно», – сказал Лаон, прощаясь с Илассиа. – «Сама защита проходит довольно небыстро, а потом состоится прием. Неудобно уйти, не перемолвившись со всеми коллегами. Ты поужинай самостоятельно, а устанешь – ложись».

«Ладно, папа. Я всё же дождусь тебя. Мне самой интересно узнать, кто этот таинственный гений».

Чудо

– Ласси. Он – существует.

Лаон бросил эту фразу с порога, сорвал с себя плащ и тотчас рухнул в ближайшее кресло.

– Кто? – удивилась она, подумав, что отец, вопреки своему обыкновению, переусердствовал с крепкими напитками на послезащитном приеме.

– Дай воды, – попросил он сдавленным голосом.

Илассиа налила стакан прохладной воды. Он выпил – глоток за глотком. Нет, спиртным от отца нисколько не пахло.

Она пододвинула кресло и села вплотную к нему.

– Ласси, милая... Ты не можешь себе представить, кем оказался сегодняшней диссертант...

– Расскажи мне, и я узнаю, – сказала она рассудительно.

– Он... прилетел с Тиатары.

– И что?..

– Его имя... Нет, не могу даже выговорить...

– Настолько трудное? Ну, напиши.

– Не трудное. А... священное. Язык не поворачивается произнести.

– Папа, что ты как маленький?

– Ульвен Киофар Джеджидд.

Она не сразу вникла в смысл его слов.

– Как?..

– Джеджидд – псевдоним. Все свои предыдущие труды он публиковал под этим именем. Тагманским, не уйлоанским. Настоящее имя прозвучало лишь на защите. Ульвен Киофар Уликеннс. Понимаешь?!..

– Это... не совпадение?..

– Нет. Никоим образом. Династические имена не может носить, кто попало. Ни один уйлоанец не посмел бы наречь своего ребенка Ульвенком. И никто не мог бы присвоить себе фамилию Киофар и добавить к ней императорское – Уликеннс.

– Не может быть, – потрясенно пробормотала она.

– Илассиа, он отыскался! Он сам прилетел сюда! Защищать диссертацию!.. Невозможно, непостижимо – но обмануться было нельзя. Это он, Илассиа! Он!.. Я не посмел обратиться к нему иначе, чем «Ваше императорское величество». Он довольно резко меня оборвал, настоятельно посоветовав вернуться к академическим нормам: «Коллега, пожалуйста: я – магистр Джеджидд, пока мне не присуждено искомое ученое звание». Слова были скромными, но тон таким повелительным, что мне осталось лишь извиниться и впредь называть его только «магистром», «коллегой» и «многоуважаемым автором».

– И ты... оппонировал нашему Звездному императору?!..

– А куда мне было деваться?

– Все прочие поняли, что происходит?

– Не знаю. Наш первый диалог велся на архаическом уйлоанском. Его величество объяснил остальным, что я использовал чрезвычайно старинную форму учтивого обращения, которая на Тиатаре давно не используется, однако на Лиенне, возможно, еще в ходу.

– В эту версию так легко поверили?

– Председательствовал сам ректор, господин Шайшш. Он, конечно же, знал, кто такой «магистр Джеджидд». Еще одним оппонентом был профессор Хррангархх с Окуды, он здесь в командировке и мало с кем успел познакомиться. Третьей в нашем кругу оказалась госпожа профессор Менненаирра Фарран, возглавляющая кафедру космолингвистики на факультете словесности. Мне показалось, она была в прошлом лично знакома с Его величеством, они ведь оба космолингвисты, но сделала вид, будто не поняла или не слышала моей реплики. Дама она весьма пожилая, ей простительна некоторая рассеянность. Впрочем, в остроте ума с ней не смогут тягаться и более молодые коллеги, а о зловредности ее нрава тут ходят легенды...

– Оставь ее, папа! Расскажи... как всё было!

– Как положено, Ласси. Оценка работы тремя оппонентами, вопросы, ответы, дискуссия. Никто не принимал во внимание его сан, даже если о нем и догадывались. В диссертации обнаружился спорные тезисы, он умело их защищал, кое в чем соглашался с критикой, но отстаивал основные идеи, приводя дополнительные примеры и аргументы.

Защита была исключительно интересной, и степень доктора и профессора он получил совершенно заслуженно.

Ласси помолчала, осмысливая сказанное, и, наконец, решилась спросить:

– Папа. А... какой он? Если он до сих пор не профессор, то, наверное, примерно твой сверстник?..

– Он значительно младше меня. Я-то стал профессором позже, чем мог бы. Космолингвисты, как и математики, начинают обучение рано, лет в четырнадцать или пятнадцать, поэтому среди них встречаются и магистры восемнадцати лет, и доктора наук, которым немного за двадцать. Но Его величеству, думаю, около тридцати. Он давно уже занимает в Колледже космолингвистики должность одного из ведущих профессоров, и этот статус просто требует соответствующего ученого звания. Как он сам объяснил нам, на Тиатаре он мог стать лишь магистром, там ведь нет университета. Требовать для себя исключения и защищаться заочно, по совокупности публикаций, он не хотел: идеи, изложенные в его диссертации, требовали строгой критики и обсуждения. А лететь на другую планету ему долгое время не позволяли дела.

– Просто невероятно... Император – ученый! Ах, если бы хоть мельком увидеть его!

– Увидишь. И вовсе не мельком. Завтра он пригласил нас с тобою на ужин в ресторан при профессорской резиденции.

– Да?!.. И меня?!..

– У нас был доверительный разговор на приеме. Он сказал, что желал бы откровенно побеседовать со мной с глазу на глаз. Поскольку времени у него до отлета немного, лучше встретиться завтра же вечером. Я ответил, что принимаю его милостивое приглашение как великую честь, но прошу разрешения взять с собою тебя, ибо было бы несправедливо лишать тебя такой радости. Он подумал и согласился: «Пожалуй, профессор Саонс, так даже лучше. Пусть не останется никаких недомолвок. Буду рад познакомиться с вашей дочерью».

Ласси онемела от этой новости. Закрыла лицо руками и пробормотала простецкое «Йоннайо!» – «Утонуть-захлебнуться»...

– Доченька, выражаться столь непринужденно при Его величестве я бы тебе не советовал, – заметил Лаон. – Он строго следует этикету, пусть не императорскому, а сугубо академическому.

– Постараюсь вести себя как благородная барышня, – обещала она. – Только... в чем я пойду?

– Я не думаю, Ласси, что это будет иметь хоть какое-нибудь значение. Годится любое приличное платье. Разумеется, не рабочий комбинезон для лаборатории. И не плавательный костюм с аквалангом для наблюдений за твоими любимыми водными жителями.

– Нет, папа, я лучше прогуляю завтра утренний семинар, но придумаю, как мне одеться! Виссеванский наряд, навер-

ное, не пойдет, хотя эти радужные тона так красиво переливаются...

– Ласси, мы – уйлоанцы, как и наш Император. Случай обязывает нас придерживаться традиций.

– Да, папа, ты прав. Я давно не носила платьев, привезенных с Лиенны. Помнишь, одно, попроще, я купила сама, другое получила от Саинны, а третье мне подарила Баллайна? Последнее – совсем новое, мне здесь некуда было его надевать, я даже не знаю, впору ли оно сейчас, будет жаль, если вдруг не сойдется...

– Только, Ласси, не надо выглядеть вычурно! И не вздумай надеяться, что Его величество обратит на тебя хоть какое-нибудь внимание. Изначально ведь он приглашал лишь меня.

– Хорошо. Постараюсь держаться как самая что ни на есть примерная девушка. Я умею!

– Конечно, умеешь, Ласси. Ты умница.

– Папа, ты даже не представляешь, какой подарок ты сделал мне! Пускай – один вечер. Зато мы будем – с ним. Только мы. Разве это не чудо?!..

Званный ужин

Саонсы появились в ресторане слегка заранее, однако профессор Джеджидд их уже ожидал.

Кельнер почтительно проводил их к укромной нише, устроенной в эркере. Стол был накрыт на троих. Его величество выбрал место в центре, гостям предстояло расположиться справа и слева. Сквозь остекление эркера высматривался вечерний пейзаж, озаряемый дальними молниями – обычным фоном виссеванского темного неба. Грохота слышно не было: гроза бушевала где-то вдали, и к тому же купола над зданиями университетского городка приглушали громовые раскаты. В самом ресторане играла тягучая медленная виссеванская музыка, напоминавшая длинные, перевитые между собою, лианы, стволы и стебли растений, образующих в здешних лесах непролазные дебри.

Лаон церемонно представил Ласси:

– Многоуважаемый господин профессор, позвольте вам представить Илассиа Саонс, мою дочь, студентку биологического факультета.

– Илассиа?..

Ласси давно привыкла, что лиеннские аристократы всегда переспрашивали, узнав, как ее зовут, и привыкла сдержанно пояснять: «Да, Илассиа. Это вид морских птиц» – и в ответ

обычно раздавалось: «Очень оригинально! Красивое имя». В школе ее дразнили «бакланшей», и это гораздо больше соответствовало отношению окружающих к подобной орнитологической ономастике.

Реакция Его величества смутила ее. Уж он-то, как космолингвист и приверженец строгого этикета, не должен был бы удивляться любому, самому необычному, имени.

Она осмелилась взглянуть ему прямо в глаза.

И забыла о всяком пространстве и времени. Глаза были серо-коричневые, но казались бездонными, как вечернее небо, в котором медленно зажигаются дальние – и такие холодные – звезды. Третий глаз излучал теплый золотистый свет, приглушенный и мирно мерцающий, как огонь маяка в погоду, благоприятную для мореплавания.

– Извините, уважаемая госпожа Илассиа. Извините, многочтимый профессор Саонс. Прошу вас садиться.

Голос Звездного императора оказался таким же глубоким, одновременно мягким и властным.

Ласси мысленно поблагодарила отца, который убедил ее одеться как можно строже. Серебристое платье без отделки, с пелериной тон в тон. Перламутровое ожерелье Айлисы – украшение недорогое, но идущее к ее светлым глазам с розоватыми ободками.

– Выбирайте, пожалуйста, всё, что вы хотели бы заказать. Буду очень признателен, если вы мне подскажете какие-нибудь изыски виссеванской кулинарии.

– Мы вряд ли в них сведущи, Ваше... многочтимый господин профессор, – ответил Лаон смущенно. – Хотя мы находимся здесь уже больше года, питаемся обычно в университетской столовой и не придаем еде большого значения. О нет, не подумайте, пожалуйста, будто я экономлю на лакомствах для единственной дочери, просто наши с ней расписания часто не совпадают, и у нас обоих всегда не хватает времени.

– Хорошо. Тогда я возьму на себя смелость немного пофантазировать, – предложил профессор Джеджидд.

Он заказал самые невероятные блюда, о существовании которых Саонсы даже не подозревали.

Пока их готовили, он велел подать прохладительные напитки и довольно властно потребовал:

– Ну что же. Настало время поговорить. Расскажите мне о Лиенне. Всю историю воскрешенной империи излагать не нужно, она мне отчасти известна. Интереснее было бы узнать о теперешней жизни обычных лиеннцев.

Лаон начал несколько сбивчиво говорить о делении общества на страты, которые редко соприкасаются и практически никогда не смешиваются. Объединяет их всех идея служения делу Империи и верность Звездному императору.

– А откуда взялись эти страты, если переселенцев было немного? – любопытно спросил Его величество.

– Поскольку доставляли их на Лиенну тремя партиями, то первые тринадцать удостоились звания «основателей», а

их потомки составили высшую страту. Это правители, судьи и иерофанты. Изначально они руководили всеми прочими. Среди прибывших позднее выделились ученые и инженеры – они составили вторую по значимости страту, процветающую до сих пор. В нее можно войти, проявив способности к наукам и достаточно упорство, однако без финансовой помощи путь к высоким постам будет долгим и сложным. Пример тому – наша семья. Саонсы – из третьей страты, которой отведены занятия производством, торговлей и оказанием разных услуг, вроде устройства гостиниц и ресторанов. Мои родители неохотно поддерживали мое желание поступить в Императорский университет и совсем отказали мне в помощи, когда я женился на девушке из четвертой страты, дочери смотрителя маяка. Ниже – только пятая страта, слуги, чернорабочие, поденщики на сезонных работах.

– Вы считаете это устройство приемлемым, профессор Саонс?

– Другого никто не Лиенне не знал, Ваше... многоуважаемый профессор Джеджидд. И, судя по сохранившимся источникам, устройство погибшей Уйлоанской империи было примерно таким же. Только там еще была страта военных. У нас ее нет, зато имеется много служб по охране порядка и обеспечению безопасности. В стратах ниже второй существуют гильдии, они обеспечивают определенный уровень справедливости и заботятся о неимущих: стариках, вдовах, сиротах.

– Однако вам удалось преодолеть все преграды, профессор Саонс, не так ли?

– Нам с Илассиа повезло. Среди родственников нашли те, кто оказал нам поддержку в трудное время. У меня сложились хорошие отношения с университетскими наставниками и с дворцовым иерофантом, господином Ойонаем. Наконец, я смог подружиться с господином профессором Варданассиром. Он – Хранитель Лиенны от Межгалактического альянса. И, собственно, он и способствовал нашему перемещению в Виссеванский университет.

– А ваша супруга, профессор Саонс? Осталась там?

– Нет, многоуважаемый господин профессор Джеджидд. Она умерла, когда Ласси... Илассиа... была совсем еще маленькой. С тех пор мы с дочкой живем вдвоем. И, как видите, оба занимаемся наукой, только каждый – своей.

– Госпожа Илассиа, какова ваша будущая специальность?

– Биоэтика, многоуважаемый господин профессор.

– Перспективная область, не правда ли?

– Мне тоже так кажется. На Лиенне она совершенно не развита.

– На Тиатаре, в общем-то, тоже. Хотя наше законодательство приведено в соответствии с принципами Межгалактического альянса.

Тем временем принесли первую перемену блюд. Разговор ненадолго прервался. Илассиа старалась поменьше смотреть на Звездного императора. Нехорошо, если гости начнут за-

глядывать к нему то в тарелку, то в рот. Впрочем, его манеры выглядели безупречными. Он наслаждался едой, никуда не спеша, но и не забывая поддерживать размеренную беседу.

Сама Илассиа тоже ела крохотными кусочками, дабы не оказаться застигнутой с полным ртом, когда нужно ответить на вопрос Его величества, хотя говорил он преимущественно с Лаоном.

– Насколько я понял, профессор Саонс, на Лиенне не выявлено никаких потомков уйлоанской императорской династии.

– Истинно так, многоуважаемый господин профессор. Этому есть объяснение: оставшиеся на Уйлоа родственники убитого императора Уликена Последнего долгое время скрывались в тайных убежищах на Фарсане. Там они и встретили смерть. А большинство уйлоанцев, перебравшихся на Лиенну, оказались родом с Сеннара. Отбирали их, как вы знаете, не по степени знатности или богатства, а по совершенно другим критериям.

– А скажите, профессор Саонс, для вас не выглядит парадоксальным существование империи без императора?

– В этом есть свой высокий смысл, Ваше... простите, многоуважаемый профессор Джеджидд. Император – та незримая цель, к которой устремлено всё развитие нашего общества. Мы пока недостойны его лицезреть, но все верят, что он существует, и однажды явится нас осчастливить.

Профессор Джеджидд отодвинул свою тарелку, дождал-

ся, когда ее уберет расторопный внимательный официант, и внушительно произнес:

– Господа мои. Посмотрите внимательно на меня. Безусловно, я совершенно реален. Но я такое же существо из плоти и крови, как вы. Столь же смертное и уязвимое. Во мне нет ничего сверхъестественного. Я нуждаюсь в еде. Я сплю. И отправляю другие потребности. Поклоняться биологическому организму, равно как умозрительному концепту – неразумно ни с какой точки зрения. Осчастливить планету и все ее население я заведомо не могу. Разве что самых близких. Да и то, если наши с ними желания совпадут.

Его величество говорил серьезно, сдержанно, но очень вежливо, тщательно выбирая слова и чеканя каждую фразу.

– Простите за крайне нескромный вопрос, господин профессор Джеджидд, – подала Илассиа голос. – А можно узнать, кто они, ваши близкие?

– Вопрос очень важный, госпожа Илассиа, и я сам собирался об этом сказать. Мой отец погиб несколько лет тому назад. Я – глава семьи, глава рода, верховный иерофант улойанской общины на Тиатаре и негласный наследник титула имперского принца. Никоим образом не император! Титул передается от отца к сыну, однако не фигурирует ни в каких документах. Это наша традиция, часть истории, которую мы предпочли сохранить, дабы не забыть, откуда мы родом и как была устроена жизнь на Уйлоа. Но практического смысла в моих пышных титулах нет. На Тиатаре не может

быть никаких императоров. Преподаю и публикуюсь я только под псевдонимом Джеджидд. Для моей профессии титул – только обуза. Принц, проверяющий студенческие работы, выглядел бы нелепо. Дома же я – сын и брат. Со мной живет моя матушка и младшая из двух сестер. Старшая давно замужем, у нее почти взрослая дочь. Младшая сестра еще школьница, но к наукам ее не тянет. У нее способности к музыке, однако матушка не одобряет подобной профессии. Сестра поет и играет только в узком семейном кругу.

«Значит, он не женат!» – с тайной радостью вдруг подумала Ласси.

– Я рассказал всё это, друзья мои, – подытожил профессор Джеджидд, – чтобы дать вам понять непреложную истину: никакого Звездного императора не было, нет и не будет. Я не настолько тщеславен, чтобы потакать всеобщему помешательству. Меня совершенно устраивает моя нынешняя, сугубо частная, жизнь и работа в Колледже космолингвистики. Покидать моих близких, зависящих от меня, или вынуждать их перемещаться в другие миры, ибо так желают мои неведомые почитатели, я не вправе. Свой долг я вижу в служении роду, семье и науке. Называйте меня «профессор Джеджидд». Только так. И никак иначе.

Он вновь сделал долгую паузу, поскольку им принесли остальные блюда. Всё выглядело необычайно изысканно и источало соблазнительные ароматы, но участники ужина словно бы не замечали всех ухищрений ресторанных кудес-

ников.

– Угощайтесь, пожалуйста, – сказал профессор Джеджидд куда более мягким тоном, чем прежде. – Простите мне мою резковатую речь, однако я хотел сразу же пресечь возможные кривотолки.

Лаон молча ему поклонился в знак покорности его воле. Илассиа прижала руки к груди, давая понять, что сохранит его слова в своем сердце.

Таких жестов требовал императорский этикет. Ничего другого им на ум не пришло.

– Я вижу, вы разочарованы, – заметил профессор Джеджидд.

– Вы не представляете себе, господин профессор, насколько глубоко мы верили во всеведение, мудрость и милосердие Звездного императора! – сказал Лаон. – Да, эта вера может казаться смешной, наивной, простонародной, бессмысленной, но она придавала нам силы жить, бороться, надеяться на справедливость... И не только нам, а сотням тысяч наших сограждан!

– И ведь письма нередко имели желаемые последствия, – добавила Ласси.

– Какие письма? – удивился профессор Джеджидд.

– На Лиенне сложился обычай: в День Отечества, когда празднуется основание нашей Империи, писать послания Звездному императору, где каждый может порадовать его своими успехами или, что случается чаще, попросить о

чем-либо, пожаловаться на какую-то несправедливость...

– Но вы же понимаете, господа мои, что я не получал и не мог получать никаких таких писем! Средства дальней космической связи чрезвычайно затратны, пересылка реальных объектов с их помощью невозможна...

– Конечно, всё так, многоуважаемый профессор Джеджидд. Письма собираются и прочитываются властями, в ответ на некоторые предпринимаются определенные действия, потом их помещают в секретный архив, куда не допускают даже историков... Но без веры в Звездного императора многим жилось бы куда тяжелей и безрадостнее, чем сейчас.

– Я настаиваю на своем желании оставаться частным лицом.

– И даже для нас вы не сделаете исключения?

– В каком смысле, друзья мои?

– Мы желали бы принести вам присягу в качестве ваших первых – пусть даже единственных – подданных. И восприняли бы такое отличие как величайшую честь.

– Хорошо. Если вам самим так угодно.

Профессор Джеджидд взял в руки настольный светильник с живым огнем и вручил его Лаону Саонсу – как замену священного Общего очага.

– Я, Лаон Саонс, приношу клятву вечной верности моему Императору, Ульвену Киофару Уликеннсу Джеджидду, и даю обет быть послушным его велениям и служить ему честно и преданно.

– Я, Илассиа Саонс, дочь Лаона Саонса, приношу клятву вечной верности моему Императору, Ульвену Киофару Уликеннсу Джеджидду, и даю обет быть послушной его велениям и служить ему честно и преданно.

– Я, Ульвен Киофар Уликеннс Джеджидд, наследник династии императоров Уйлоанской империи, принимаю клятву верности от уроженцев Лиенны, благородного господина Лаона Саонса, и его дочери, благородной госпожи Илассиа Саонс.

Светильник вернулся в центр стола.

– Теперь, – продолжил профессор Джеджидд, – я требую исполнения вашего первого долга. Вы должны молчать обо всем, что здесь происходило, обо всем, что произносилось, и особенно о самом моем существовании. Вы не будете разглашать мое настоящее имя нигде и ни перед кем.

– Клянусь, – ответили почти одновременно отец и дочь.

– Но, многоуважаемый господин профессор, – вспомнил вдруг Лаон. – Ваше имя уже называлось во время защиты! Свидетели – все оппоненты, председатель и секретарь...

– Они тоже связаны обетом сохранять конфиденциальность. В дипломе имя приводится полностью, потому что нельзя выдать профессорский сертификат неизвестно кому. Однако во всех публикациях я останусь лишь как «профессор Джеджидд».

– А скажите, многоуважаемый господин профессор, на Тиатаре тоже никто не знает вашего настоящего имени? –

поинтересовалась Илассиа.

– Почему же, там оно вовсе не тайна, – ответил он. – Но в Колледже космолингвистики его не упоминают ни вслух, ни в письменных документах. Коллеги, конечно, знают, кто я такой. Студенты – вряд ли, за исключением некоторых, моих личных учеников. Для прочих, с кем я общаюсь вне колледжа – соседей, знакомых, друзей, – я «господин Киофар». Разумеется, безо всякого титула. Хотя, если уж соблюдать здесь какую-то точность, то, конечно, я вовсе не император, а принц. Поэтому ваше ко мне велеречивое обращение в начале защиты, господин профессор Саонс, выглядело неверным в терминологическом смысле и некорректным по сути.

– Приношу вам низжайшие и почтительнейшие извинения, многоуважаемый господин профессор! Я был настолько потрясен нашей встречей и настолько преисполнен благоговения, что не подумал о возможных последствиях!

– Надеюсь, последствий не будет, ибо я уже принял меры, а сейчас, как мне кажется, мы достигли с вами полного взаимного понимания.

– Истинно так, – подтвердил Лаон.

– Прекрасно. Насладимся же напоследок десертом и разговорами на более приятные темы, – предложил профессор Джеджидд.

Десерт оказался не менее восхитительным, чем предыдущие блюда: нечто невероятно воздушное, тающее во рту, сочетающее вкус не очень сладкой взбитой розовой пены с

нежными частицами фруктов.

– Яства, достойные императорского дворца, – прокомментировал Лаон, слегка опасаясь вызвать очередную отповедь своего повелителя.

– Но доступные всякому посетителю этого ресторана, – спокойно откликнулся профессор Джеджидд.

– Тиатарская кухня столь же изысканна? – спросила Илассиа.

– Она разная, ибо нашу планету населяют три расы, и у каждой свои предпочтения. Для гостей мы стараемся приготовить нечто особенное, но сами питаемся без причуд. Рыба, водоросли, моллюски, грибы, овощи – обычный наш рацион.

– На Лиенне примерно так же, – сообщил Лаон.

– Естественно, – согласился профессор Джеджидд. – Планету ведь подбирали такую, которая подходила бы для переселенцев и снабжала бы их природной пищей, особенно на первых порах.

– На Тиатаре климат похожий?

– Нет, профессор Саонс. У нас гораздо жарче, по крайней мере, в обитаемой зоне. Сухие пространства, практически пустынные, перемежаются обширными водоемами, часто болотистыми, и горами.

– А океаны, моря? – спросила Илассиа.

– Скорее, озера. Моря очень мелкие и периодически превращаются в непреодолимые пространства соленой грязи. Ученые не сошлись во мнениях, составляют ли эти моря

часть бывшего разрозненного океана, или океан только начал формироваться. В другом полушарии продолжается вулканическая активность, и перемены вполне возможны. К счастью, там никто не живет.

– Значит, Тиатара еще не совсем исследована?

– Нет, госпожа Илассиа. Можно сказать, что почти не исследована, если вы подразумеваете экспедиции с участием представителей биологических рас. Над планетой постоянно ведут наблюдения спутники и регулярно запускаемые зонды. Тиатару вообще не планировали отдавать под заселение кем-либо. Но, коль скоро так получилось, сфера нашей жизнедеятельности ограничена предписаниями Межгалактического альянса. Границы могут быть расширены, и они уже раздвигаются, однако всё происходит медленно и после необходимых планетологических и экологических экспертиз. Этим занят Институт Тиатары, одно из научных учреждений Альянса. Он сравнительно небольшой, зато в нем работают специалисты из разных миров. Как и в Колледже космолингвистики. Мы сотрудничаем. Нам нередко приходится переводить на конференциях по любой тематике, ибо лингвочипы не всегда содержат нужную лексику, а при синхроне возникают совсем комические нелепости.

– Сколькими же языками вы владеете, многоуважаемый господин профессор? – поинтересовался Лаон.

– Искренне признаться, не помню, дорогой коллега. В активном пользовании, пожалуй, двадцать семь или двадцать

восемь. Читаю еще примерно на стольких же. Есть языки, составляющие одну группу, и там достаточно хорошо освоить один или два, чтобы понимать остальные на слух или делать письменные переводы. Псевдоним Джеджидд – «Переводчик» – полностью соответствует основному роду моих занятий. Он возник из школьного прозвища, которое я воспринял как почетное, а не обидное. Собственно, мои соученики-тагманцы и не собирались меня дразнить, у нас были прекрасные отношения.

– Вы учились... в обычной школе? – удивилась Илассиа, в голове которой не умещалась мысль о том, что император или, хотя бы, принц, может посещать уроки вместе с простыми людьми.

– Эта школа считается лучшей на Тиатаре. Но она не частная, а муниципальная. И, согласно законам о равноправии, в каждом классе должны присутствовать и уйлоанцы, и тагманцы, как мальчики, так и девочки. У выходцев с Теллус школа своя, поскольку они живут в отдалении, однако и там учатся самые разные дети. Сословных барьеров нет, если вы говорите о них. Сейчас ту же самую школу заканчивает моя младшая сестра. У нее – никаких привилегий. Я сам слежу за тем, чтобы она не пропускала занятий, выполняла все задания и получала высокие баллы.

– Можно узнать, как ее зовут, многоуважаемый господин профессор?

– Ее имя Иссоа. Да, тоже птичье. Поэтому, уважаемая гос-

пожа Илассиа, я удивился, услышав ваше имя – простите меня, если вам моя реакция показалась бестактной.

Иссоа. «Пташка». Принцесса-певица.

– А другая сестра? – продолжала любопытствовать Илассиа.

– Госпожа Ильоа Сеннай. «Ильоа», как вы понимаете, происходит от слов «Морская волна», с неизбежным слиянием гласных – элизией, простите за лингвистический термин. Это имя традиционно дается старшим дочерям в семье Киофар в память о нашей прамати на Тиатаре, выдающемся биогенетике Ильоа Кийюн, которая восстановила династию из генетического материала погибшего принца Ульвена.

– И чем занимается ваша старшая сестра? Тоже биологическими исследованиями?

– О нет, хотя живет она с мужем рядом с Институтом Тиатары. Наукой никто из них не увлекается, ее муж владеет несколькими предприятиями, а она ведет светскую жизнь и покровительствует школе при Институте. Зато их дочь Маилла, моя дорогая племянница, учится в Колледже космолингвистики.

– В вашем классе, многоуважаемый господин профессор?

– Нет, я не беру в ученики близких родственников. Хотя Маилла очень способная. И, надеюсь, закончит Колледж защитой магистерской диссертации.

По несколько отстраненному тону профессора Джеджид-

да отец и дочь догадались, что со старшей сестрой он, похоже, не очень близок. О младшей, Иссоа, он говорил с нескрываемой теплотой и гордостью. О племяннице – тоже. Ему нравятся умные и ученые женщины?..

С десертом было давно покончено. Напитки тоже иссякли. Профессор Джеджидд предложил заказать еще что-нибудь, но Саонсы сочли это явным излишеством. Сумма счета, должно быть, уже сравнялась по цифрам с расстоянием до орбитальной станции. Семья Киофар, несомненно, очень богата, да и принц-профессор весьма состоятелен. Приглядевшись, Илассиа поняла, что его обманчиво скромный и даже невзрачный наряд в темных коричневато-зеленых тонах на самом деле создан вручную из дорогих естественных материалов. Единственное украшение – застежка с цепочкой – из платины, которую издали можно принять за обычную сталь.

Как бы он ни пытался отмежеваться от титула Звездного императора, он являлся им и по праву рождения, и по внутренней сути. Магнитное поле власти окружало его и витало над ним, при всей его безупречной предупредительности и учтивости.

– Что же, я очень рад нашей встрече и счастлив считать вас отныне своими друзьями, – произнес, завершая ужин, профессор Джеджидд.

– Мы сердечно благодарим вас за столь высокую честь и никогда не забудем этот невероятный вечер, – ответил Лаон.

– Если мы никогда не увидимся, то простите, если я чем-

то вас разочаровал или оказался не таким, как вы ожидали. А если вдруг судьба заставит наши пути пересечься, вы можете всецело рассчитывать на меня, уважаемый профессор Саонс и уважаемая госпожа Илассиа.

Они встали и вышли из ресторана втроем. Профессор Джеджидд оказался высоким, стройным и легким в движениях. Илассиа старалась вобрать в себя каждый его жест и каждый звук его голоса.

Затем принц отправился в свою квартиру в профессорской резиденции, а Саонсы – к себе в общежитие.

Говорить никому не хотелось. Да и слова были лишними. Скоро он улетит. Насовсем. Никакого «если» не будет. Судьба – не благотворительница, она не подарит им еще одного свидания со Звездным императором. Разве что теперь они знают, куда ему можно писать.

Решение

Лаон первым вошел в их отсек, зажег свет – и без сил опустился в кресло в гостиной. Он ощущал себя одновременно и переполненным чувствами, и совершенно опустошенным. Будто одну душу вынули, другую вложили, но она еще не прижилась.

Илассиа села в другое кресло. Однако не отдалась изможденной расслабленности, а приняла напряженную позу, словно бы готовая в любой момент вскочить и куда-то бежать.

– Доченька. Что ты скажешь?.. – спросил Лаон после невыносимо затянувшегося молчания.

– Папа... Я – погибла. Это – всё. Оно самое. «Йоннайю». Утонуть-захлебнуться. Меня больше нет.

– Не пугай меня, Ласси!

– И других мужчин больше нет.

– В каком смысле?

– Я люблю его. Только его. Навсегда. Остальные – не существуют.

– Даже я?..

– Ты – мой папа. Я не про то. Для меня теперь невозможно посмотреть на кого-то еще. Кроме Звездного императора.

– Он не хочет, чтобы мы его так называли.

– Неважно. Он – то, что он есть. Такова его суть. Мы вручили ему наши души. Он принял наш дар. Теперь мы взаимно связаны.

– Вряд ли господин профессор Джеджидд одобрит подобные выводы. Он весьма дорожит своей анонимностью и своей свободой жить так, как он хочет. И он в своем праве.

– Я вовсе не собираюсь преследовать его здесь, искать с ним свидания перед отлетом на Тиатару, признаваться в любви... Это было бы дико и глупо. Такими безумствами я ничего не добьюсь. Он отвергнет меня как назойливую попрошайку.

– А что же ты сделаешь?

– Папа, я жить без него не могу. И не буду.

– Ласси!!

– Не бойся, я не покончу с собой. Но я должна быть там же, где он. Тиатара – так Тиатара. Мне все равно.

– Каким образом ты туда попадешь?

– Он же сам рассказал, что планета мало изучена. И там есть межгалактический Институт, занимающийся биологией. Значит, можно добыть стажировку туда. Я сменю свою тему, приготовлю проект и подам документы. Немедленно. Завтра же!

– Не успеешь.

– Ладно, на днях. Проект действительно должен пройти апробацию.

– Может быть, дорогая, из этого что-то получится. Толь-

ко... ты там окажешься совершенно одна. Без меня.

– Папа, милый... Там есть уйлоанцы. Я смогу с кем-нибудь подружиться. Возможно, с той самой госпожой Ильоа, его старшей сестрой. Подружилась же я с твоей... Баллайной.

– Ласси, она совсем не моя. Мы просто друзья и родственники.

– Знаю, знаю... Не надо. Я видела. И давно уже всё поняла. Впрочем, это несколько не важно. Главное, я умею общаться со светскими дамами. Ведь я хорошо воспитана, да? Я умею держаться?..

– Для «девочки с маяка» – идеально. Как это выглядит с точки зрения императорского этикета, не знаю.

– Научусь. Я способная.

– Ты надеешься, он обратит на тебя внимание?

– Он уже обратил.

– Не путай учтивость с сердечностью. Наш повелитель был предельно учтив, однако четко обозначил границы возможного и невозможного. Он не хочет пускать в свою частную жизнь посторонних.

– И всё-таки рассказал про семью, про сестёр, про племянницу... Ты заметил, что он ни словом не упомянул о супруге или невесте?

– А зачем он должен был о них упоминать? Да, скорее всего, он еще не женат, однако вполне может быть обручен с какой-нибудь знатной девушкой или собственной ученицей

– и после триумфальной защиты докторской вернется домой и сыграет свадьбу.

– Не пугай меня! Не хочу в это верить.

– Не учитывать это нельзя. Он не юноша. Зрелый мужчина.

– Папа, мне всё равно. Повезет – я добьюсь взаимности и стану его женой. Не повезет – всё равно буду с ним. Я готова пойти хоть в наложницы. Это вовсе не страшно и даже не стыдно, если любишь всерьез.

– Разве ты еще не поняла, что он – не из тех, кто податлив на обольщения?

– Тем сильнее я им восхищаюсь и тем больше люблю.

– А если он отвергнет тебя?

– Постараюсь, чтоб не отверг. Или... просто останусь поблизости. Чтобы видеть хоть изредка. Перекидываться парой слов. В этом он не сможет мне отказать. У меня есть право обращаться к моему императору. По любому вескому поводу.

– К господину профессору, Ласси.

– Его настоящее имя – Ульвен Киофар. Ах, до чего же это прекрасно! И, по-моему, хорошо сочетается с моим. «Ульвен и Илассиа»... Да?

– Пустые фантазии.

– Я превращу их в реальность!

– Похоже, детонька, ты не собираешься спрашивать ни совета, ни разрешения у отца...

– Папа, прости. Невозможно противиться зову судьбы. «Соллис аккэй». Он полюбит меня – либо я там погибну. Но буду знать, что я попыталась добиться счастья.

– Что же, птичка. Ты оперилась и расправила крылья. Лети!

Постскрипtum

«Многочтимальму профессору Джеджижду, Тиатарский Межгалактический колледж космолингвистики.

Несказанно почитаемый коллега и драгоценнейший друг, не осмелюсь скрыть от Вас важной новости, касающейся моей дочери, Илассиа Саонс. Вдохновленная Вашими рассказами о неизученных пространствах Вашей прекрасной планеты, она составила план своей стажировки в Институте Тиатары, и получила грант и стипендию для соответствующей стажировки с условием предоставления материалов в Межгалактический совет по научным связям разумных миров и последующей защиты магистерской диссертации по биоэтике.

Илассиа уже покинула Виссевану, попросив меня не докучать Вам лишний раз и не обременять Вас неуместными просьбами о какой-либо помощи. Разумеется, никакого Вашего участия в ее обустройстве на Тиатаре мы вовсе не ожидаем, оно совершенно излишне, коль скоро Илассиа предоставлены все возможности. Однако, позволю себе напомнить Вам, что мы с дочерью до сих пор никогда не разлучались надолго, она не знает на Тиатаре никого, кроме Вас, и я очень надеюсь, что наша встреча на Виссеване не окажется в ее жизни единственным воспоминанием о Вашей

великодушной любезности.

С низжайшим церемониальным поклоном, бесконечно преданный Вам почитатель, коллега и друг – Лаон Саонс».

В доме супругов Иллио и Ильоа Сеннай раздался звонок.

Иллио дремал под навесом в шезлонге, Ильоа сидела в гостиной, просматривая на экране девайса фасоны платьев, присланные мастерницей для предварительного заказа. Крёмовое – себе, розоватое с сизыми клиньями – дочке, Маилле, она любит такие тона, и они ей идут...

Ильоа неторопливо включила второй экран:

– Добрый день, милый брат.

– Добрый день, дорогая сестра.

– У тебя ко мне, вероятно, какая-то просьба?

– Отчего ты так решила, дорогая Ильоа?

– Ты почти никогда не звонишь просто так.

– Я рано встаю, днем обычно занят, да и вечером часто работаю у себя в кабинете. Освобождаюсь поздно, когда звонки уже неуместны. Прости меня, если мой образ жизни противоречит твоим понятиям о родственных отношениях.

– Ульвен, оставь этот тон. Или ты таким образом шутишь?

– Считай, что шучу, дорогая Ильоа. Ты права: у меня к тебе просьба.

– Охотно исполню ее, если это в моих возможностях, дорогой Ульвен.

– Я был бы весьма благодарен вам с Иллио, если бы вы

согласились приютить в вашем доме гостью, нуждающуюся в покровительстве.

– Какую гостью, Ульвен?

– Это дочь моего оппонента, профессора истории цивилизаций, с которым я познакомился в Виссеванском университете.

– Опять... инопланетянка?... Ульвен, ты не справишься!

– Дорогая Ильоа, она в самом деле с другой планеты, однако той же расы, что мы.

– И твоя ученица?

– Нет, совсем не моя. Я видел ее один раз. Она прилетела на стажировку в Институт Тиатары. Биолог. Мне подумалось, будет приличнее, если одинокая девушка, никого здесь не знающая, проживет в уважаемом доме, в самой достойной семье. А поскольку ваш с Иллио дом соседствует с Институтом, то другого решения я не стал бы искать.

– Надеюсь, она не такая... непосредственная в реакциях, как твоя подопечная Юлия?

– Можешь быть совершенно спокойна, дорогая сестра. Девушка тихая, скромная, безупречно воспитанная. Если вы всё же с ней не поладите, она переселится в кампус. Но там к ней будут относиться иначе, зная, что вы принимали ее у себя.

– По твоей настоятельной просьбе, Ульвен.

– Это подразумевается. Покровительство семьи Киофар – защита от любых неприятностей, которые могут ожидать

здесь одинокую гостью с другой планеты.

– Когда она появится?

– Послезавтра. Сейчас она еще в карантине. Я сам ее привезу.

– На флаере?

– Да, конечно. Мне нравится летать, ты же знаешь. Но нужно спросить у Иллио, согласен ли он, чтобы девушка на какое-то время поселилась у вас.

– Проснется – спрошу, однако не сомневаюсь в его согласии. Для Иллио любое мое желание – непреложный закон. Он недавно сетовал, что без Маиллы дом опустел. Что же, гостя его развлечет разговорами о далеких планетах.

– Благодарю тебя, дорогая сестра.

– Надеюсь, ты пообедаешь послезавтра с нами?

– С удовольствием, дорогая Ильоа.

– Ульвен, я забыла спросить: как зовут эту девушку.

– Только не удивляйся.

– И как же?

– Илассиа Саонс.

– Илассиа?!..

– Да.

– Она знает?..

– Нет еще. Я не стал говорить.

– Несомненно, она удивится.

– Пусть удивление будет приятным.

– Хорошо, милый брат.

– Передай мой привет дорогому Иллио, скажи, я не обратился к нему, не желая мешать его отдыху и будучи совершенно уверен в вашем с ним полном единодушии.

– Всё исполню, Ульвен. До свидания.

Ильоа выключила экран. Платья были забыты.

Ну надо же: брат попросил ее приютить у себя его очередную... кого?... Кто ему эта девушка? Только дочь оппонента, которому он пожелал оказать любезность?.. Ульвен никогда не признается, что у него на уме. Отделается исключительно вежливыми и формальными фразами.

И опять – инопланетянка. Хорошо, не такая чужачка, как Юлия. Матушка терпит присутствие этой развязной барышни с Теллус лишь потому, что у нее есть жених, скоро она выйдет замуж за своего любимого Карла, с которым она не стесняется при всех обниматься... Каково Ульвену смотреть на их непотребства и делать вид, будто он всем доволен и даже счастлив?..

Брат безумно упрям. Даже зная, что Юлия никогда не могла бы стать его женой и никогда об этом не помышляла, он по-прежнему продолжает сторониться приличных девушек из хороших семей. Сколько раз и матушка, и Ильоа пытались его вразумить! Предлагали и ту, и другую, и третью... Ни в какую. Ко всем придирался и всех отвергал. Эта, дескать, глупа и необразованна, та корыстна и слишком жадно поглядывает на матушкины украшения, другие, напротив, настолько скучны в своей благопристойности, что мало чем от-

лично от варати, пасущихся на берегах Джумая...

Неужели его, наконец, проняло?..

Девушка, похоже, ученая. Ладно, с этим можно смириться. Дочь профессора. Родство вполне подходящее. Хороша ли собой? Увидим, но главное, чтобы Ульвену она понравилась.

И главное – имя...

Илассиа.

Так Ульвен когда-то назвал свою яхту.

Судьба?..